

Т. И. Ерофеева

**ШТРИХИ
РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
ПРИКАМЬЯ**

Учебное пособие по спецкурсу

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2012

УДК 81'27
ББК 81:60.56
Е76

Р е ц е н з е н т ы :

д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка Челябинского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы РФ *Л. А. Шкатова*
канд. филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков Прикамского социального института *С. В. Шустова*

Ерофеева Т.И.

Е 76 Штрихи речевого портрета Прикамья [Электронный ресурс] : учеб. пособие по спецкурсу / Т.И. Ерофеева. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 192 с.

ISBN 978-5-9765-1512-3

Учебное пособие по спецкурсу представляет результаты исследования речи горожан в ракурсе, определяемом проблематикой социальной диалектологии. Демонстрируются нормы устной городской литературной речи, лексикон городских социолектов, методика их исследования, индивидуальная речевая продукция – тем самым создаются штрихи языковой картины мира горожан.

Предназначено для студентов филологического факультета, учителей школ и тех, кто интересуется проблемами комплексного изучения человека, – литераторов, социологов, психологов и др.

УДК 81'27
ББК 81:60.56

ISBN 978-5-9765-1512-3

© Ерофеева Т. И., 2012

Оглавление

Тема 1. Речь провинциального города: итоги и перспективы	6
Тема 2. Социолект как конструкт при изучении городской речи	11
Тема 3. Методика исследования речевой продукции горожанина	22
Тема 4. Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации	29
Тема 5. Общая модель социолектов городов Кунгура и Чусового Пермского края	38
Тема 6. Частные социолекты городов Прикамья	48
Тема 7. Лексикон городских социолектов: о функциональной нагрузке социально окрашенных единиц	56
Тема 8. Лексикон городских социолектов: об аспектах изучения локализма	64
Тема 9. Профессиональная единица как компонент лексики городского социолекта	83
Тема 10. Устаревшее слово в речевом узусе современного города	88
Тема 11. Историческая зарисовка молодежного жаргона 1970–1980-х годов	95
Тема 12. Жаргонно-арготическая единица в речевом узусе школьников	109
Тема 13. Городское языковое пространство: индивидуальное и социальное	121

Тема 14. Локализмы в семейной речи	127
Тема 15. О формировании идиолексикона в диалектных условиях.....	136
Тема 16. Биосоциальные страты говорящих в речевых проявлениях.....	141
Тема 17. Социолингвистическая информация в словарях городской речи	155
Тема 18. Актуальные смыслы концепта «любовь» в представлении горожан	167
Тема 19. Концепт «Пермь» по данным свободного ассоциативного эксперимента	174
Литература	182

Все существующее разумно,
естественно и законно –
вот лозунг всякой науки.

И. И. Бодуэн де Куртене

Россия сильна провинцией.

Н. М. Карамзин

Тема 1

Речь провинциального города: итоги и перспективы

Двадцатые годы XX столетия – важный период в развитии отечественного языкознания. Они ознаменовались аргументированным призывом профессора Б.А. Ларина (1977) незамедлительно обратиться к широкому изучению языка города. Он был услышан и нашел поддержку в лингвистических кругах. Ряд коллег и учеников Б.А. Ларина приступили к сбору соответствующих материалов и их анализу. В Пермском университете в 30-е годы под руководством А.В. Миртова велось интенсивное исследование живой речи рабочих. Подчеркнутую актуальность идеи Б.А. Ларина приобрели в период лингвистического «бума» 60–70-х, связанного с изучением разговорной речи. В России создается ряд центров (в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Перми, Красноярске, Саратове, Ижевске, Челябинске), где в разных ракурсах рассматривается языковой быт современного города.

В последние десятилетия XX века получены значительные результаты исследования разговорной речи горожан, имеющие огромную практическую и теоретическую значимость не только в сфере лингвистики, но и во всех смежных дисциплинах гуманитарного цикла. В частности, была выявлена территориально-функциональная окрашенность устной литературной речи, вызванная воздействием местных диалектов. Кроме того, установлено, что устная литературная речь испытывает влияние различных социальных факторов, которые присущи носителям литературного языка. Социальные факторы выступают вторым доминирующим признаком основы образования локальных вариантов устной литературной речи. В сложной жизни современного русского литературного языка эта проблема занимает далеко не последнее место и является актуальной для исторического опыта других языков – как славянских, так и неславянских.

Обращение пермских лингвистов к социолингвистическому рассмотрению языка городов отдельного (Пермского) региона приобретает в настоящее время особое значение, поскольку без сбалансированной, научно обоснованной региональной политики не могут решаться общегосударственные проблемы. При создании речевых портретов городов понятие «язык города» интерпретируется как социально-коммуникативная система, используемая в различных функциональных областях и прежде всего в массовой и личной коммуникации в форме устной речи разговорного койне и городского просторечия.

Городское языковое пространство представляет собой гомогенно-гетерогенное явление. Пермские социолингвисты длительное время изучали речь горожан в аспектах, ставших сегодня традиционными: 1) выявление и описание двух ведущих разновидностей речи города – разговорной речи (РР) и городского просторечия; 2) исследование локальных элементов в языке города; 3) классификация горожан в плане диглоссии; 4) выявление функциональных типов речи в зависимости от социальных и психологических факторов в ситуации общения. Результаты изучения периодически освещались в сборниках Пермского университета «Живое слово в русской речи Прикамья», «Литературный язык и народная речь», «Проблемы социо- и психолингвистики». Собран научно значимый уникальный материал, фиксирующий речь различных социокультурных групп жителей городов Пермского края. На очереди фронтальное изучение речи городов региона.

Исследование регулярных корреляций между языком и экстралингвистической реальностью является актуальным в лингвистике, ибо социальная природа языка логически следует из тезиса о социальности самого человека. Однако социальная маркированность стратификации языка не проявляется в изоморфизме социальной структуры общества и функционального членения языка или в их «взаимной детерминации». Реальные отношения значительно сложнее, хотя социальные факторы являются в этом взаимодействии преобладающими. С целью описания соотношения социальной структуры общества и функционального членения языка вводится термин **социолект**.

В социолект включается понятие некоего архетипа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. С этой стороны, социолект – это речь «среднего индивида», представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект – инвариантный признак социально маркированной подсистемы языка. С другой стороны, понятие социолекта шире понятия архетипа – оно включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом факторов – страт.

Следовательно, социолект, понимаемый таким образом, – это любое социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка. В него могут включаться как подсистемы языка, так и более мелкие образования. При этом в понятие социолекта объединяются и система (код или набор кодов), и ее реализация (речь).

Существенная роль в исследовании социолекта отводится моделированию, которое позволяет вскрыть и показать социолингвистический механизм функционирования языковых единиц. Моделирование социолекта, понимаемого как инвариантная социально маркированная подсистема языка, является методологическим подходом, дающим возможность анализировать закономерности речевого поведения в реальных жизненных условиях. При этом важно получить такой массив данных, который позволил бы выявить структуру социолингвистической сущности, где проявляются те или иные языковые средства в речи, детерминированные рядом социопсихических и биологических страт. К биологическим стратам можно отнести пол, возраст информанта; к психологическим – темперамент; к социальным – место рождения, образование, специальность. Иными словами, структура объекта характеризуется некоторым числом факторов – страт, определяющих речевое поведение горожанина.

С философских позиций социолект оказывается промежуточным понятием в ряду таких утвердившихся в лингвистике терминов, как язык – идиолект, где общее есть язык; частное или отдельное – идиолект. Социолект есть особенное.

Благодаря развитию антропоцентрического подхода в лингвистике ученые смогли говорить о принадлежности языка личности, осмысляющей себя и свою роль в макро- и микро-социуме (Словарь социолингвистических терминов, 2006; Михальченко, Крючкова, 2000 и др.). В сознании каждого говорящего специфическим для него образом членится реальная действительность и отражается в его языке. Однако речевой портрет говорящего не ограничивается только трансляцией готовых смысловых структур, но и передает динамику осмысления действительности в речевой продукции – текстах.

Описание текстовых структур в зависимости от типа личности возможно в рамках междисциплинарных исследований. Например, Т.М. Дридзе исходит из возможности «смоделировать в одних и тех же единицах структуру личностного языкового сознания, с одной стороны, и текста как продукта порождения этого сознания – с другой» (Дридзе, 1984, 137). Однако вскрыть взаимосвязь речевого продукта (текстов) и его создателя возможно и с позиции социальной диалектологии, применяя ее аппарат исследования. Тогда объектом изучения становится речь как индивидов, так и малых социальных групп. Для терминологического определения данных категорий используются термины *идиолект* и *социолект* (Ерофеева Е., 2005; Ерофеева Т., 2004).

Термин *идиолект* создан по модели *диалект* и обозначает реализацию в устах индивида определенного языка, соединяющего в себе общие и специфические черты языковой структуры, нормы и языкового узуса. Идиолект есть совокупность особенностей, характеризующих речь индивидов в процессе их социального взаимодействия. Его изучение в разных ракурсах весьма актуально.

В последние десятилетия во всех отраслях лингвистики исследование социально-психологического феномена языковой личности приобретает несомненную значимость. Особенно интересный материал представляют наблюдения за языковым сознанием билингов, поскольку процессы духовного возрождения народов и роста их национального самосознания выдвинули в качестве первостепенной задачу выработки принципиально новой технологии гуманизации научного знания.

Современный этнос Урала специфичен. Особенности географии и исторического развития региона обусловили соседство на территории Пермского края трех различных языковых семей: финно-угорской (коми-пермяцкий язык прежде всего), тюркской (татарский язык прежде всего), индоевропейской (русский язык прежде всего).

Большая часть населения региона использует русский язык во всех сферах общения. Свойственная русскому языку диглоссия, т.е. параллельное бытование устной формы литературного языка и просторечия, в Прикамье осложнена. В сельских районах распространены диалекты. В городах, в Перми в том числе, диалект сосуществует с просторечием и устной литературной речью (Ерофеева Е., Ерофеева Т. и др., 2000).

Наряду с общерусской диглоссией (в осложненном варианте) распространен билингвизм (татарско-русский и коми-пермяцко-русский и т.п.) (Русская спонтанная речь коми-пермяков, 2007). Специфическим для Прикамья является влияние народных говоров на литературную речь горожан, вследствие чего она приобретает локальную окраску, которая обнаруживается прежде всего в лексике и фонетике. Эта черта характерна для языка делового общения и культуры, включая процесс обучения на всех его ступенях. Выявление социальных факторов, определяющих меру влияния народных говоров на речь городской интеллигенции, – отдельная исследовательская задача, решаемая Пермской школой социолингвистики. Таким образом, общерусские языковые процессы в Прикамье приобретают региональную специфику: на указанной территории взаимодействуют не только просторечие и литературная речь, но и просторечие, локально окрашенная литературная речь и элитарная литературная речь.

Во второй половине прошлого столетия благодаря распространению школьного образования и наличию единых образовательных программ практически все жители региона в той или иной мере освоили русский язык в средней школе. Однако в силу специфики функционирования русского языка в Прикамье языком межэтнического общения в языковых ситуациях всех типов оказывается локально окрашенный ва-

риант русского языка. Это означает, что в языковом сознании жителей края представлено несколько вариантов языковой картины мира, в разной мере отражающих национальную культуру, в разной степени пригодных для решения сложных когнитивных задач и вербализации результатов мыслительной деятельности. Наивный блок картины мира обычно связан с родным (лучше известным, ранее усвоенным) языком, научный – с тем, который освоен в письменной форме и удовлетворительно отражает выявленные наукой закономерности. В случае «закрепленности» наивного и научного блоков картины мира, субъективно переживаемой как целостное образование, за разными национальными языками процессы понимания вербально сформулированных интеллектуальных задач, их успешное решение и построение связного монологического высказывания, адекватно отражающего замысел автора, осложнены.

Преодолеть негативное влияние этого субъективного фактора дает возможность совершенствование знаний языка, позволяющего в свою очередь приобщиться к мировой культуре. В Пермском регионе «доступ» к мировой культуре обеспечивает русский язык посредством текстов, переведенных с других языков, распространенных в СМИ, включая электронные. Необходимость планирования развития языковой ситуации региона очевидна (Ерофеева Т., Овчинникова, 2003).

Тема 2

Социолект как конструкт при изучении городской речи

Анализ живой речи в социальном аспекте начался в русском языкознании в 20–30-х годах XX века. Циклом работ русские ученые В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Н.М. Каринский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов и другие основали но-

вое лингвистическое направление, получившее наименование *социальная диалектология*. В научный оборот был введен термин *социальный диалект*. Например, в статье 1927 года «Язык как социальное явление» М.Н. Петерсон, обращаясь к вопросу социально-диалектного дробления языка, признает возникновение и существование социальных диалектов («специальных языков», по его терминологии) естественным явлением, как и существование территориальных диалектов. Различие же их заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты, а один над другим (1927, 14). Следовательно, территориальные и социальные диалекты различны по своей природе и их необходимо рассматривать в разных плоскостях.

Рассмотрение языка не только с точки зрения системы, но и как реального факта социальной жизни ведет к тому, что особое внимание начинает уделяться акту индивидуальной речи, понимаемому и как акт речи одного человека, и как говорение «группы особей», например, семьи, сословия, класса, профессии и т.п. (Винокур, 1929). Речь носителя социального диалекта воспринимается как продукт социальных взаимоотношений, в котором психологическая сторона обусловлена социальной (Волошинов, 1929).

В цикле ранних работ, посвященных изучению социальной природы языка, ставился вопрос об образовании национальных языков в связи с формированием нации (Виноградов, 1938; Сергиевский, 1927; Якубинский, 1931). Особое внимание уделялось социально-экономическим факторам развития языков. В первых работах по социальной диалектологии ученые несколько прямолинейно соотносили классовое расслоение общества с речью представителей этого общества. Например, схема расслоения общества и языков, предложенная В.М. Жирмунским в работе «Национальный язык и социальные диалекты» (1936), имеет вид пирамиды. В основании пирамиды – территориальные диалекты. Средний уровень занимают полудиалекты, над ними, как постепенный переход к вершине, располагается уровень литературного языка. Пирамида имеет усеченный вид, так как приближение к норме всегда остается идеалом. Соответственно речь каж-

дого уровня имеет своего носителя; это крестьяне, мещане, образованные слои общества.

Формулируя тезис о социальной обусловленности языковых явлений, исследователи не могли не обратиться к выявлению специфических особенностей речи разных общественных групп. Так, специальному наблюдению подвергся «язык образованной части населения г. Вятки», в результате чего Н.М. Каринским (1929), изучившим данный языковой материал, делается вывод о существовании местных вариаций, или диалектов, литературного языка.

Особое направление социальной диалектологии связано с именем Б.А. Ларина, который разрабатывает проблему лингвистики языка города в статьях «К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок)», «О лингвистическом изучении города» (1928), «Западноевропейские элементы русского воровского арга» (1931). Изучение языка города весьма затруднено из-за текучести населения и того, что подход к языку города как промежуточному уровню способствовал восприятию его либо в качестве сниженного литературного языка, либо в качестве облагороженной крестьянской речи. Б.А. Ларин настаивает на самостоятельном исследовании языка города, потому что он не совпадает по социальной основе и лингвистическим признакам ни с литературным языком, ни с диалектами. Важнейшей специфической чертой городского населения является его билингвизм, ибо в распоряжении каждого горожанина есть две или несколько языковых систем, используемых разными социальными коллективами (городские социальные диалекты), к которым этот житель принадлежит. *В известном смысле такое понимание городского билингвизма дало толчок к развитию современной идеи социолекта.*

Сороковые–пятидесятые годы характеризуются сосредоточением внимания на изучении русской диалектной речи. Много сделали в области исследования различных сторон русских народных говоров Р.И. Аванесов, Л.И. Баранникова, В.И. Борковский, Н.П. Гринкова, А.П. Евгеньева, Р.Г. Мельниченко, В.И. Собинникова, Ф.П. Филин и др. При этом во всех их работах уже учитывались социальные характери-

ки говорящих. Эти исследования стали основополагающими в социальной диалектологии как особом разделе науки социолингвистики, изучающей процесс социального развития языка, его социальной дифференциации.

В русле проблем социальной диалектологии в 70–90-х годах на русском материале успешно ведутся исследования многими отечественными лингвистами. Изучаются социально-групповые диалекты, условные языки русских ремесленников и торговцев, молодежный жаргон, язык города в культурно-социальном аспекте, профессиональная лексика, индивидуальный язык личности и др.

В 70-е годы исследование *обиходной разговорной речи* становится предметом по крайней мере трех наук: социальной лингвистики, социальной диалектологии и психолингвистики. Еще в 1971 году авторы монографии «Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины» (научный редактор О.С. Ахманова) выделили в качестве одного из направлений языкознания социолингвистику, которая устанавливает корреляции между «микролингвистическими» явлениями и фактами общественной жизни конкретного коллектива. Так, коллективная работа «Русский язык и советское общество» (1968, руководитель – М.В. Панов) и по методике, и по направлению исследования может быть определена именно как микролингвистическая. Для работ такого направления характерен социально-типологический подход к рассмотрению существования и взаимодействия литературной и нелитературных форм общения (Баранникова, 1974; Крысин, 1989б; Филин, 1968). Этот подход дает возможность выявить обиходную разговорную речь, общую для говорящих и направленную на удовлетворение потребностей повседневного общения людей (Ожегов, 1966).

На фоне общих проблем социолингвистики и сообразно с выдвинутым тезисом изучения языка «через призму “социальности” его предназначения» В.Д. Бондалетов (1987, 16) рассматривает социальную диалектологию как часть социальной лингвистики. Исследование различных форм существования языка приводит В.Д. Бондалетова к выводу о том, что есть первичные, опорные, основные формы существова-

ния языка, к которым он относит литературный язык, территориальные диалекты, городское койне, просторечие, и производные, а иногда результативные формы – собственно профессиональные «языки», групповые или корпоративные, жаргоны, условные языки ремесленников и торговцев, жаргон (арго) деклассированных, которые «представляют собой лексические системы, вызванные к жизни разными социальными причинами» (1987, 68). Предмет социальной диалектологии определяется В.Д. Бондалетовым только в территориальном и социальном аспектах, что, с нашей точки зрения, существенно сужает рамки этой науки. В нашем понимании проблемы, стоящие перед социальной диалектологией, должны решаться в трех пересекающихся плоскостях: территориальной, социальной и биопсихологической.

На новом этапе знания есть необходимость определить предмет исследования данного раздела языкознания. В пермской лингвистике начиная с 1990-х годов предметом социальной диалектологии считают *устную обиходную речь*, представляющую собой реализацию таких форм и типов национального языка, как разговорно-литературная речь, нелитературное городское и сельское просторечие, профессиональные «языки» и территориально-социальные диалекты, с учетом всего многообразия *социально-психологических аспектов* (Ерофеева Т., 1991; Ерофеева Е., 1997; Штерн, 1992, 1993).

При изучении обиходно-разговорной речи в рамках социальной диалектологии вошло в традицию говорить об использовании вариации языковых (речевых) единиц в пределах территориальных или социальных групп. Учитывая утвердившиеся в истории лингвистики идеи, предлагаем ввести термин *социолект* для обозначения коллективного, или группового, языка (Ерофеева Т., 1995). С одной стороны, в социолект входит понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу, иными словами, это речь «среднего индивида». С другой стороны, социолект включает в себя и систему речевых средств определенной группы, детерминированную рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологиче-

ский и психологический характер (например, пол, возраст, темперамент и т.д.). Введение в научный обиход понятия социолекта позволяет описать закономерности речевого поведения горожан любого города, как большого, так и малого, к чему в 20-е годы призывал Б.А. Ларин.

Важной предпосылкой любого социального исследования является признание того, что социальные структуры и язык – явления динамические, а не статические, поэтому желательно, чтобы динамический характер объекта отражался в терминах, описывающих его. Наиболее удачным для описания процесса формирования социолекта, с нашей точки зрения, является термин *страта* – признак, по которому производится стратификация (расслоение). Если рассматривать термин *страта* в таком качестве, то страта есть основополагающий признак определенной группы людей, который может иметь и социальную, и психологическую, и биологическую природу. Таким образом, социолект – это совокупность языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой.

Предметом нашего исследования послужили социолекты, реализующиеся в городской речи жителей Пермского края и называемые городскими социолектами. Материалы, положенные в основу работы, собирались в процессе многолетнего непосредственного наблюдения за речевым общением и, кроме того, в ходе опросов и анкетирования представителей различных социальных групп Перми и городов Прикамья.

Исследовались следующие страты: специальность (гуманитарии, негуманитарии), место рождения (Пермь, районный центр, село), образование (высшее, среднее), возраст (20–29, 30–39, 40–49, 50 и более лет), гендер, темперамент (холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик). Для выявления существенных страт, а также их иерархии был использован дисперсионный анализ силы влияния (ДА), с помощью которого построена статистическая модель социолекта, максимально учитывающая всю структуру изучаемого объекта.

ДА основан на измерении вариаций результирующего признака. В качестве таких признаков в нашем случае высту-

пают параметры единиц лексического, синтаксического и супraseгментного уровней. На лексическом уровне исследовались знание и употребление в речи информантами диалектных, архаических и жаргонных единиц; на синтаксическом уровне – лингвистические признаки: длина предложения и его синтаксическая сложность, а на супraseгментном – паузация, темп речи и логическое ударение. Для изучения этих характеристик использовались следующие методы: анкетирование – для выявления знания и употребления лексических единиц (интроспективный анализ), анализ записей чтения и спонтанной речи – для определения лингвистических признаков синтаксического и супraseгментного уровней.

Сводная статистическая модель городских социолектов на основе данных ДА представлена в табл. 1, где показана иерархия (ранги по силе влияния) страт-факторов. Первый ранг присваивается фактору с наибольшей силой влияния. Ранги несущественных страт в таблице заключены в скобки.

Таблица 1

**Сводная статистическая модель
городских социолектов по данным ДА**

Фактор	Лексический уровень						Синтаксический уровень		Супraseгментный уровень				
	Диалектизм		Архаизм		Жаргонизм		Длина предл.	Синтакс. сложн.	Паузация	Темп		Логич. удар.	Эмоцион. удар.
	З	У	З	У	З	У				Чтение	Речь		
Специальность	4	3	1	1	1	1							
Место рождения	3	1	3	2			(3)	(4)		(3)			
Образование	2	4	2	(5)			1	1		(4)			
Возраст	1	2	(4)	(4)	(3)	(3)	(4)	(2)	(3)	(3)	(2)	(3)	(3)
Пол	(5)	(5)	(5)	3	(2)	2	2	(3)	(2)	1	1	2	2
Темперамент									1	2		1	1

Примечание. З – «знание», У – «употребление».

Наборы страт для единиц разных уровней совпадают не полностью, поскольку при планировании экспериментов учитывалась специфика каждой лингвистической единицы. Только две страты – «гендер» и «возраст» – исследованы во всех экспериментах.

Поведение лингвистических признаков по градациям страт-факторов можно представить в виде аппроксимаций, или сглаженных кривых (рис. 1–6). Тонкие линии на рисунке обозначают несущественные признаки, жирные – существенные.

Рассмотрим каждую из исследованных страт.

Гендер (рис. 1). В большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют изученные лексические единицы. У них предложение длиннее и синтаксически сложнее. Речь мужчин отличается большим числом пауз и, соответственно, более медленным темпом, большим количеством логических ударений. Результаты исследования показывают, что страта «гендер» существенно влияет на супрасегментные признаки (логическое ударение, темп речи), на признак «длина предложения» на синтаксическом уровне и на употребление архаизма и жаргонизма на лексическом. Это говорит о том, что страта «гендер» в проведенных экспериментах влияет в основном на речевое использование языковых единиц.

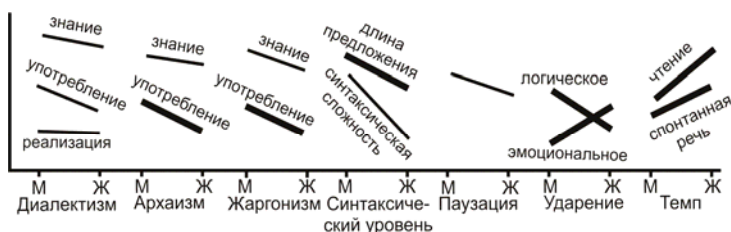

Рис. 1. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «гендер»

Возраст (рис. 2). Материал показывает, что в речи старшей возрастной группы несколько увеличивается число пауз, замедляется темп речи, уменьшается число логических ударений в ней, уменьшается длина и сложность предложения; в то же время улучшается знание диалектного слова и повышается частота употребления его в речи. Значимой же страта «возраст» является только для исследуемых параметров диалектного слова (знания, употребления), способствуя

локальной окраске речи горожан. Во всех остальных случаях эта страта несущественна.

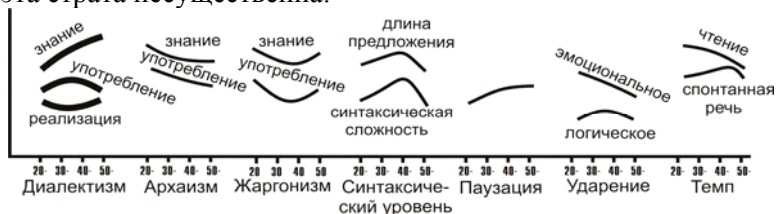

Рис. 2. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «возраст»

Место рождения (рис. 3). Страта «место рождения» была исследована в экспериментах по изучению диалектного и архаического слова, а также на синтаксическом уровне; на супraseгментном уровне при изучении этой страты рассматривался только темп речи. Была выявлена следующая тенденция: чем меньше населенный пункт, в котором родились информанты, тем выше значения параметра «знание» диалектного слова. Информанты, родившиеся в Перми, и лучше знают, и чаще употребляют архаическую лексику, используют предложения большей длины и говорят в более быстром темпе. Эта страта оказалась существенной для лексического уровня и несущественной для синтаксического и супraseгментного.

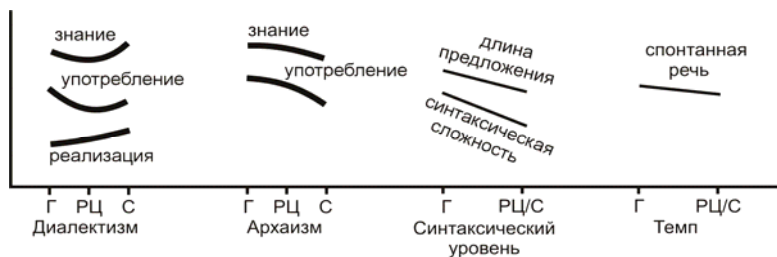

Рис. 3. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «место рождения»

Страта *образование* (рис. 4) изучалась на лексическом (диалектизм и архаизм), синтаксическом и супraseгментном (темп речи) уровнях. Материал показывает, что лица с высшим образованием хуже знают и реже употребляют диалектизмы,

однако лучше знают архаические слова. Используют же архаические слова в речи чаще люди со средним образованием. Очевидно, это связано с тем, что люди с высшим образованием лучше осознают специфику архаизмов и их стилистическую привязанность к письменной речи и поэтому реже употребляют их в речи. У лиц с высшим образованием также больше длина предложения и выше уровень синтаксической сложности предложений. Страта «образование» наиболее важна для синтаксического уровня и для параметра «знание» лексических единиц, т.е. можем считать, что эта страта в основном влияет на владение разными уровнями языковой системы.

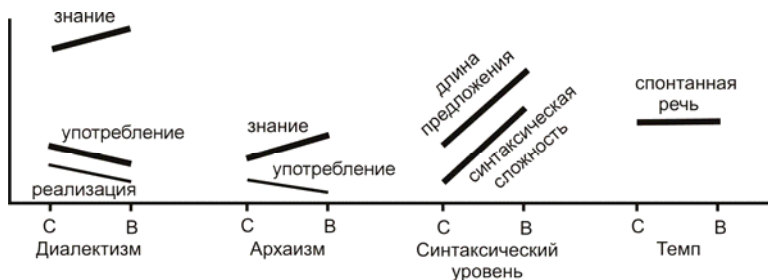

Рис. 4. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «образование»

Страта *специальность* (рис. 5) рассматривалась только на лексическом уровне и для всех единиц этого уровня оказалась значимой. Исследование показывает, что гуманитарии и хуже знают, и реже, чем негуманитарии, употребляют диалектное слово. В то же время гуманитарии лучше знают и чаще употребляют архаизмы и жаргонизмы. Безусловно, это связано с совершенно различными функциями и происхождением этих пластов лексики.

Темперамент (рис. 6). Данные об этой страте трактуются наиболее сложно. Дело в том, что темперамент – понятие комплексное. Однако если выстроить типы темпераментов по степени активности (холерик – сангвиник – флегматик – меланхолик), то можно обнаружить следующую тенденцию: при уменьшении степени активности увеличивается число пауз и, соответственно, снижается темп речи, а также уменьшается

число логических ударений. Страта «темперамент» является ведущей среди всех супraseгментных признаков.

Рис. 5. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «специальность»

Рис. 6. Поведение лингвистических признаков в зависимости от градации страты «темперамент»

Итак, структура языка неомогенна. С одной стороны, национальный язык обслуживает общество в целом. С другой стороны, каждый человек является носителем этого языка, а система языка, отраженная в речевой деятельности индивида, составляет его идиолект. Существуют также промежуточные образования, обслуживающие группы лиц, объединенных на основе какой-либо страты. Соответствующие подъязыки мы называем социолектами. Как показало исследование, различие «групповых языков» зачастую заключается не в наличии / отсутствии языковых элементов, а в частоте встречаемости языковых элементов в речи разных социальных групп, поэтому «групповые языки» можно представить как разное распределение вероятностей языковых элементов (Ерофеева Е., 2001).

Таким образом, с одной стороны, наблюдается детерминированность речевой продукции некоторыми факторами, с другой – эта обусловленность носит вероятностный харак-

тер. Сочетание детерминистской и вероятностной логик способствует успешному описанию обиходной речи в рамках социальной диалектологии.

Тема 3

Методика исследования речевой продукции горожанина

Сложность методики социолингвистического анализа обусловлена тем, что отбор, анализ и интерпретация языковых явлений осуществляются в контексте социальных явлений. Это позволяет использовать не какой-нибудь один метод, а целый комплекс их, что дает возможность определить характер соотношения лингвистических и социальных переменных.

Идея соотносимости лингвистических и социальных переменных обсуждается в зарубежном языковедении с целью разработки методики определения статуса варианта речи, позволяющей выявить социальные характеристики говорящего исходя из его речи (Cooper, 1975; Labov, 1970). В русской традиции эта проблема рассматривается несколько иначе – изучаются особенности речи различных социальных (в широком смысле) групп людей (см., например: Принципы и методы социолингвистических исследований, 1989; Русский язык по данным массового обследования, 1974). Наше исследование продолжает традицию русской социолингвистики.

Объектом изучения является речь русскоязычных жителей Пермского края. В основном это локально окрашенная речь, представленная в речевой продукции различных социальных групп, объединенных по стратам: место рождения, возраст, образование, специальность, род занятий, пол, темперамент.

Рассмотрим каждую из страт.

Место рождения. Эта страта считается важной при формировании социально-языковых характеристик, связан-

ных с территориальным варьированием языка. Исходя из специфики нашего материала – речь жителей одного региона – в работе рассматриваются следующие градации этой страты: краевой центр (г. Пермь), районный центр, село.

Возраст. Возрастные характеристики человека изучаются как психологами, так и лингвистами. В возрастной психологии, антропологии, демографии и т.п. принято объединять людей в возрастные группы по округленным датам (Ананьев, 1968). Исследуются возрастные группы 20–29, 30–39, 40–49 лет, 50 лет и более.

Образование. Предполагается владение нормами литературного языка и сознательное отношение к культуре своей речи. Данная страта имеет две градации: высшее и среднее образование. Учет этой страты представляется обязательным при любых социолингвистических исследованиях, поскольку она теснейшим образом связана с языковыми характеристиками говорящих и, по нашим предварительным данным (Ерофеева Т., 1979, 1991), влияет на все уровни речевой деятельности.

Специальность. Наиболее важными градациями страты «специальность», влияющими на речевую продукцию говорящего, являются гуманитарии / негуманитарии (Ерофеева, 1972). При этом не имеется в виду владение специальной терминологической лексикой, что, естественно, зависит от принадлежности говорящего к конкретной специальности (например, физик, медик, лингвист, библиотекарь и т.д.) и что необходимо учитывать при рассмотрении профессиональной речи. На уровне же обиходно-бытовой речи деление информантов на гуманитариев / негуманитариев оказывается необходимым и достаточным.

Род занятий. Учитывается принадлежность к определенной социальной группе, например, при описании таких лексических единиц, как жаргонизмы (для студентов) и арготизмы (для осужденных). Ввиду сложной природы данной страты в каждом из названных случаев происходит особое разбиение информантов по группам.

Гендер. Естественное биологическое деление людей на мужчин и женщин также оказывает влияние на речевую продукцию говорящих. Эта страта традиционно исследуется

почти во всех социолингвистических и психолингвистических работах.

Темперамент вводится в исследование в качестве психологической страты. Влияние темперамента на речь признается и обосновывается большинством психологов (Ломов, 1984; Мерлин, 1986 и др.). Принимается традиционное деление на четыре типа темперамента, основанное на учении И.П. Павлова.

Конкретные задачи научного исследования всегда решаются с помощью системы методов и методик, позволяющих выявлять внутреннюю структуру объекта. Используются следующие методы сбора материала. Прежде всего непосредственное наблюдение за речевым общением, а также запись спонтанной речи информантов. Собранный таким образом материал дает возможность сделать ряд предварительных выводов, в нашем случае – относительно структуры социолекта. Запись спонтанной речи дает возможность выявить частотность тех или иных лексических единиц и исследовать синтаксические и супraseгментные особенности речи информантов.

Кроме указанных, применялся такой метод сбора материала, как анкетирование. Это надежный метод быстрого получения информации по интересующим вопросам, позволяющий обнаружить такие моменты речевого поведения говорящего, которые могут долго не проявиться при непосредственном наблюдении за его речью. С помощью этого метода за короткий период можно собрать неограниченно большой материал, что невозможно при наблюдении за спонтанной речью. Анкетирование позволяет учесть все множество страт и получить представительный и сопоставимый речевой материал, что очень важно для статистического моделирования.

Одним из важнейших методов сбора материала, вслед за Л.В. Щербой, считаем лингвистический эксперимент. Этот метод дает возможность в условиях, максимально приближенных к естественным, вызвать явление, с тем чтобы наблюдать за ним для проверки сформулированной научной гипотезы. Проведены эксперименты разного типа: чтение текстов разной структуры, пересказ известного телесериала и

ассоциативный эксперимент. Материалы экспериментов первых двух типов позволили получить информацию для синтаксического и супraseгментного уровней, а также данные о реализации диалектных единиц в речи. Ассоциативный эксперимент был нацелен на выявление объективной структуры значений профессиональных терминов.

Обработка речевой продукции, полученной с помощью перечисленных методов, велась статистически. На первом этапе анализа определялся частотный состав речевых характеристик информантов, т.е. проводилось стратификационное описание их речи. Второй этап представлял собой стратификационное моделирование, включающее создание частных стратификационных моделей речевого поведения и построение на их основе сводной стратификационной модели социолекта.

В нашем исследовании моделирование выступает обобщающим методом изучения социолекта как продукта речевой деятельности. В качестве метода статистического моделирования использовался метод дисперсионного анализа силы влияния (ДА). Применение данного метода в лингвистике теоретически обосновано и отработано А.С. Штерн (1981, 1990).

Специфика ДА позволяет определить функционирование лингвистического признака в группе объектов, объединенных на основе какой-либо страты. Предполагается, что на частоту проявления той или иной лингвистической единицы в речи, а также на вероятность ее включения в систему социолекта оказывают влияние социобиопсихологические страты, имеющие градации. Эти градации понимаются как группировки внутри той или иной страты по какому-либо общему основанию, которое обычно задается самой структурой страты. Применение этого метода требует такой организации экспериментального материала, при которой все изучаемые страты и их градации были бы сбалансированы. Сбалансировку проще всего осуществить с помощью «дерева» (графа), как на рис. 7.

Сбалансировка данных приводит к тому, что объем материала становится весьма значительным и, соответственно, достоверным. Сбалансированность страт дает основание сопоставлять результаты различных экспериментов, проведенных подобным образом.

Основная идея дисперсионного анализа сводится к измерению степени употребления (или знания) какого-либо элемента разными информантами. Ясно, что этот показатель некоторым образом варьируется. Общая вариация его измеряется в статистике величиной $\delta_{общ}^2$, которая называется **общей дисперсией**.

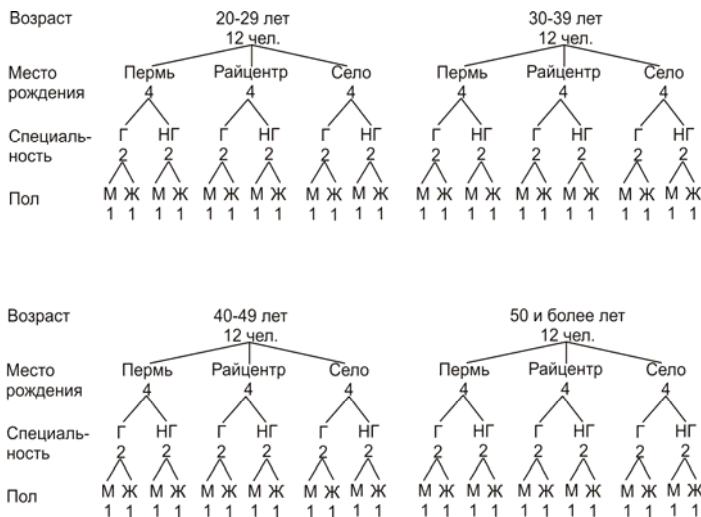

Рис. 7. Граф балансировки совокупности информантов для эксперимента по изучению диалектной единицы

Если мы разделим всех информантов на три группы исходя из места рождения, то получим группировку по градациям страты «место рождения». Найдем среднее арифметическое, отражающее в среднем степень владения словом в каждой группе. Значения этого показателя могут быть разными, и тогда вариация средних описывается посредством статистического показателя $\delta_{факт}^2$, который называется **факториальной дисперсией**. Есть еще один показатель – $\delta_{ост}^2$, или **остаточная (случайная) дисперсия**, который свидетельствует о том, что имеются какие-то неучтенные факторы, влияющие на степень владения словом.

Влияние тех или других факторов на изучаемый признак никогда не может быть выделено в чистом виде. Несмотря на то что при проведении опытов стараются сохранить условия максимально однородными, результаты неодинаковы. Объясняется это влиянием случайных обстоятельств, других факторов, несколько меняющихся от опыта к опыту и не поддающихся контролю. Вот почему возникает необходимость разложения показателя общей изменчивости признака ($\delta_{\text{общ}}^2$) на составные части, с одной стороны, определяемые изучаемыми социобиопсихологическими стратами, с другой стороны, имеющие случайные неконтролируемые причины.

Согласно теории дисперсии показатель общей дисперсии является суммой всех факториальных дисперсий и остаточной дисперсии:

$$\delta_{\text{общ}}^2 = \delta_{\text{факт1}}^2 + \delta_{\text{факт2}}^2 + \dots + \delta_{\text{ост}}^2 .$$

Отсюда следует, что можно найти долю каждой факториальной дисперсии в общей дисперсии. Соответствующий показатель (η_x^2) называется в статистике **корреляционным отношением**. Он может трактоваться как вес фактора, или показатель силы влияния данного фактора, выраженный в процентах:

$$\eta_x^2 = \frac{\delta_{\text{факт}}^2}{\delta_{\text{общ}}^2} \cdot 100\% .$$

В статистике используется также понятие существенности фактора: если фактор существен, то показатель силы влияния будет одним и тем же не только в изучаемой выборке, но и в соответствующей генеральной совокупности. Решение о существенности принимается по F -критерию Фишера (Плохинский, 1970). Если расчетный критерий F оказывается достаточно высоким (выше табличного, полученного на 5%-м уровне), то изучаемый фактор признается существенным, или значимым, на 5%-м уровне. В статистике это означает, что, принимая гипотезу о существенности, мы совершаем ошибку не более чем в 5%, т.е. это ошибка рассуждения.

Подобный уровень является достаточным для гуманитарных исследований.

Дисперсионный анализ позволяет определять значимость влияния отдельных факторов (в нашем случае – страт), а также их относительную роль в общей изменчивости. Однако применение такого жесткого статистического аппарата требует определенной организации материала исследования (Штерн, 1990). Прежде всего социобиологические факторы должны быть сбалансированными и иметь небольшое число градаций. Например, если возраст информантов колеблется в пределах 20–60 лет, то надо не рассматривать каждый конкретный возраст (число лет) отдельно, а организовать информантов по возрастным группам. Основания для группировок могут быть разными; мы предпочитаем опираться на социологические, психологические и демографические данные.

Результаты дисперсионного анализа представляются в таблицах и на графиках. В таблицах указывается вес страт, расчетные значения F -критерия и ранг страт. Ранжирование проводится по показателю η_x^2 , причем ранг 1 приписывается страте, у которой вес был самым большим. У страт, которые оказываются существенными по F -критерию, вес в таблице ранжируется. Ранг же несущественных страт заключается в скобки. Все расчеты проводятся по алгоритмам Н.А. Плохинского (1970).

ДА применялся при построении частных статистических моделей для каждой из рассматриваемых лингвистических единиц и их признаков: диалектизма, архаизма, жаргонизма, длины предложения, синтаксической сложности предложения, паузации, логического и эмоционального ударения, темпа речи, типа чтения. Использование частных моделей позволило судить о существенности и несущественности страт и определить их иерархию для каждой лингвистической единицы. Далее создавалась обобщенная модель социолекта, в которой при сопоставлении частных моделей определялись общие и специфические черты поведения всех исследуемых страт социолекта в их влиянии на речевую деятельность. Построенная с помощью ДА сводная модель социолекта, отражающая

сущность его как объекта исследования, явилась конечным результатом нашей работы (см. табл. 1).

Таким образом, ДА выступает как метод научного познания, дающий нам инструмент целостного изучения такого сложного и многоуровневого языкового явления, как социолект.

Тема 4

Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации

«Все изменения языка... – говорил Л.В. Щерба в 1939 году, – куются и накаплиются в кузнице разговорной речи» (1957, 116). Это касается и кодифицированных норм литературного языка, ибо «литературный язык принимает многое, навязываемое ему разговорным языком и диалектами, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, переделав его соответствующим образом» (Щерба, 1957, 128). Таким образом, в языке существуют два типа норм: реальная, лингвистическая, внутриязыковая, являющаяся результатом «действия ряда социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени» (Вербицкая, 1997, 105), и кодифицированная – как результат «выбора одним человеком или группой людей тех или иных средств языкового выражения, или, проще, вариантов, в качестве правильных, образцовых и предписывания их к употреблению» (там же, 106). Кодифицированная норма составляет специфический признак литературного языка; все другие функциональные разновидности национального языка, в том числе территориальные и социальные диалекты, городская литературная речь и др., обладают нормированностью. Языковая норма есть совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации.

Сегодня в лингвистике выделены следующие критерии нормативности того или иного явления. Так, для кодифицированного литературного языка характерны кодифицированность, ограниченная вариативность, в фонетике – большой процент реализаций полного типа произнесения в тексте. Разговорные формы встречаются в речи многих лиц, отличаются большей вариативностью, в фонетике наблюдается большой процент реализаций неполного типа в тексте.

Исследовать норму в разных социальных группах достаточно сложно. Об этом писал Б.А. Ларин еще в 20-е годы: «Трудность нахождения нормы там, где нет литературы и литературного языка, и имеет последствием то, что диалекты в громадном большинстве случаев описываются не сами по себе, а лишь относительно с литературным языком: отмечается обычно лишь то, что, по субъективному впечатлению наблюдателя, расходится с литературным языком... Что касается специально языка города, то его, конечно, особенно трудно исследовать ввиду значительной неустойчивости его населения... Уловить в этих условиях какую-то все же существующую, хотя и довольно быстро меняющуюся норму чрезвычайно трудно» (Ларин, 1977, 177–178). Однако это не означает, что изучать норму не нужно.

Сегодня есть по крайней мере два пути исследования норм городской речи. Первый путь – сопоставление форм функционирования городской речи с нормами кодифицированного литературного языка и на фоне этого описание ее особенностей. Например, в речи носителей литературного языка Пермского региона отмечаются сочетания, не являющиеся общерусскими, принятыми кодифицированной нормой. Одной из таких «перминок» выступает сочетание местоимения САМ (-а, -и) СЕБЯ, в котором без логической или стилистической необходимости подчеркивается отношение действия к его носителю (производителю). *Что же ты ходишь таким растрепанным? Неужели не можешь сам себя привести в порядок?!; Веди сам себя как полагается, не шали!; Прежде чем критиковать других, оглянись сам на себя.* В кодифицированной литературной речи в аналогичных слу-

чаях используется местоимение СЕБЯ: *приведи себя в порядок; веди себя как следует; оглянись на себя* и т.п.

В литературной речи Пермского региона встречаются локальные наречные сочетания и различные виды собственно фразеологических сочетаний, фразеологизмов. Часть их соотносится с соответствующими сочетаниями литературного языка, отличаясь от последних либо по одному из компонентов, либо по значению, ударению и т.п. Другие же фразеологизмы не имеют прямых соответствий в кодифицированной речи.

В словарях литературного языка (в том числе фразеологическом) не зафиксированы, в частности, следующие сочетания.

БУДЬ ТЫ (ОН, ОНА) НЕЛАДНОЙ (-ЫЙ), экспр. Восклицание, выражающее неудовольствие кем-либо, чем-либо. *Будь ты неладный! Опять ошиблась, а у меня штрих закончился. Придется перепечатывать страницу* (филолог, жен., высш., Пермь); *Будь ты неладной! Батарейки сели. Не послушаем сегодня ни одной передачи* (инженер, муж., высш., 58 л., Чусовой); *Ну кто такие вещи говорит вслух, будь ты неладна! Соображать надо!* (студент, филолог, жен., Березники); *Да будь ты неладна! Опять не прибралась в своей комнате!* (библиотекарь, жен., ср/спец., 35 л., Кунгур). Достаточно широко используется в речи горожан. Отмечено во Фразеологическом словаре пермских говоров.

ЖИТЬ (СВОИМ) ДОМОМ. Жить отдельно от родителей, иметь собственную квартиру (дом), хозяйство. *Она вышла замуж. Живет своим домом и очень довольна. Мне кажется, даже счастлива; А мне нисколько не хочется жить своим домом. С мамой гораздо удобнее и, думается, даже разумнее в современных условиях.*

НАЗАД СЕБЯ'. Навзничь. *Сегодня на дороге гололед, того и гляди упадешь. Вперед падать страшно: колени разобьешь. Назад себя тоже плохо – голову можно разбить;* (Из речи москвича, иронически копировавшего пермское выражение): *Ох и хитрый народ пермяки. Зима у них длинная, снега много. Улицы они плохо чистят. Скользко. Но ни один пермяк нос не разобьет. Все они падают «назад себя». В*

пермских говорах выражение функционирует в двух вариантах **назад себя** и **назадь себя**. СРНГ сопровождает сочетание пометами «пермское, ленинградское, уральское, иркутское».

НЕ ЖИТЬ НЕ БЫТЬ, экспр. Обязательно, непременно. *И что мне делать? Вырос сынок! Не жить не быть – подавай ему машину; Мне хочется иметь меховой жакет. Как у нас, пермяков, говорят: не жить не быть, нужен мне жакет.* Широко отмечается в пермских говорах. Во Фразеологическом словаре пермских говоров иллюстрируется примерами: *Не жить не быть, топи ему баню; Приспустила к матере-то: не жить не быть новое платье надо.*

НОЧЬ-ПОЛНОЧЬ, экспр. Позднее время, темная часть суток. *На дворе ночь-полночь! А ей все куда-то бы идти да ехать. И что за девка растет такая неугомонная?; Ночь-полночь, а вы все работаете. Нарушаете правила внутреннего распорядка. Есть приказ ректора, по которому на кафедрах и в кабинетах разрешается пребывать лишь до 11 часов вечера. А уж двенадцатый.* В использованных нами словарях сочетание не отмечается.

ПИЦЦИТ ДА ЛЕЗЕТ. Поговорочное. Используется в случаях, когда подчеркивается чье-либо упорство в достижении цели любыми средствами, нередко недостойными, грязными. *Смотрю и смеюсь потихоньку. Надо же, какая вреднюга растет! Чего захочет – добьется. Пиццит да лезет; Очень инициативный товарищ, когда дело касается его лично. Для себя он что угодно достанет, всеми правдами и неправдами. Пиццит да лезет.* В словарях кодифицированного языка не встретилось.

Нельзя не заметить того, что локальные фразеологизмы, генетически связанные с народной речью и составляющие фонд ее выразительных средств, в значительной своей части могут обогащать нашу речь, если будут использоваться с определенной стилистической нагрузкой и в соответствующих ситуациях. Кроме того, в тех случаях, когда нашими собеседниками будут люди, незнакомые с пермскими говорами и локальными элементами в пермской литературной речи, понадобится корректное истолкование локальных фразеологизмов и других устойчивых сочетаний.

Многочисленны и сочетания разных типов, в той или иной мере соотносящиеся с фразеологизмами кодифицированной речи и по разным параметрам отличающиеся от соответствующих нормативных единиц. Например:

БЕДА́ ПРЯМО, экспр. Очень, слишком. *Дочь у меня растет своенравная. Беда прямо. Что ни захочет – добьется* (секретарь-машинистка, Березники); *Беда прямо красивая. Можно отправлять на конкурс красоты* (инженер, Пермь); *Ребенок совсем от рук отбился. Беда прямо!* (учитель-филолог, 27 л., Куединский район). Выражение широко распространено в пермских говорах. В Соликамском словаре приводится в том же значении и сопровождается цитатой: *Баба у него морговитая попалась: брезгат, пыжится; така уж чистоха, беда прямо*. В нормативных словарях литературного языка в значении «очень» отмечается фразеологизм *беда как*. В МАС иллюстрируется цитатой из романа Фурманова «Чапаев»: *Шмарин беда как любил рассказывать небылицы*.

БРАТЬ (ВЗЯТЬ) ВО ВНИМА́НИЕ. Обращать (обратить) внимание на что-либо, учесть что-либо. *Нельзя это во внимание не брать. Слишком часто он в кабинет ее заходит. И по делу, и без дела* (из выступления на собрании, Нытва); *Не забудьте взять во внимание, что у него это первый срыв. Он прежде был всегда дисциплинирован* (инженер, 48 л., муж., Оса). Фразеологизм отмечается и в диалектной пермской речи: *По буханку-то придешь, дак на тебя и не глядят, во внимание не берут. Видит, что баба деревенска, чё он будет во внимание ее брать, он сидит, смеется только; Сей-час споем старинную жалобную. Если они во внимание возьмут, то им будет интересно*. В кодифицированной речи с аналогичной семантикой используется два фразеологических сочетания: *брать, взять на заметку, обратить внимание на что-либо*.

К(О) СЛÓВУ ПОДОШЛÓ. К слову пришлось; к слову сказать; кстати. *Да, как раз к слову подошло, шапку не продашь? Ты ведь хотела продавать. Мне такая нужна; К слову подошло, его платформа не такая уж прогрессивная, как может показаться на первый взгляд. Я бы за него не голосо-*

вала. В литературных словарях не отмечается; синонимичное ему к слову *пришлось* подано как разговорное. Вводное к слову *сказать* и наречие *кстати* – «пользуясь случаем, вместе с тем» – приводятся как общелитературные, без помет.

Второй путь исследования норм городской речи – выявление особенностей социолектов, существующих в городе. Под социолектом понимается подъязык, обслуживающий группу лиц, объединенных по какому-либо признаку-фактору – полу, возрасту, темпераменту и т.д. Подобные факторы являются цементирующим признаком определенной группы людей. Соответственно, социолект – это набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные по какому-либо фактору.

Моделирование социолектов осуществляется с помощью статистических методов. Предлагается различать частные и сводные модели социолектов.

В ранее опубликованных нами работах рассматриваются частные модели социолектов, организованных на основе таких факторов, как образование, специальность, пол, возраст, темперамент (Ерофеева Т., 1991, 2004; Ерофеева Т., Загоруйко, 1999; Ерофеева Е., 1997, 2005 и др.). В этих работах исследуются единицы лексического уровня (диалектизмы, архаизмы, жаргонизмы), фонетические особенности речи информантов и некоторые просодические характеристики их речи. Кроме того, рассматриваются и различия в речевом употреблении этих единиц в разных коммуникативных условиях.

Сводная модель городских социолектов строится на основе не одной, а нескольких социальных страт (о методике построения сводной модели городских социолектов см. Тему 3).

В пособии рассмотрим сводную модель социолекта г. Перми для такой лексической единицы, как локализм (лексическая единица диалектного происхождения), построенную на основе интроспекции.

Материалом для исследования послужили 69 диалектных слов, которые вошли в анкету, предъявлявшуюся информантам. Отбору слов для анкеты предшествовало фронтальное изучение обиходно-бытовой речи группы лиц, владеющих литературным языком. Оно проводилось в течение ряда лет в Пермском университете. Среди 69 слов анкеты –

39 существительных (*взъём* – подъем, *голубец* – подвал, *засоня* – соня, *чушка* – подбородок и др.); 20 глаголов (*держать* – тратить, расходовать деньги, *смучиться* – измучиться, *урочить* – капризничать и др.); 3 прилагательных (*живой* – целый, невредимый); 5 наречий (*нарастапашку* – нараспашку); фразеологическая единица (*с ночевой* – с ночевкой); частица (*ну* – да). Информанты должны были ответить на вопросы: что означает то или иное слово, употребляют ли они его в речи.

В эксперименте участвовало 48 человек – жителей Перми. При рассмотрении локализма учитывались возраст испытуемых, место рождения, специальность, пол и образование. Информанты были разделены на четыре возрастные группы: 20–29, 30–39, 40–49, 50 и более лет. Страта «место рождения» имеет три градации: краевой центр (г. Пермь), районные центры (города Березники, Кунгур, Кизел и др.), села (сюда входят также деревни). Эта страта традиционно признается одним из наиболее значимых факторов, определяющих количество диалектных черт в речи. Предполагается, что уроженцы мелких населенных пунктов более восприимчивы к диалекту и в их речи наблюдается большее количество диалектных черт. Страта «специальность» предполагает две градации: гуманитарную и негуманитарную, страта «образование» – две градации: среднее (включая первые три курса вуза) и высшее (включая студентов 5-го курса). Пол, естественно, имеет две градации (граф балансировки информантов см. на стр. 26).

Исследованы параметры «знание» и «употребление». Параметр «знание» включает и пассивное, и активное владение лексической единицей. Параметр «употребление» указывает на использование единицы в речи.

Результаты эксперимента обрабатывались с помощью ДА (см. табл. 2). ДА показал, что веса страт-факторов ($\eta^2_x\%$) для параметра «знание» диалектного слова оказались не очень большими, лишь в одном случае (для страты «возраст») $\eta^2_x\% = 5,1$. Таким образом, эта страта в основном определяет знание диалектного слова. На втором месте – страта «образование»; третий ранг у страты «место рождения»; четвертый – у страты «специальность». Эти четыре страты ока-

зались значимыми на 5%-м уровне. Страта же «пол» оказалась несущественной – ее вес составил 0,0.

Таблица 2

Модель владения локализмом в г. Перми

Уровень владения	Страта				
	Место рождения	Возраст	Образование	Специальность	Пол
Знание	3	1	2	4	(5)
Употребление	1	2	4	3	(5)

Примечание. Ранги несущественных страт приведены в скобках.

Общая сумма весов страт для параметра «употребление» локализмов оказалась в четыре раза меньше, чем для параметра «знание». Это свидетельствует о том, что выделенные страты в гораздо большей мере влияют на знание диалектного слова, чем на его употребление. На первом месте по существенности оказывается страта «место рождения», на втором – страта «возраст», на третьем – страта «специальность» и на четвертом – страта «образование». Эти четыре страты, как и в первом случае, являются значимыми; страта «пол» вновь оказалась незначимой. Следовательно, возраст и место рождения выступают основными факторами, которые формируют норму владения локализмом в речевой продукции пермяка.

Введение в научный обиход понятия социолекта позволяет описать закономерности речевого поведения горожан любого города, как большого, так и малого, и выявить зависимость норм от социальной стратификации. Для примера рассмотрим локализмы в речевой продукции различных социальных групп в городах Соликамске, Чусовом, Кунгуре.

Эксперименты, проведенные в городах Соликамске и Чусовом, основаны на прямых отчетах испытуемых: информантам предъявлялась анкета, включающая 69 диалектных слов; требовалось обнаружить знание локализма и его употребление в речи. Результаты этих экспериментов измерялись в процентах. Моделирование употребления локализма позволило выявить следующее расположение страт по силе влияния: в городе Соликамске – возраст, пол, специальность, место рождения; в Чусовом – место рождения, пол, специаль-

ность, возраст. Фактор «пол» оказался вторым по силе влияния при употреблении локализма и в том, и в другом городе, третье место занимает «специальность». Что касается страт «возраст» и «место рождения», то в разных городах они ведут себя по-разному и могут занимать либо первое, либо последнее место.

Однако такое моделирование не определяет существенных страт и не позволяет принять во внимание влияние каких-либо других факторов, не учтенных в эксперименте. Поэтому была изменена методика работы: 1) объектом исследования стала спонтанная речь; 2) при обработке последующих экспериментов были использованы статистические методы, прежде всего ДА.

Сопоставим ранги страт, полученные с помощью ДА для употребления локализмов, в городах Кунгуре и Перми (табл. 3).

Таблица 3

Модель владения локализмом в городах Кунгуре и Перми

Город	Страта				
	Место рождения	Возраст	Уровень образования	Специальность	Пол
Пермь	1	2	4	3	(5)
Кунгур	–	1	2	3	(4)

Реализация локализма в спонтанной речи пермяков и кунгуряков показывает, что локальный элемент обусловлен в основном территориально: страта «место рождения» явилась существенной для жителей Перми. Достоверное влияние на речевую продукцию установлено и для страты «возраст», имеющей социобиологический характер и аккумулирующей в себе жизненный опыт и образование. Эта страта имеет ранг 1 в группе информантов Кунгура (где в выборке отсутствовала страта «место рождения») и ранг 2 в группе пермских информантов.

Надо отметить, что существенной оказалась страта «уровень образования» (ранг 2) для Кунгура. Она связана с уровнем владения языковой системой и определяет речевое поведение в малых провинциальных городах в большей мере, чем в

крупных, во-первых, и ее влияние на речевую продукцию говорящего весомее, чем страты «специальность», во-вторых.

Наконец, ДА показывает, что по своему рангу страта «пол» занимает последнее место в обоих экспериментах и является несущественной на лексическом уровне при выявлении степени употребления локализма.

Вместе с тем стратификационное описание дает возможность составить общее представление о провинциале, который в наибольшей степени подвержен диалектному влиянию. В Соликамске таковым является женщина 40–49 лет, негуманитарной специальности, уроженка города. В Чусовом – женщина 20–29 лет, негуманитарной профессии, уроженка села. В Кунгуре – женщина 40–49 лет, негуманитарной специальности, имеющая среднее образование. В Перми – мужчина 50 лет и старше, со средним образованием, уроженец села.

Как видим, обобщенный портрет горожанина разных городов различен. Он отражает различные социальные инфраструктуры с учетом фактов социального предпочтения тех или иных речевых единиц, способствующих формированию норм устной городской речи.

Тема 5

Общая модель социолектов городов Кунгура и Чусового Пермского края

В последнее время Пермским университетом издан ряд работ, посвященных описанию речи города (Ерофеева Е., 2005; Ерофеева Т., 2004). Кроме того, изучалась литературная речь жителей различных городов Пермского края (Перми, Березников, Красновишерска, Соликамска, Лысьвы, Кунгура и др.). Большинство городов края имеют многолетнюю историю и сложившуюся языковую культуру, изначально связанную с диалектами того или иного региона. Вопрос о

степени участия диалекта в создании региональной окраски речи необходимо решать в каждом конкретном случае и прежде всего с учетом истории данного города.

В качестве примера приведем исследования, посвященные региональному варьированию литературного языка районных городов Кунгура и Чусового Пермского края.

Кунгур. Исследовалась реализация локализмов в устных рассказах кунгуряков о приготовлении народного блюда сибиряков и уральцев – пельменей. По происхождению локальным элементом может быть либо диалектное слово, либо просторечное ограниченное употребления, либо лексическая единица, рожденная в городской среде. Локализмы фиксируются в литературной речи коренных жителей отдельных регионов; они не принадлежат к кодифицированным элементам литературного языка и являются элементами языковой системы, функционирующей в процессе повседневного живого общения (Ерофеева Е., Ерофеева Т., Скитова, 2002).

Весь отрезок речи составил 1662 слова, из них 160 локализмов. Некоторые примеры. Сравните речевые отрезки, полученные от двух информантов.

Мужчина, 22 г., среднее образование, юрист (гум.): *Ну, фарш **накрутил**, **разбавил**, **воды**, **соли**. Тесто **раскатываем**, **стопариком** кружочков **нарезаем**. В лепешку ложечкой **ложу фарш**, **защипну**.*

Мужчина, 35 л., среднее образование, геолог (негум.): *Берем муку, яйцо, **перемешиваем**, **мнем**. Фарш – **смешиваем** свинину с говядиной, что **придает** специфический вкус. **Перекручиваем** на мясорубке, лук **перемешиваем**, **сблیم**, **перчим**. Тесто **готовое**. **Отрезаем** кусок. **Раскатываем**, **стаканом** **вырезаем** кружочки, **ложим фарш**, **залепливаем**.*

Знают информанты слова и словосочетания: ***пестом** разомну, **запускаем** первое **варево**; соли **сколь** надо; **я'ичко**; **сочень**, **сочни**; тесто **тугое**; **толкушка**; **скёшь сочни**; **стряпаем сочни**; тесту даю **выстояться**; **завожу тесто**; **обминаю**; **сворачиваю ушком**; тесто **кладу под** большую **чашку**; **сперва** **посолю**; **напополам** **смешиваем** и т.д.*

Обработка речевой продукции велась статистическими методами. В речевых отрезках, полученных от информантов,

выделялись все локализмы и вычислялся их процент от общего количества слов в данном тексте. Для каждой группы информантов, объединенных на основе какой-либо страты (возраст, образование, специальность, пол), определялся средний процент употребления локализмов.

Сравнение частот употребления локализмов в речевой продукции разных групп информантов позволяет выявить много интересных закономерностей. Однако подход, при котором мы остаемся только на уровне частот, показывает нам лишь тенденции, а не действительно существующие (в статистическом смысле слова) расхождения в употреблении локализмов разными группами информантов. Поэтому для дальнейшего исследования полученного материала был применен метод дисперсионного анализа силы влияния (ДА), который позволил **оценить** значимость силы влияния страт – ранг 1 приписывался страте с наибольшим весом; **выделить** существующие страты – показатель силы влияния изучаемой страты будет таким не только в изучаемой выборке, т.е. на данном конкретном материале, но и в соответствующей генеральной совокупности; **построить** сводную модель социолекта, включающую частные стратификационные модели речевого поведения.

ДА показал, что значимой стратой, имеющей ранг 1, явилась страта **возраст**. Как и в эксперименте, проведенном в группе жителей Перми (Ерофеева Т., 2004), эта страта определяет знание диалектного слова. Жители Кунгура представлены в эксперименте четырьмя градациями – по 8 человек в каждой. В речи информантов 20–29 лет зафиксировано 34 локализма, 30–39 лет – 37, 40–49 лет – 50 и в речи информантов 50 и более лет – 39. На фоне довольно ровного использования локализма по возрастным группам выделяется употребление их информантами 40–49 лет. Видимо, именно в этом возрасте происходит изменение отношения людей к литературной норме; ослабляется контроль за речью, в связи с чем увеличивается влияние диалектной среды, в которой информант постоянно живет.

Значимой, определяемой рангом 2, выступает страта **образование** с градациями «высшее» и «среднее». Данная страта влияет на все уровни речевой деятельности.

Так, общий речевой отрезок у лиц, имеющих высшее образование, составил 1015 слов, в числе которых 83 локальные единицы. Средний показатель употребления локализмов в речи данной социальной группы – 8,7. В группе информантов со средним образованием речевой отрезок не превышал 647 слов, причем встретилось 77 локализмов, соответственно и средний показатель был выше – 13,4.

На третьем месте стоит страта **специальность**. Как показали пилотажные эксперименты, на уровне обиходно-бытовой речи деление на гуманитариев и негуманитариев оказывается необходимым и достаточным. Отрезок речи гуманитариев составил 921 единицу, негуманитариев – 741; в речи гуманитариев отмечено 86 локализмов, негуманитариев – 74. Соответственно средние показатели использования данных лексических единиц – 10,8 и 11,3. Значит, страта **специальность** в этом эксперименте оказывается несущественной: ее вес равен 0,001.

Страта **пол**, как показывает ДА, также несущественна: средние показатели употребления локализмов в речи мужчин и женщин почти одинаковы: 11,1 – в группе мужчин и 11,7 – в группе женщин. Заметим, что эта страта также оказалась незначимой в экспериментальном исследовании речевой продукции жителей Перми (Ерофеева Т., 2004).

В целом сводная статистическая модель социолекта жителей города Кунгура, построенная с помощью ДА, выглядит так: ранг 1 – возраст, ранг 2 – образование, ранг 3 – специальность, ранг 4 – пол. Две из четырех страт – возраст и образование – существенны. Именно они связаны с уровнем владения языковой системой в первую очередь.

Сопоставим результаты статистической модели социолекта Кунгура с моделью социолекта Перми. Реализация диалектного слова в речи пермяков выявила две существенные страты – место рождения и возраст. Пол и образование в данном случае несущественны. Значит, для крупного города важным фактором, формирующим владение локализмом, является место рождения. Достоверное влияние на владение локализмом установлено и для страты «возраст», имеющей социобиологический характер и аккумулирующей в себе

жизненный опыт и образование. Это проявляется и в средне-статистическом «портрете» информантов, которые в наибольшей степени подвержены диалектному влиянию. **В Кунгуре таковым будет женщина 40–49 лет со средним образованием негуманитарной специальности.**

Чусовой. На карте город Чусовой появился в 1933 году. До этого он был поселком и назывался, как и река Чусовая. Развивался Чусовой как промышленный центр и в конце 90-х годов XX века стал известным в стране городом металлургов. Однако связи с диалектом не были прерваны, поскольку местная интеллигенция состоит в основном из коренных жителей, имеющих тесные контакты с диалектной средой.

В процессе исследования языка Чусового велись наблюдения за речью лиц с высшим образованием. Для выявления локально окрашенных элементов использовалось также анкетирование. На основании ответов информантов составлена картотека «Местные слова и выражения жителей Чусового», включающая 196 локализмов, представленных словом или фразеологизмом. Информантами выступили лица, родившиеся в Чусовом, разного возраста и с высшим образованием. Это учителя: географ, 45 лет; математик, 23 года; преподаватель иностранного языка, 27 лет; историк, 37 лет; учитель начальных классов, 35 лет; физик, 21 год; журналист, 36 лет; библиотекарь, 30 лет; тренер, 42 года; инженер, 42 года. Всего 10 человек.

Анализ материала показал, что все информанты используют в речи такие слова, как **красноголовик**, **синявка**, **засоня**: *Не люблю синявки собирать. Пока донесешь – каша будет* (инженер); *Саша, посмотри-ка, какой красивый красноголовик стоит!* (математик); *Ну и засоня же ты у меня, Катюша. Никак не разбудишь* (инженер). Эти слова, проникнув в разговорный литературный язык, прочно закрепились в нем, вытеснив литературные **сыроежка**, **подосиновик**, **соня**. Многие чусовляне считают данные локализмы литературными. 90% опрошенных используют в речи слова **вилок**, **поводиться**: *Поводись немного с моим ребенком, я в магазин сбегаяю* (физик); *Я люблю водиться с маленькими детьми* (биб-

лиотекарь). 80% информантов считают, что правильно говорить *взъем ноги* вместо подъем ноги; 60% употребляют *бирка*, а не номерок, жетон; *вехотка*, а не мочалка; *вышка*, а не чердак; *гаврик*, а не ребенок; *галить* – быть ведущим в игре; *голбец* – подполье; *девка* – дочь; *дитё* – дитя; *мизгирь* – паук; *навяливать* – настойчиво предлагать; *ограда* – двор; *проулок* – переулок; *чушка* – подбородок.

В речи чусовлян зафиксированы собственно лексические и семантические локализмы как часто используемые:

Ахнуть – израсходовать, использовать энергично, в один прием что-либо. *Ты что, все варенье ахнул?* (физик).

Бахилы – экспр. О любой сильно разношенной или очень большого размера обуви. *Бахилы специально надевают большие, чтобы ноги не мерзли. Например, на рыбалку, на охоту* (журналист).

Вертоголовый – непоседливый, непослушный, бойкий (обычно о ребенке). *У меня ребенок вертоголовый. Ничего на уроках не слушает, только вертится. А есть дети усидчивые* (географ).

Живулька – временная строчка. *Чтобы что-то сшить на машинке, надо сначала нажить, а потом эту живульку убрать. Тогда будет ровно* (инженер).

Закуржеветь – покрыться инеем. *Если мороз, то не только ветки могут закуржеветь, но и волосы и ресницы* (библиотекарь).

Изгаляться – издеваться над кем-либо. *Хватит тебе над ним изгаляться, а то расплатится* (преподаватель иностранного языка).

Калега – брюква. *Калега? Это репа. Она сладкая и горькая одновременно* (математик).

Напластать – крупно нарезать что-либо. *Ну и напластала ты хлеб, в рот нельзя взять* (тренер).

Простодырый – бесхитростный, бескорыстный. *У меня сестра простодырая. Последнее отдать может, ничего не жалко* (преподаватель иностранного языка).

Скать – раскатывать тесто. *Я люблю большие сочни скать, чем заворачивать пельмени* (инженер).

Стёганка – стеженная верхняя одежда. *Нам на работе выдают стёганки. Это куртка из простой материи, простеженная.*

Морфологическая система по сравнению с системами других уровней языка отличается наибольшей устойчивостью. Тем не менее и в ней удалось выявить грамматикоморфологические локализмы, используемые в речи наряду с формами литературной нормы. Это *собачонок* – маленькая собачка; *бóры* – сборки; *соченёк* – небольшой круг раскатанного теста; *стежить, выстежить*, соотношенные с литературными *стегать, выстегать*; *прибóрка* – уборка.

Локальные явления прослеживаются и на словообразовательном уровне. В речи чувовлян отмечены две модификационные словообразовательные модели: 1) имя существительное с уменьшительным суффиксом **-ек** (*балагашек, стакашек, углашек, чурбашек*); 2) имя существительное с уменьшительным суффиксом **-оток** (*брякоток, стукоток, шепоток, хохоток*). Рассмотрена также мутационная словообразовательная модель: приставка **с** + корень, имеющий лексическое значение цвета, + суффикс **-а-** (*сбела, скрасна, ссия, счерна*).

Проведена серия специальных экспериментов, позволяющих выявить восприятие информантами самих моделей и слов, входящих в модели, семантику лексических единиц, их употребление в речи. Результаты экспериментов показали, что все три указанные словообразовательные модели являются естественными для речевой деятельности чувовлян – носителей литературного языка. Данные модели отмечены в пермских говорах (Мошева, 1974; Ерофеева Е., Ерофеева Т., Скитова, 2002). Однако на восприятие «литературности» каждой лексической единицы влияют факторы возраста и образования.

В литературной речи функционируют и одиночные словообразовательные локализмы, отличающиеся от соответствующих литературных только составом аффиксов: *засоня, попроведать, смучаться, цыпушки, голодовать, начистовую* и др. При этом аффикс не вносит нового в семантику слова, а затрагивает лишь его морфологическую структуру. Группа

такого рода локализмов достаточно представительна, а употребление их в речи – частотно, оно напрямую связано с фактором образования и сопряженным с ним фактором наличия / отсутствия связи с диалектной средой.

Фонематических локализмов в литературной речи жителей Чусового зафиксировано только два: *нарастопáшку* – лит. *нараспаишку*; *вскольз* – лит. *вскользь*. Например, *Не ходи нарастопашку, простудишься* (преподаватель иностранного языка); *Об этом мы с тобой говорили, но как-то вскольз* (географ). 90% информантов воспринимают оба локализма как литературные слова. Некоторым даже незнаком их литературный вариант.

Итак, наблюдения, проведенные на лексическом уровне, позволяют сделать вывод о непрекращающемся влиянии диалектов на литературную речь города. Причем лексические нормы чусовских горожан, в основном совпадая с литературными, колеблются более всего при употреблении обиходных слов. Эта часть лексики усваивается с детских лет. Знакомство же с литературным словом, являющимся синонимом диалектному, происходит позже, и, следовательно, норма в подобных случаях является в достаточной степени условной.

Исследование регулярных корреляций между языком и экстралингвистической реальностью является сегодня актуальным в лингвистике, ибо признание социальной природы языка логически вытекает из тезиса о социальной природе человека. Рассмотрим, как социобиологические факторы (страты) – место рождения, возраст, специальность, пол – влияют на знание и употребление локализма в речи чусовлян. При этом стратификация языкового коллектива является тем методологическим подходом, который позволяет анализировать закономерности речевого поведения человека в реальных жизненных условиях. Построим частные языковые модели социолектов, понимаемых как совокупность языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой. При этом константным признаком выступает социобиологическая страта, а результирующим – владение словом (знание и употребление).

Выборка информантов (16 человек) была сбалансирована по 4 стратам: место рождения – родившиеся в городе (8 чел.) и родившиеся в селе, но сейчас проживающие в городе (8 чел.); возраст – две группы по 8 человек (20–39, 40–60 лет и выше); специальность – 8 гуманитариев и 8 негуманитариев; пол – 8 мужчин и 8 женщин. Такая строго сбалансированная выборка информантов увеличивает надежность полученных результатов.

Материал собирался с помощью анкетирования. Анкета включала 70 локализмов. Информанты должны были дать значение слова и указать, употребляют ли они его в речи, а также привести пример употребления. Затем был проведен анализ частот знания и употребления локализмов в речи разных групп информантов (табл. 4).

Судя по частной модели владения локализмом, страта «место рождения» в большей мере влияла на параметр «знание» локализмов, чем на параметр «употребление» (соответственно 153,9 и 90,1%). Кроме того, показатель знания и употребления локализмов информантами, родившимися в сельской местности, намного выше, чем у тех, кто родился в городе.

Таблица 4

**Знание и употребление локализмов
в зависимости от страт, %**

Страта	Знание	Употребление
Место рождения		
село	86,6	55,3
город	67,3	34,8
Возраст		
20–39	67,1	33,7
40–60	76,6	45,5
Специальность		
гуманитарий	81,4	33,4
негуманитарий	63,5	46,9
Пол		
женщина	80,7	42,1
мужчина	70,8	39,2

Данные по страте «возраст» подтвердили упрочившееся в лингвистике мнение, согласно которому с возрастом увели-

чивается число диалектных слов в речи: информанты 40–60 лет показывают как больший процент знания, так и больший процент употребления локализмов, чем информанты 20–39 лет (на 9,5 и 11,8% соответственно). Причины этого кроются, по-видимому, в том, что для наших информантов норма литературного языка является осознанной, а норма диалекта – «врожденной». Так, многие информанты старшей возрастной группы объясняют причину употребления диалектных слов тем, что помнят, как говорили их родители. Кроме того, с возрастом человек «устает» следить за своей речью.

Использование частной модели владения локализмом в случае изучения влияния страты «специальность» позволяет установить, что гуманитарии знают на 17,9% больше диалектных слов, но употребляют их в речи на 13,5% меньше, чем негуманитарии. Эти данные не противоречат действительному положению вещей, поскольку знание локализма находится в прямой зависимости от специальности.

Количественные данные, касающиеся страты «пол», дают возможность заключить, что словарь диалектных слов у женщин на 8,9% больше, чем у мужчин. Женщины также несколько активнее используют в своей речи локализмы, хотя показатели этого различаются всего на 2,9%.

Общая модель владения локализмом, построенная по средним показателям знания и употребления диалектного слова в речи горожан Чусового, представлена в табл. 5. Определяющей стратой и для знания, и для употребления локализма жителями Чусового является место рождения. Это еще раз говорит о том, что связи интеллигенции с диалектной средой достаточно прочны в таких провинциальных городах, каким является Чусовой.

Таблица 5

Общая модель знания и употребления локализма, %

Страта	Знание	Употребление
Место рождения	76,95	45,05
Пол	75,75	40,65
Специальность	75,45	40,15
Возраст	71,85	39,60

На втором месте оказывается пол. На важность страты «пол» указывают и данные, полученные в Соликамске (эксперимент 1994 года), который находится в зоне активного воздействия диалекта, как и Чусовой.

Специальность и возраст оказались для Чусового менее значимы. В общей модели знания и употребления локализма они занимают третье и четвертое места. Однако эти страты в силу своей природы сопряжены с другими факторами (например, специальность – с образованием), что, очевидно, и сказалось на небольшом их влиянии на речь чусовлян.

В целом, как показало исследование, употребление локализмов в литературной речи зависит от различных социальных факторов; оно связано с неравномерностью развития языка во времени и пространстве, с функционированием его во взаимосвязанных формах, со способностью языка как средства общения обслуживать не только крупные сообщества на уровне нации, но и любые другие объединения.

«Общий язык для всех – это норма, даже скорее идеал, т.е. всегда отвлеченность, схема, за которой скрывается и личная роль человека, и социальная значимость определенных особенностей языка» (Колесов, 1991, 4). Учет факторов социального предпочтения тех или иных речевых форм позволяет глубже рассмотреть языковой быт города и оценить вклад каждой социальной группы в развитие современного русского языка.

Тема 6

Частные социолекты городов Прикамья

Рассмотрим некоторые частные модели социолектов городов Прикамья.

1. Гендерная дифференциация речевой продукции говорящего.

«Давно известно, что для каждого говорящего выбор языкового стиля или конкретной лексической единицы пред-

сказуем на основе ситуации, жанра речи или таких признаков, как пол или положение собеседника» (Эрвин-Трипп, 1975, 183). Еще Н.С. Трубецкой отмечал, что «при внимательном наблюдении <...> тонкие условные различия между мужским и женским произношением можно, пожалуй, обнаружить в любом языке» (Трубецкой, 1960, 27). Анализ современной лингвистической литературы также определяет, что фактор «пол» является важным в реальной коммуникации. Получены данные о различии речи мужчин и женщин для разных языков (Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Крючкова, 1975; Мартынюк, 1987; Fishman, 1980; Maltz, Borke, 1982; Антинескул, 1998, Кирилина, 1999 и др.).

Содержание гендерных различий неодинаково в различных сферах жизнедеятельности. Наряду с универсальными биогенетическими различиями мужчин и женщин многие их особенности являются следствием исторически сложившейся дифференциации мужских и женских социальных ролей, воспитания, культуры (Краткий психологический словарь, 1985).

Стратификационное рассмотрение речи горожан показывает, что характеристики говорящего проявляются на фонетическом, супraseгментном и лексическом уровнях. Наиболее научно плодотворным представляется выявление продукции говорящего на лексическом уровне, поскольку именно в лексике отражается общественное сознание носителя языка, его взгляд на материальную, производственную и духовную культуру. В этом случае «пол» понимается нами как социобио-психологический фактор «индивида с некоторым нормативным (среднестатистическим) симптомокомплексом» (Психологический словарь, 1996). Обращение к изучению влияния пола говорящего имеет следующие причины. В психологии различают половую идентичность и половую роль. «Половая идентичность – определение индивидом своей половой принадлежности, переживание своей маскулинности-фемининности. Половая роль – модель социального поведения, комплекс ожиданий, адресуемых обществом людям мужского и женского пола» (Психологический словарь, 1996, 266).

Исследование построено на материале анкетных данных, полученных методом интроспекции, т.е. информанты сами давали отчет о знании и употреблении лексической единицы. Речевая продукция горожанина представлена на лексическом уровне. Рассматриваются диалектные, архаические, жаргонные и профессиональные единицы в аспекте знания и употребления их мужчинами и женщинами.

Проведено четыре эксперимента. Данные обрабатывались посредством дисперсионного анализа (ДА), который дает возможность определить значимость влияния фактора «пол» на знание и употребление лексических единиц.

В эксперименте 1 выявлялось влияние пола на владение локализмом. Материалом для этого эксперимента послужили 69 диалектных слов. В список их входили слова различных лексических групп, которые принадлежали ядру лексико-грамматической системы города (Ерофеева Т., Скитова, 1992): 39 существительных, 20 глаголов, 3 прилагательных, 5 наречий, фразеологическая единица и частица. Эксперимент проводился индивидуально. В среднем эксперимент занимал 30 минут и не вызывал затруднений в большинстве случаев.

Первичная обработка результатов сводилась к следующему. Для каждого информанта была получена абсолютная частота ответов «знаю» и абсолютная частота ответов «употребляю». Оказалось, что слова знакомы информантам в 84% случаев, а употребляются в речи, по мнению самих информантов, в 52% случаев.

Данные ДА по полу показывают, что вес фактора оказывается незначительным, а сам фактор – несущественным: в ранге факторов, учитываемых в исследовании (специальность, образование, место рождения, возраст и пол), занимает последнее, пятое, место. Однако, исходя из стратификации информантов по полу, частота параметров «знание» и «употребление» локализмов выше в группе мужчин. Эти выводы подтверждаются данными, которые получены русскими и американскими учеными при исследовании разных языковых фактов. Например, именно в речи мужчин встречается больше просторечий (Крысин, 1989б, 56). А «в речи полного стиля женщины употребляют меньше осуждаемых форм, чем муж-

чины» (Лабов, 1975, 155). Диалектные особенности и на фонетическом уровне сохраняются в речи мужчин в большей степени, чем в речи женщин (Игнаткина, Литвачук, 1989, 142).

Эксперимент 2 проведен аналогично первому. Материалом для него послужила анкета, составленная из 37 архаических единиц, которые были отобраны на основании пилотажных экспериментов. Анкета включала 24 существительных, 3 глагола и 10 прилагательных. Информантам предлагалось указать архаическое значение каждого слова анкеты и отметить, употребляют ли они это слово в данном значении в речи, т.е. рассматривались два параметра – «знание» и «употребление». Объем выборки информантов составил 96 человек. Получено 7104 реакции. Результаты обрабатывались по той же методике, что и для диалектного слова.

Вес фактора «пол» для параметра «знание» практически равен нулю. Это означает, что мужчины и женщины в равной мере знакомы с архаическим словом (на данной выборке слов). По рангу фактор «гендер» несуществен и занимает пятое место. Однако иную картину имеем в параметре «употребление» архаического слова. Фактор «пол» занимает третье место и является уже существенным. И если мужчины и женщины примерно одинаково знают архаическое слово, то мужчины употребляют в речи архаизмы чаще, чем женщины.

Эксперимент 3. В этом эксперименте рассматривалось три фактора: курс, специальность и пол. Предъявляемая анкета состояла из 50 жаргонизмов, которые были отобраны не только из живой студенческой речи, но и из картотеки студенческого жаргона, хранящейся в Словарном кабинете Пермского государственного университета. Поскольку лексика студенческого жаргона представлена двумя пластами – производственным ядром и общебытовым словарем, то оба эти пласта были отражены в анкете. Из 50 слов анкеты 15 принадлежали производственному ядру жаргона, а 32 – общебытовому словарю. Объем выборки информантов составил 48 человек. Выборка была сбалансирована по указанным факторам. Всего в эксперименте получено 4800 реакций.

Результаты ДА по параметру «знание» для общей выборки слов свидетельствуют о том, что ни один из факторов

не оказывает существенного влияния на «знание» жаргонной единицы. В этом проявилась специфика жаргонной студенческой единицы, связанная со спецификой языкового студенческого коллектива. В этом коллективе настолько важна общая социальная страта «студент», что все остальные, необщие для коллектива социальные страты подавляются ею. Нам кажется, что эти данные согласуются с выводом Л.П. Крысина о речевой гомогенности группы. Среди факторов, способствующих речевой гомогенности группы, он выделяет «фактор кода», что, по его мнению, обозначает выработку общей манеры речевого поведения, которая «возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом (жаргоном, диалектом и т.п.)» (Крысин, 1989б, 83).

Рассмотрение параметра «употребление» показывает, что «пол» – единственный существенный фактор, который влияет на частоту употребления жаргонных слов, причем мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют их.

В эксперименте 4 также рассматривались три фактора: образование, возраст, пол. В анкету вошло 30 профессиональных единиц: 8 терминов, 13 профессионализмов и 9 профессиональных жаргонизмов. Объем выборки информантов составил 14 человек. Выборка была сбалансирована по указанным факторам. Всего в эксперименте получено 720 реакций.

Таблица 6

Результаты экспериментов на «знание» и «употребление» лексических единиц

Лексическая единица	Знание	Употребление
Локализм	5	5
Архаизм	5	3
Жаргонизм	2	2
Профессионализм	2	3

Данные ДА показывают, что вес фактора «пол» по параметру «знание» оказывается незначительным и в ранге указанных факторов занимает второе место после фактора «возраст». По параметру «употребление» фактор «пол» является несущественным и занимает третье место.

Как видим, страта «пол» оказалась несущественной для обоих параметров, но более «весомой» по сравнению с фак-

тором «образование». Это говорит о том, что фактор «пол» в проведенном эксперименте оказывает некоторое влияние на владение профессиональной единицей.

Итак, с помощью ДА была обнаружена существенность фактора «пол» только для параметра «употребление» архаизмов, что говорит о его незначительном влиянии на речь говорящего (см. табл. 6).

Как видим, специфика лексической единицы влияет на знание и употребление ее в речи. Локализмы, жаргонизмы и профессионализмы, судя по результатам ДА, представляются привычными и не выделяются как экзотические в своей семантике, в отличие от архаизмов. В большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и чаще употребляют все рассмотренные лексические единицы. Следовательно, фактор «пол» в основном определяет речевое поведение мужчин.

2. Дифференциация речевой продукции говорящего по страте «возраст».

Здесь представлена частная статистическая модель социолекта, построенная по возрастному фактору. Учет возрастной дифференциации испытуемых традиционен в социо- и психолингвистике. Что касается речи провинциального города, то данный фактор является одним из наиболее значимых при определении степени владения (знания и употребления) информантами диалектным словом. Возраст выступает как социальный фактор, обеспечивающий локальную окраску речи горожан. Это выяснено с помощью серии экспериментов, абсолютное большинство которых организовано таким образом, чтобы в выборку испытуемых в равных пропорциях были включены лица с учетом следующих характеристик: место рождения, специальность, пол и образование. Возраст представлен четырьмя группами: 20–29, 30–39, 40–49, 50 и более лет.

Фактор «возраст» изучался на лексическом (владение локализмом, архаизмом), супraseгментном и синтаксическом уровнях.

Представим графически зависимость параметров «знание» и «употребление» от градации страты «возраст» для диалектного слова (рис. 8).

У страты «возраст» линия регрессии для параметра «знание» говорит о прямой зависимости, т.е. чем старше информанты, тем больше диалектных слов они знают. При этом разница между самой молодой (20–29 лет) и самой старшей группой (50 и более лет) составляет 12%. Для параметра «употребление» кривая носит U-образный характер; меньше всего употребляют локализмы как самые молодые, так и самые старые информанты. Точнее, информанты старшей группы думают (это есть самооценка), что употребляют в речи мало диалектных слов, в то время как реально в их речи локализмов больше, чем в речи других возрастных групп.

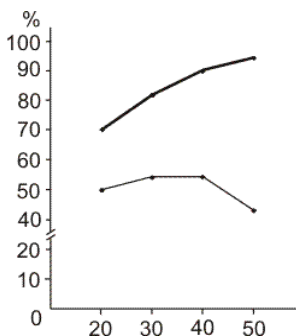

Рис. 8. Частота знания (—) и употребления (---) локализмов в зависимости от страты «возраст»

Необходимо отметить, что параметр «употребление» локализма расположен на графике намного ниже параметра «знание». Думается, в этом отразилось восприятие локализма как социально непрестижного и, следовательно, связанного с более низкой культурой (см. об этом явлении при использовании просторечия: Крысин, 1989б, 99). Именно поэтому «говорящий» выбирает форму, отвечающую его представлениям о том, что «правильно» или «престижно», а не ту, которую он действительно употребляет (Лабов, 1975, 126).

Для архаизма по результатам ДА эта страта не была существенной. Тем не менее наблюдается слабая тенденция к снижению уровня владения архаическим словом с увеличением возраста информантов.

У информантов в возрасте от 20 до 40 лет длина предложения растет (рис. 9), синтаксис усложняется (рис. 10). Однако в старшей возрастной группе оба эти показателя уменьшаются. Подтверждение этому находим в литературных данных, где указывается, что «в речи стареющих <...> уменьшается средняя длина слова и предложения» (Спивак, 1985, 52).

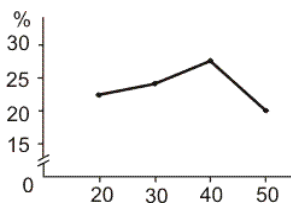

Рис. 9. Длина предложения в словах в зависимости от страты «возраст»

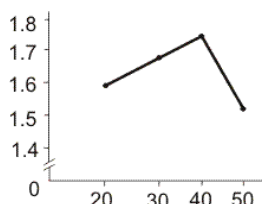

Рис. 10. Синтаксическая сложность предложения в зависимости от страты «возраст»

Метод ДА использовался и для изучения супraseгментного уровня речи. Экспериментально-статистическая модель владения супraseгментным уровнем речи в ситуации спонтанной речи показала, что для всех просодических параметров – паузации, логического и эмоционального ударения, темпа речи – возраст оказался несущественным фактором: для паузации – 3, для темпа – 2, для логического и эмоционального ударения – 3 (см. табл. 1).

Итак, страта «возраст» является значимой для всех исследуемых параметров диалектного слова. Как видим, возраст – серьезный социальный фактор, способствующий локальной окраске речи горожан. С возрастом, в связи с отказом человека от активной общественной жизни, значительно сокращается число сфер, в которых протекает его речевая деятельность, вплоть до бытовой сферы (Ерофеева Т., 1991; Коготкова, 1970; Скитова, 1968).

Представим поведение этих лингвистических признаков в зависимости от фактора «возраст» в виде аппроксимаций, или сглаженных кривых (см. рис. 8). Практически во всех случаях для речи старшей возрастной группы характерно увеличение числа пауз, замедление темпа, уменьшение числа выделительных ударений, длины и сложности предло-

жения, несколько снижается уровень владения архаизмом и повышается уровень владения диалектным словом. Таким образом, подтверждается предположение о своеобразном «речевом регрессе» старшей возрастной группы, когда удельный вес литературных элементов уменьшается, а диалектных – возрастает. Прочим грациям страты «возраст» соответствует либо медленно протекающая регрессия (для архаизма, пауз, эмоциональных ударений и речи при чтении), либо изменение линии регрессии, где в средних возрастных группах наблюдается перелом, например, кривые синтаксических признаков, логического ударения и темпа спонтанной речи. Точка изменения указывает на возраст, в котором явления «речевого регресса» начинают преобладать над явлениями «речевого прогресса», связанного с освоением литературного языка. Для разных лингвистических единиц эти точки различны.

Тема 7

Лексикон городских социолектов: о функциональной нагрузке социально окрашенных единиц

Изучение языкового быта пермских горожан привело к необходимости признания того, что с функциональной точки зрения речь есть не пассивный продукт реализации языковой системы, а **самостоятельное образование**, имеющее свой формальный аппарат и семантическую ориентацию (ср.: Щерба, 1974; Ларин, 1977).

Такие слои лексики, как локализмы, профессионализмы, жаргонизмы и арготизмы, являясь периферийными для системы языка в целом, формируют специфику социолекта как одной из форм существования общенародного языка. Функциональная нагрузка социально окрашенных единиц лексикона городских социолектов обнаруживается при сопоставлении материала картотек и записи живой речи двух периодов: 20–30-х и 80–90-х годов XX века.

В 1928 году в статье «О лингвистическом изучении города» Б.А. Ларин писал о том, что язык города есть конгломерат многих жаргонов и арго. Материалы, собранные под его руководством в 20–30-е годы, составляют функциональное поле «некоего “низкого” разговорного языка».

Наиболее широко представленным в нем является арго заключенных Соловецких островов. Этот словарь, составленный Н.Н. Виноградовым, включает 359 единиц. Его сокращенное название – УСЛОН, или условный язык специальных лагерей особого назначения. Словарь представляет собой 14 страниц рукописи со словами и словосочетаниями от А до Ю, которые поданы без ударения. Есть краткие дефиниции и к ним синонимы. Лексика школьников записана Б.Л. Богородским в ленинградской школе-коммуне (104 единицы). Кроме того, зафиксирована лексика артистов, крымских босняков (1920–1921 годы), картежников, барышников, офеней. В картотеке имеются профессионализмы из речи шоферов, моряков, летчиков, стекольщиков, монтеров, рабочих и т.д.; жаргонизмы из речи солдат, гимназистов, студентов, юнкеров. Есть единицы городского просторечия – калужского, дорогобужского, симбирского и т.д. Как видим, уже тогда Б.А. Ларин понимал, что **городское просторечие имеет локальную окрашенность**.

Итак, даже поверхностное рассмотрение лексики, составляющей картотеку городской речи, собранную Б.А. Лариным, позволяет увидеть, что этот слой лексики является по горизонтали вторым рядом для всех форм функционирования языка, объединяющим навыки различных социальных групп – городское просторечие. По вертикали – это сниженный (по окраске) слой лексики, т.е. «низкий».

Комплексное исследование речи пермских горожан начиная с 1975 года позволило собрать большой материал. В него вошли магнитофонные записи естественной речи (около 27 часов звучания); рукописные тексты, фиксирующие речевые фрагменты (более 1000 страниц); данные многочисленных анкет, тестов, опросов (около 33 тыс. ответов); готовящийся к изданию «Словарь локальных элементов, бытующих в литературной речи Пермского края» (более 1000 слов и фразеологических единиц).

Сопоставительный анализ материалов картотек и записей живой речи начала и конца XX века позволил выделить ряд существенных особенностей в лексиконе городской речи.

I. Прежде всего отмечается **конкретика организации лексикона городских социолектов**. Большую часть ее составляет мир «лиц» и «предметов», на втором месте – действия. Рассмотрим с этой точки зрения материалы городской речи начала и конца XX века.

Число лексических единиц картотеки Б.А. Ларина составило 970. Из них фразеологических единиц, включая номенклатурные, – 114; существительных – 556; субстантивных прилагательных – 28; глаголов – 217; прилагательных – 14; наречий – 12; междометий – 13; причастий – 5; частиц – 1; неясных случаев – 10. Экспрессия существительных и глаголов заложена в их семантике в абсолютном большинстве случаев. Например, *зажигалочка* – поднимающая настроение девочка, женщина; *выудить* – искусно выкрасть карманные часы; *каботаж* – плохой ответ на зачете; *каботажничать* – скверно отвечать на зачете. Поэтому так мало прилагательных и наречий, хотя они также не лишены экспрессии. Ср., например, субстантивные прилагательные: *двухглазая* – бинокль; *дурманый* – пьяный, *зрячий* – имеющий паспорт. В этом проявляется конкретика организации лексикона арго и стоящая за ним конкретика мышления. Междометия, как правило, не выражают эмоции и чувства, а принадлежат к разряду **волевых побуждений**, эквивалентных глаголу: *амба* – конец; *винта* – убежать (во всех лицах и временах); *в расход* – к расстрелу; *зек!* – тише.

Наша картотека локальных лексических единиц относится к концу XX века. Преобладают в локальной лексике (более 1000 единиц) имена существительные. На их долю приходится около 49% слов. Второе место принадлежит глаголам (32%). Значительно меньше прилагательных и наречий (соответственно 9 и 8%). Местоимений 5: *какой-нито*, *таковский*, *че*, *ниче*, *кого* (в значении «что»); частиц тоже 5: *ага*, *ну* – утвердительные, *айдате* – побудительная, *дак* – усиленная, *буде* – вводная. Союз 1 – *ровно*.

В семантическом плане особенностью лексики каждой из тематических групп является то обстоятельство, что локальные слова и ЛСВ имеют не родовую, а видовую семантику, обозна-

чают, как правило, конкретные явления. Эта особенность обнаруживается и при изучении жаргонизмов в настоящее время.

II. Сопоставительный анализ материалов городской речи позволил выявить **полевую организацию лексических единиц**. Оказалось, что любое семантико-тематическое поле состоит из четырех групп: предмета, лица, действия, свойства. В каждой из них объединены смысловые компоненты общего характера. Группа имеет разветвленную сеть тематических микрополей, обозначающих определенные сферы внеязыковой действительности.

Рассмотрим лексико-семантическое поле воровского арго заключенных Соловецких островов, записанного Н.Н. Виноголадовым в начале XX века. Оно включает 4 группы слов.

Группа «предметы» включает 133 единицы и состоит из следующих микрополей: тюрьма, притон (17 единиц); строения (10); кокаин, деньги, карты (16); вещи, одежда (40); наказания (8); преступные действия, орудия воровства (42). Вторая группа – «лица» – представлена 96 единицами и имеет такие микрополя: вор, помощник вора (43); характер человека (29); лица неворовской специальности (10); части тела (3); женщина (9); нищие (2). Представительна группа «действия» – 114 единиц со следующими микрополями: находиться в состоянии (40); воровать (41); арестовывать, быть арестованным (15); мошенничать, обманывать (10), бежать, убегать (6); умереть (2). Группу «свойства» составляют 30 единиц: 12 прилагательных, 15 наречий и 3 числительных. Разнообразна группа наречных сочетаний: *в дымину, ни канша, на чистуху* и др. Не вошли ни в одну группу одиночные слова: *бандоха* – солнце, *мандро* – хлеб, *сено* – табак, *черный ворон* – автомат, *блатная музыка* – блатной язык, *фарт* – счастье, *занеб, хана* – смерть.

Приведем пример лексико-семантического поля из записи школьного арго начала XX века (104 единицы).

1. *Предметы*. Фиксируется всего 3 единицы: *барахло* – старье, хлам; *факел* – факт; *панельная луна* – фонарь.

2. *Лица*. 13 единиц. Нейтральные названия: *гонник* – бездомный, беспризорный; *каланча* – высокий; *оголец* – мальчик. Отрицательные названия: *баба* – трус; *задрыга* – мерзавец, *марало* – ненадежный, ябеда; *трепло* – дрянной; *трепач* – баловник, шалун; *шляпа* – неспособный, плохой ученик; *филон* – лен-

тей. Сюда же отнесем 3 единицы, обозначающие части тела: *кумпол* – голова; *лытки* – конечности, ноги; *носопырка* – нос.

3. *Свойства* (4 единицы). *Задиристый* – плохой, *плюгавый* – плохой, *по-чертовски*, *прубо* – здорово.

4. *Действия* (84 единицы): а) движение (27 единиц): *волыниться* – медлить, *двинуть* – ударить, *залимонить* – быстро пойти, *засадить*, *звездануть*, *ляпнуть*, *ошеломить*, *садануть* – ударить, *вышибать* – выгонять, *наматывать* – бежать, *переть* – идти быстро, *плюй дальше* – иди дальше, *похрять* – пойти, *прихрять* – прийти, *рытаться* – шевелиться, *смазать* – промахнуться, *смыться* – сбежать и др.; б) говорение (9 единиц): *галдеть* – кричать, *гыкать* – говорить, *засохнуть*, *заткнуться* – замолчать, *зубы заговаривать* и др.; в) состояние (28 единиц): *влопаться*, *врезаться*, *втепериться*, *втюриться*, *втрескаться* – влюбиться, *гмыриться*, *дрейфить* – бояться, *загибаться* – сердиться, *загнуть* – загордиться и др.; г) воровство (15 единиц): *ляпнуть*, *свистнуть*, *стибрить* – украсть, *ошмонать* – обокрасть, *слямзнуть*, *спереть* – стащить, *облапошить* – обмануть и др.; д) прием пищи (2 единицы): *уплетать* – быстро есть; *шамать* – есть.

В поле *Действия* фиксируются 3 единицы, составляющие еще одно микрополе – побуждение к действию и даже волеизъявление: *точка на горизонте* – сигнал о приближении кого-то; *фана* – «да» как подтверждение; *шухер!* – тише!

Изучение материала школьного аргю дало возможность увидеть процесс взаимодействия разных форм национально-го языка. Показательно, что из 104 единиц школьного аргю сегодня Толковым словарем русского языка (Ожегов, Шведова, 1995) показаны как общерусские с пометой «просторечное» – 36 единиц, «разговорное» – 8 и без помет – 1 (*срезаться*). Это составляет 45% от общего их количества.

Обратимся к материалам конца XX века. Рассмотрение их позволило считать аргю особой речевой сферой, состоящей из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов естественного языка, которые проявляются исключительно в устной речи социально обособленных, замкнутых групп. Своеобразные социальные условия существования людей, входящих в такие группы, враждебное отношение к обществу, его нормам, презрение к труду, женщине, огромная роль личных качеств при совершении престу-

пления и т.д. – все это создает предпосылки появления у них особого речевого поведения. Эти же социальные условия влияют на лексико-семантический состав аргю.

Нами были изучены данные трех синхронных словарей: а) Словаря Потапова (М., 1927) – 2400 слов; б) Словаря Вакутина (Омск, 1979) – 5000 слов, из которых для исследования взяты 2605; в) Словаря Бронникова (Пермь, 1977) – 1540 слов. Использовались также собственные материалы, включающие 670 слов, зафиксированных в 1980–1983 годах в личных беседах с носителями аргю. В результате выделены следующие лексико-семантические группы.

1. Названия воровских специальностей.
2. Слова со значением 'взять в свою собственность'.
3. Слова со значением 'говорить на жаргоне'.
4. Названия мест пребывания воров (в заключении и на свободе).
5. Названия предметов, используемых преступниками.
6. Названия людей непроступного мира.
7. Наименования вещей, одежды, обуви, продуктов и т.д.
8. Наименования животных, насекомых, птиц.

Как показало исследование, лексико-семантическая группа «названия воровских специальностей» представлена разветвленным синонимическим рядом слов с общей семой 'вор': в 20–30-е годы он включает 83 лексические единицы (Словарь Потапова); в 60–70-е – 63 (Словарь Вакутина); в 70–80-е – 115 (Словарь Бронникова и записи бесед с носителями аргю). Сопоставительный анализ дал возможность выявить общие для всех трех «лексических срезов» единицы, собранные в разные годы и с помощью разных методик. Они немногочисленны: *майданищик, барахольщик, блатной, городушник, домушник, зонтарь, кабурищик, клюквенник, мокрушник, урка, уркаган, оборотник, ширмач, штопорилка, подсадчик, портяночник* (16 лексических единиц).

Идя от плана содержания к плану выражения, можно выделить более конкретные подгруппы в общей группе зафиксированных на территории Пермского края лексических единиц с семой 'вор'. В табл. 7 показано распределение 78 лексических единиц по этим подгруппам.

Изучение разных лексических групп аргю начала и конца XX века дает основание сделать некоторые выводы.

1. Лексико-семантические поля одинаково структурно организованы в пределах узловых групп. Это, по всей вероятности, послужило для Б.А. Ларина одним из показателей существования общего низкого языка.

2. Преобладают разветвленные ряды синонимичных единиц с обозначением рода деятельности.

3. В группе лексико-семантического поля «лица» используются преимущественно названия лиц нейтральной и отрицательной окраски.

4. Группа «свойства» в любом лексико-семантическом поле арго представлена скупо.

Таблица 7

Подгруппы арготических лексем тематической группы 'вор' и их количественные характеристики

Значение	Количество лексических единиц		Лексема
	абс.	%	
Малолетний вор	9	11	Кардун, колеса, малышка, пацан, пацан золотой, синтетический, слонтяйка, сопчик, чума
Мелкий вор	19	24	Босота, брус, верховед, воздушник, вольнщик, гольчик, горлохвват, городушник, десантник, дешевка, закоульник, кошка, клюквенник, лисак, лопатошник, маршрутник, мелкая сошка, ширмач, шкурник
Вор, совершающий крупные кражи	16	21	Беспредел, благородный вор, блатной, зонтарь, кабурщик, кабурнет, кассир, крот, ломовой, майданник, могильщик, орел, тихушник, уркаган, штопорилка, ювелир
Вор презираемый	20	26	Асмодей, басивала, беспутный, вольнщик, делюга сушенный, дятел опилочный, ёрш, жох, кучка, засыпало, звон, капорщик, кизюка, кошатница, кусочник, мас, огонь, полонник, плутовка, фрей
Вор, пользующийся авторитетом	14	18	Автоматчик, авторитет, академик, анархист, весовой, воровская семья, Егор, законник, Иван, красная шапочка, майданчик, махновец, папа, родский

III. Следующая особенность лексикона городских социолектов заключается в том, что **значительное число подгрупп имеет малое количество единиц**. Это позволяет предположить, что в любой тематической подгруппе «функционализмы» (локализмы, профессионализмы, жаргонизмы, арготизмы) могут появляться, создаваться или заимствоваться из других социолектов. Таким образом, каждое семантико-тематическое поле носит открытый характер, а сами лексические единицы выполняют различные функции в речи.

IV. Статическое описание социально-функциональных разновидностей устной речи позволило нам определить их **статусное содержание** и функции. Специфика устной литературной речи конституируется территориальным признаком. Проецируясь на географическую плоскость, эта форма речи, обладая определенным единством, вместе с тем варьируется в разных регионах. Кроме того, устная речь испытывает на себе влияние такой социальной страты, как уровень образования носителя литературного языка. Этот социальный признак также способствует образованию локальных вариантов устной литературной речи (Ерофеева Е., Ерофеева Т., Скитова, 2002).

Как особые речевые сферы квалифицируются разновидности социальных диалектов, выделяемые на основе экстралингвистических факторов, – социальные и социально-психологические: профессиональные «языки», жаргоны, арготизмы. Они функционируют в ограниченных в той или иной степени общностях, группах, являясь средством общения, как правило, только для членов этих групп. Тем не менее эти явления не одного порядка. Если в профессиональных «языках» и арготизмах доминирующим является род занятий (во втором случае – род занятий с негативной характеристикой со стороны общества), то жаргоны определяются социальным признаком возраста. Две первые разновидности социальных диалектов обусловлены социально-производственным запросом, отвечают на него и рассматриваются нами как **типы речи**. Жаргоны цементируются лишь эмоционально-психологическим запросом, а потому являются социально-речевым стилем молодых.

Данные экспериментов свидетельствуют о сложной зависимости функционирования локализмов, профессионализ-

мов, жаргонизмов и арготизмов от системы взаимодействия факторов – внутрилингвистических, социальных и психологических (Ерофеева Т., 1991).

Главная особенность локализмов, профессионализмов и арготизмов заключается в том, что это – единицы названия. В отличие от них жаргонизмы выступают стилистически маркированными дублетами литературной лексики (например: *В столице носились по шопам, как психи взмыленные, только в последний день почапали в Третьяковскую галерею; Снова на контре Гриня все у меня слизал. Точно когда-нибудь трахну по кумполу, будет сам кумекать. Врубиться не могу: где совесть у человека?*). Тем не менее рожденные в устной речи все четыре типа единиц характеризуются конкретизированной семантикой, специфической речевой организацией, проявляющейся в разветвленной синонимии и дублетности; им свойственна региональная маркированность и эмоционально-экспрессивная окраска. Формируя лексическую специфику социолекта, они выполняют различные функции в соответствии со своей природой – денотативную, экспрессивную, солидаризации и т.д. Эти единицы мы называем «функционализмами», рассматривая их как лексическую категорию. Возникновение и развитие «функционализмов» – процесс естественный и закономерный.

Тема 8

Лексикон городских социолектов: об аспектах изучения локализма

Как показали исследования лингвистов, литературная речь жителей городов Пермского края, в том числе областного центра, города Перми, подвержена воздействию местных диалектов (Ерофеева Т., 1979; Ерофеева Т., Скитова, 1992; Ерофеева Е., 1997). Описание языковой ситуации в Пермском регионе позволило сделать теоретическое заключение о тер-

риториальном варьировании русского литературного языка в его устной форме как реально существующем факте.

Сейчас, когда теоретически признается локальная вариативность устного литературного языка как объективная данность, есть необходимость рассмотреть, в каких аспектах можно изучать локальные элементы, фиксируемые в литературной речи горожан.

1. Установлено, что большинство локальных элементов по происхождению связано с диалектом. В речевом обиходе горожанина, владеющего литературным языком, такие единицы получили название **локализмов**. Они не принадлежат к единицам литературного языка и являются локальными элементами либо в речи только жителей Пермского региона, либо в речи жителей Пермского региона и некоторых других областей.

2. Изучение локальных элементов в генезисе очертило пять источников. Локализмы могут 1) восходить не только к диалектным единицам, но и к единицам городского просторечия (например: *чо, ничо*); 2) сложиться в разговорной литературной речи горожан (ср.: *футболка* – в Перми; *бобочка* – в Санкт-Петербурге); 3) представлять собою единицы одного из вариантов литературного языка, получившие широкое употребление в определенном регионе (ср.: *враз – сразу*); 4) являться словом, вышедшим из литературного употребления, но задержавшимся в речевом обиходе города. Например, слово *боле*, отмеченное в Глоссарии пермских локализмов.

Круг локализмов, сопровождающихся пометой «устаревшее», достаточно широк. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что к числу факторов, обуславливающих и поддерживающих локализмы, относится неравномерность развития языка, проявляющаяся в территориальной и хронологической проекции.

3. Локальные элементы фиксируются на всех языковых уровнях.

Фонетический уровень литературной речи характеризуется целой группой отклонений, которые зафиксированы в речи абсолютного большинства пермских информантов и

которые могут быть отнесены к фактам варьирования литературной произносительной нормы в разговорной речи. Неполное оканье, еканье, чрезмерная степень качественной и количественной редукции, твердые губные на конце слова, смягчение *ш* и *ж*, недостаточно мягкие *щ* и *ч*, утрата смычки у обеих аффрикат и другие являются следствием влияния звуковых особенностей северно-русской диалектной основы или взаимодействия литературного языка и диалекта. Они и создают тот «местный» колорит речи, который отличает пермского носителя литературного языка от носителей литературного языка других городов.

Лексические нормы речи пермских горожан в основном совпадают с литературными. Локализмы представлены пластом обиходных слов, обозначающих конкретные предметы или действия (*вехоть, вышка, взъём, голбец, навяливать, похлёбка, уросить, шаньга* и т.д.). В меньшей степени процесс локализации захватывает непредметную лексику (*взаде, даве, нашто* и т.д.).

На морфологическом уровне наиболее распространены отклонения, связанные как с внешними, так и с внутренними тенденциями развития морфологической системы. К примеру, продуктивны формы на -у в р. и пр. п. ед. ч. 1-го типа склонения: *На гольном жиру; Афанасий Иванович в отпуску?; На простом таком деревянном пруту. Выходят за рамки кодифицированной нормы образования существительных на -а в им. п. мн. ч.: *У тебя чертежи-то на клапана есть?; Протокола кто ведет? Кто у вас пишет протокола? Испытывает колебание в роде определенная группа имен существительных: *Мама, куда берёсто для растопки положила?; Возьми бланку (БАС подает как устаревшее) и заполни; Малыши увидят и скажут: «Вот дядька в киоску опять лезет»; Собачонок (в словарях литературного языка – *собачонка*, разг.) *совсем маленький был, сейчас подрос уже*. Воздействие диалектной среды проявляется на этом уровне спорадически (за исключением широко распространенных явлений стяжения и диалектной формы местоимения *чѐ*) и связано со степенью владения литературным языком. Например, формы на***

-е в дат. и пр. п. ед. ч. 3-го склонения встречаются только в речи лиц, недостаточно владеющих литературным языком: *Марие Петровне надо помочь; В федерации работает...; В Перме была две недели.* В устной речи использование подобных форм возможно только при условии реализации сильно выраженного еканья на фонетическом уровне, так как в большинстве случаев окончание является безударным.

Синтаксические особенности разговорной речи в целом не являются узко локальными и обусловлены устным характером речи. Такие явления, как именной темы, конструкции с двойными глаголами, повторение предлогов, отмечаются во всех разновидностях разговорной речи. К примеру: *Мама, она у нас филолог была; Это я училась шила; А я один раз взял выключил его; У нас у отца было описание этого края; Тетя Валя все лето проводят в саду, а Зина уехали на юг.* Часть их, например согласование сказуемого с подлежащим по смыслу, повторение предлогов и др., представляют собой реликтовые явления древнерусского языка, т.е. некогда повсеместно распространенные, а в настоящее время составляющие особенность диалектов.

В конкретных своих проявлениях речь горожан неизбежно находится в различных отношениях с литературной языковой нормой и внелитературными (например, областными) речевыми средствами, обнаруживая зависимость от уровня образования различных групп городских жителей. Лица, по роду своей деятельности непосредственно соприкасающиеся с наукой о языке, уделяющие особое внимание вопросам речевой культуры, чаще придерживаются литературной нормы.

4. На лексическом уровне выявлено и описано более 1000 локальных единиц. В семантико-тематическом аспекте наиболее большими являются группы, включающие локализмы, связанные со следующими темами: человек, его домашняя обстановка, пища, одежда; животный и растительный мир, окружающий человека; местность, природные явления; транспортные средства.

В семантическом поле локальные слова имеют, как правило, не родовую, а видовую семантику, обозначая кон-

кретные явления. Отмечена большая группа слов диалектного происхождения, называющих предметы и действия, связанные с домашним хозяйством: *вѣхоть* – мочалка, тряпка для различных хозяйственных надобностей; *ви́ца* – отломленная ветка без листьев, розга; *держáть* – тратить, расходовать деньги; *захря́снуть* – затвердеть, стать густым; *лену́ть* – налить в один прием небольшое количество чего-либо; *тюричóк* – катушка ниток; *шóркать* – тереть что-либо (пол, спину, ноги и т.д.) и т.п.

В лексико-грамматическом отношении группы неоднородны. Часть тематических групп очерчивается по 3 параметрам-основаниям. Такие группы включает единицы, соотнесенные с предметностью, действием и признаковостью. Например, в группу со значением «еда и процессы, связанные с ее приготовлением» входят существительные *грибóвница*, *парёнки*, *жа́рево*, *жарёха*, *кумь́шка*, *малосóлы* и др.; глаголы *захря́снуть*, *скать*, *рассыкáть*, *соскáть*, *разоскáть* (*тесто*), *стря́пать* (готовить изделие из теста), *защипáть*, *щипáть* (*пельмени*) и др.; прилагательные *вечёрошный*, *гóльный*, *нагóльный* (включающий излишки специй), *малосóлый* и др. Аналогичен состав групп «одежда, обувь, их использование и уход за ними»; «части тела, их состояние»; «растительный и животный мир»; «человек, его характер, поступки, поведение, занятия». Вполне естественно, что в последней группе преобладают глаголы – более 40 единиц. Значительна и доля прилагательных: пятая часть всех рассматриваемых прилагательных – локализмы.

Ряд тематических групп включает лексику, соотнесенную лишь с двумя параметрами: либо с предметностью и действием, либо с предметностью и признаковостью. В число групп, обладающих параметрами предметности и действия, входит группа слов, связанных с домашним хозяйством. Ее составляют существительные *ча́шка* (миска), *бокал* (цилиндрическая чашка), *стакашек* (стаканчик), *солоничка* (солонка), *опитки* (слитые вместе недопитые напитки), *каши́к* (дуршлаг), *тюри́к*, *тюричóк* (катушка ниток) и др.; глаголы *держáть*, *издержáть* (израсходовать съестные припасы, деньги), *лену́ть* (налить немного), *шáять* (тлеть), *заши́ять*

(загореться неярким огнем, начать шаять), *шóркать* (тереть), *вúшóркать*, *нашóркать*, *пошóркать* и др. К «двуосновным» принадлежат также значительные по объему тематические группы: «рельеф, местность, природные явления»; «жилые, хозяйственные строения, их части». Последняя группа включает лишь существительные и прилагательные.

Среди значительных по объему групп отмечена одна – «родственные и социальные отношения человека», состоящая только из имен существительных: *брáтельник* (брат, двоюродный брат), *гáврик* (ребенок), *дéвка* (дочь), *пáрень* (сын), *сестрýнка* (сестра, двоюродная сестра), *кóка* (крестная мать), *углáн*, *угланёнок*, *углáнишко*, *углáшек* (подросток) и др.

В выделенные тематические группы не вошли два ряда знаменательных слов. Это неизменяемые прилагательные, обозначающие цвет и нередко выполняющие в предложении функции сказуемого, ср.: *сбелá* (беловатый), *сголубá*, *сжелтá*, *скоричневá*, *скраснá*, *срзовá*, *ссиня́*, *счернá* и т.п.; наречия, которые определяют действия по времени (*вдóлге*), месту (*кругóм* – везде; *взáде* – позади), кратности (*вдрусóрядь*, *неодúнова*), степени (*малó-малé*), образу действия (*начистовúю*, *внаклóнку*, *ладóм* – как полагается, как следует), интенсивности и др. Каждый из этих локализмов, обладая особыми семантическими и грамматическими признаками, оказывается вне рамок приведенной классификации.

Значительное число групп, имеющих относительно малое количество единиц, позволяет предположить, что локализм может появляться в любой тематической группе слов, используемых в непринужденной бытовой литературной речи. Ср.: *блáнка* (бланк), *бестолкóвый* (плохо сделанный, выстроенный дом), *ставáть* (становиться) и т.п.

Число локализмов, сформировавшихся в городской речи, значительно меньше. В наших материалах обнаружено более 50 таких слов, бытующих в Пермском регионе, типа *ветрóвка* – легкая куртка, штормовка; *бухáнка* – формовой хлеб; *морóженка* – брикет мороженого; *пирóженка* – одно пирожное; *балéтка* – небольшой чемоданчик; *балéтки* – легкие тапочки; *проезднóй* – абонемент для проезда на каком-

либо виде городского транспорта; *маршрут* – любой вид транспорта определенного маршрута; *однёрка* – трамвай, троллейбус, автобус первого маршрута и др.

Рассматриваемые локализмы в большинстве случаев имеют общелитературные синонимы. Так, глагол *захряснуть* соотносится с общелитературным *затвердеть*, существительное *залóжка* – с общелитературным *закладка*, наречие *заоднём* – с общелитературным *заодно*. Но нередко локализмы не имеют синонимов в литературном языке. Ср.: *катушка* – специально сооруженная ледяная горка; *ладом* – как следует, как положено. Это обстоятельство является одним из существенных факторов, поддерживающих локализмы и их функционирование в литературной речи.

5. Проецируясь на географическую плоскость, устная литературная речь, несмотря на определенное единство, варьируется в разных регионах. Кроме того, устная литературная речь испытывает влияние такого социального фактора, как уровень образования носителя литературного языка. Этот социальный фактор способствует образованию локальных вариантов устной литературной речи. В этом плане небезынтересны наблюдения над использованием локализмов в малых социальных группах, в том числе в живом общении членов одной семьи. Изучалась семья, состоящая из представителей трех поколений – старшего, среднего и младшего. Представители среднего и младшего поколения имеют высшее образование. Рассматривались локализмы, бытующие в речи сельской интеллигенции (подробно см. Темы 14 и 15).

6. В большинстве случаев местные слова и выражения используются горожанами в литературной речи неосознанно, поскольку локализмы являются органической частью их идиолексикона с детства. Например, в сочинении школьника встречаем фразу: *Партия ушла в глубокий гóлбец*. Студентка не знает литературного синонима локализма *взáди*; многие удивляются тому, что слово *засоня* не является литературным. Некоторые собственно лексические локализмы широко употребительны в речи: *Я не слышала, чтобы кто-то в*

уральской среде называл синявки сыроежками. Везде: от рынка до самых высоких сфер – все зовут их синявками.

Это породило идею создания глоссария локализмов, условно названного «Социолингвистический глоссарий локальных элементов».

Глоссарий – свод толкований таких слов (глосс), которые малопонятны (устаревшие, диалектные и т.п.). Форма глоссария позволяет достаточно полно описать территориальную и социальную основу образования локальных вариантов устной литературной речи.

Глоссарий будет включать более 1000 локализмов, которые бытуют в литературной среде пермских информантов, как наиболее употребительных, так и редко (по случаю) используемых. При этом единичные (2–3 случая) употребления не рассматриваются. Как правило, слова подаются в алфавитном порядке. Однако иногда применяется и словарно-гнездовой способ, как в словаре В.И. Даля. Рассмотрим локализм *бóры*.

БОРЫ. Сборки, складки. Это словообразовательно-семантический локализм. Он сопоставим с литературным существительным *сборки*, но отличается от него не только по словообразовательной модели (не имеет префикса и суффикса), но и по семантике, поскольку обозначает и сборки, и складки. Слово *бóры* является ведущим словом большого гнезда. В него входят существительные *бóрики*, *бóрочки*, *бóрки* (*уменьш.-ласк.* произв. к *бóры*), глагол *борить* – собирать в сборки, в складки; прилагательное *бористый* – собранный в сборки, складки, имеющий много сборок, складок. *Тебе с борами юбку надо? По-моему, прямая лучше* (учитель, 45 л., жен., п. Октябрьский); *Юбка с бориками* (секр.-машинистка, 30 л., Березники); *Сейчас в моду вошли рукава с борочками вверху, сильно борят* (филолог, пенс., Пермь); *Борки-то у твоей юбки какие славные!*; *Тогда бористые юбки не носили* (пенс., жен., 69 л., Чусовой); *А на Любочке бористая юбочка* (студентка-историк, Кунг. р-н). Все слова этого гнезда используются преимущественно в речи женщин. Но лишь половина информантов отнесла перечисленные слова к своему

активному словарному запасу. Словарями литературного языка эти слова не отмечаются.

Особое внимание уделяется разработке словарной статьи, которая дала бы возможность представить в комплексе основные параметры слова «как объекта лексикографического описания и как субъекта речевой деятельности» (Бельчиков, Солганик, 1997, 42), поскольку в языковой способности человека слово живет как сложный комплекс. В связи с этим словарная статья на локальное слово или выражение будет иметь следующие компоненты: заголовочное слово в орфографической записи с обозначением ударения; определение значения слова или использование с этой целью литературного синонима; данные словарей, свидетельствующие о локальном характере слова; иллюстративный материал, включающий цитаты из обиходной литературной речи, устной публичной речи и произведений художественной литературы преимущественно уральских писателей; социологические данные, указывающие на среду бытования локализма, а также грамматические и стилистические пометы.

Приведем несколько примеров.

АЙДА́-КО (АЙДА́-КА), АЙДА́ТЕ, АЙДА́ТЕ-КО (АЙДА́ТЕ-КА), *част.* Исходное слово *айда*, заимствованное из татарского языка, во многих словарях современного русского литературного языка сопровождается пометой *просторечное*. В разговорной речи горожан Пермского региона используются русские новообразования с помощью частицы *-ко* (*-ка*) или окончания *-те*, а в отдельных случаях – посредством того и другого; обозначают побуждение к движению, действию: *Айда-ко с нами на дачу* (инженер, 57 л., Пермь); *Айдайте ко мне. Посидим, чайку попьем* (студент-филолог, Пермь); *Айдайте с нами на концерт* (инженер, 57 л., Пермь); *Как пройти к реке? – Айдайте за мной!* (технолог, 50 л., Суксун); *Айдайте, я вам все покажу* (учитель, 27 л., Куеда); *Айдайте есть – остывает все* (учитель, 45 л., п. Октябрьский); Частицы *айда-ко*, *айдайте* бытуют в пермских и ряде других преимущественно северных и сибирских говоров. Вариант *айдайте-ко* (*айдайте-ка*) словарями русского языка пока не зафиксирован. Тем не

менее он спорадически встречается преимущественно в речи жителей сельской местности Пермского края: *Айдайте-ко в поле, хватит бока належивать* (педагог, с. Помарово). Подобные локализмы употребляются информантами чаще всего в ситуациях, когда по тем или иным причинам не осуществляется контроль за правильностью речи. Так, корректор (высшее пед. обр., 30 л., с. Б. Соснова) в состоянии радости после окончания тяжелого рабочего дня воскликнул: «*Айдайте-ка по домам!*».

АТОМНЫЙ КВАС. Встречается как в городской, так и в диалектной речи. Атомным называют быстро готовящийся или сильно забродивший квас: *Квас получился атомным* (бухгалтер, 34 г., Пермь). Устойчивое сочетание *атомный квас* широко используется жителями не только Перми, но и областных населенных пунктов: *Вечером поставим атомный квас* (телемеханик, 31 г., Пермь); *На столе в углу квас атомный. Он, должно быть, уже ядреный* (пенсионер, Соликамск). Встречается и в диалектной речи: *Квас-от вам не подаю – шибко ядреной, атомной* (Словарь пермских говоров).

БІРКА, суц., БІРОЧКА, суц. Семантический локализм.

1. Жетон, выдаваемый в гардеробе взамен верхней одежды, номерок. *В нашем драмтеатре бирки очень большие и тяжелые* (пенсионер, жен., Пермь); *Мы ходили на кафедру в новом корпусе. Там пальто сдавали в раздевалку. Лена бирку потеряла* (студент, Пермь); *При потере бирки пальто из раздевалки не возвращается* (объявление в музучилище); *Иди, бирочку сдай – получишь пальто* (библиотекарь, Кунгур).

2. Талон к врачу. *Утром в поликлинику схожу, возьму бирку к стоматологу* (пенсионер, Чусовой); *Получила я бирку к врачу только на 12 часов* (юрист, Чайковский); *Врач принимает по бирочкам или в порядке очереди?* (экономист, Нытва).

Локализмы *бирка, бирочка* в указанных значениях настолько привычны в Пермском регионе, что не воспринимаются как отклонение от нормы литературной речи. Фиксируются во всех социально-возрастных группах.

БОГАТИНКА, *сущ., экспр.* Денежный, состоятельный человек. *Богатинкой зажила, вся блестяшь: из Ферганы приехала* (пенсионер, средн., Пермь); *Богатинка – больше, чем материально обеспеченная* (пенсионер, 93 г., ср./спец., Кунгур); *Она ведь богатинка у нас* (студент-историк, из села). В форме *богáтина* слово есть в словаре Даля, отмечено и в пермских говорах (Словарь пермских говоров). В городской речи встречается редко, чаще в речи пенсионеров. Используется в художественной речи. А. Колчанов в книге «Старина оханская» употребляет его трижды. К примеру: *...восхищались богатинки, а сватов засылать не решались...*

БУСИТЬ, *глагол, несов.* Собственно лексический локализм. Моросить, идти мелкому дождю. *Погляди, опять дождь бусит* (пенсионер, жен., 60 л., Частинский р-н); *Бусить – это когда мелкий дождь идет* (воспитатель д/с, ср./спец., Кунгур); *Какой мелкий дождь! Так и бусит* (пенсионер, филолог, жен., 69 л., Чусовой). Употребляется преимущественно в речи лиц старшего поколения. Используется информантами, имеющими непосредственную связь с диалектами. В городской речи встречаются и производные этого собственно лексического локализма, например *забусить*. *Дождь опять забусил* (учитель, жен., 27 л., Пермский край); *Дождик забусил* (агроном, жен., 26 л., п. Куеда). Достаточно употребителен и другой локализм того же корня: *бусенец* – мелкий морозящий дождь. *На дворе бусенец, за грибами не пойдем, он надолго* (инженер, жен., 45 л., Пермь); *Бусенец сеет* (пенсионер, математик, 62 г., жен., Краснокамск).

УРОСИТЬ, *глагол, несов.* Капризничать, плакать, капризничая. Производное *зауросить*. *Опять уросить будешь?* (техник, ср./спец., 46 л., жен., Чусовой); *Чё ты зауросил, Андрейка?* (бухгалтер, Кунгур); *Капризничать – великопепное литературное. А тут – уросить. Помните Соломенную? Она была профсоюзным деятелем у нас. Должна была выступать на каком-то собрании. И кто-то говорит из студентов: «Соломенная зауросила, не стала выступать». Ну, это был такой восторг! Соломенная, говорит, Рита зауросила. Мне это понравилось!* (пенсионер, жен., филолог,

высш., Пермь). Отмечено в речи различных социально-возрастных групп информантов. К глаголу примыкает существительное *урос* – 1) каприз, 2) капризный ребенок; прилагательное *уросливый* – капризный, беспокойный. *На малыша опять урос нашел* (жен., 23 г., с/х институт, Куеда); *Эх ты, урос! Почему плачешь? Такой ... уросливый ребенок! Значит, беспокойный* (продавец, ср./спец., 21 г., жен., Верещагино).

Ориентация на употребление слова способствует созданию нового типа словаря, выступающего источником социально-речевого престижа. Это будет словарь «адресной направленности» (Бельчиков, Солганик, 1997), отражающий «лексикографические интересы» различных групп потребителей словаря, и в первую очередь пермских учителей и учеников, студентов и преподавателей, лиц, изучающих неродной язык на продвинутых этапах обучения, писателей, артистов, журналистов и всех тех, кому дорого живое слово. В этом виде глоссарий пермских локализмов может служить примером практической лексикографии.

7. Опираясь на многолетнее изучение локальных элементов в речи пермских горожан, рассмотрим локализмы в рамках энергетической теории, которая сегодня активно проникает в лингвистику. В плане методологии понятие энергии характерно для современных научных исследований, поскольку отвечает тенденции к взаимообмену и взаимовлиянию различных методов и дисциплин и предлагает своего рода «матрицу осмысления» лингвистического объекта. Это позволяет получить некоторую новую информацию о мире, обнаруживая сходство в различном и неожиданные характеристики в устоявшихся представлениях (Мышкина, 1998; Кузьмина, 1999). Вовлечение понятия энергии в лингвистику дает возможность представить речевые факты с точки зрения меры, осмысляемой не только статистически, но и динамически.

Особая энергетика заключена в слове. П.А. Флоренский определяет слово как встречу двух энергий, ибо в слове совмещается сфера знаний о мире и сфера языковой семантики (1999).

Считаем целесообразным рассматривать энергетику как дополнительный компонент семантики и внешнего экспонента слова. «Энергетический заряд» чрезвычайно сложен по своему составу. В него входят коммуникативно-общественная социальная ценность, колоритность, доходчивость и связанные с ней массовость в употреблении, прозрачность образования структуры и внутренней формы; так называемая складность, остроумность, легкая усвояемость, звучность, сильная эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Практически каждый локализм имеет свою энергетику. При этом набор элементов энергетического заряда в каждом случае индивидуален и наиболее четко проявляется в контексте. Контекстное окружение позволяет реализовать силу воздействия слова, увеличить ее. Если следовать за МАС в определении лексико-семантических вариантов одного значения слова *энергия* и понимать его как «силу проявления интенсивности чего-либо» (МАС, т. 4, 761), то 30–40% локальных фразеологических единиц можно интерпретировать в этом качестве, поскольку в них отражается интенсивность проявления различных чувств, настроений говорящего: *Беда как хорош; Бог дал – бог взял; Будь ты (он, она) неладный; Губа толще, дак брюхо тоньше; Жили, из кулька в рогожку бились (плохо, тяжело жили); Ни у края, ни у берега; Пищит, да лезет.*

Энергетика обнаруживается в процессе взаимодействия энергии говорящего (энергии сформированной мысли) и энергии воспринимающего, слушающего (энергии интерпретации локализма); это общая работа всех участников коммуникации. Человек прибегает к употреблению локализмов на уровне силы воздействия. Условием выявления энергетики локализма служит переход лексической единицы, характерной для одного социума, в распоряжение другого социума. Появившись в поэтическом контексте, локализм становится фактом поэтического языка. Локализмы расцениваются поэтами в качестве поэтических ресурсов. Поэт обращается к локализму, обладающему не только номинативным значением, но и материально зримой образностью, колоритностью.

Материалом для углубленного изучения проблемы энергетизма послужили произведения пермских поэтов А. Гребнева, С. Караваева, А. Крашенинникова, А. Решетова, М. Смородинова, Н. Чернец, Б. Ширшова – всего 156 стихотворений и одна поэма. Объектом исследования явились лексические локализмы. Проанализирована 21 локальная единица, употребленная поэтами в своих произведениях. Приведем контекстное употребление локализма, сопоставив его значение со значением этой же единицы, указанной в ряде диалектных словарей.

ВАРНАК. *Акч.* – *плохой человек, способный на преступление; СПГ* – *жулик, мошенник.*

И вот варнак в грязной кепчонке,
Воспитанный околицей смельчак,
Как вороненок, падая на маки,
И вырывает с корнем первый мак.

А. Решетов. «Хозяйка маков»

ВІЦА. *Акч.* – *тонкая гибкая ветка; СПГ* – *гибкая ветка, как с листьями, так и без листьев.*

Взошла луна. Окраине не спится.
Мерцают звезды ясные в ночи.
Хрустит ивняк, выравнивая вицы,
И подо льдом колотятся ручьи.

Б. Михайлов. «Прекрасен мир»

ВАЛТУЗИТЬ. *Псковский словарь* – *наносить удары.*

Поклонюсь деревенскому дому
За его теплоту и привет...
Стылый ветер валтузит солому.
Тракт Сибирский! Конца ему нет.

М. Смородинов. «Прощание с детством»

ВЫДЮЖИТЬ. *Акч.* – *остаться невредимым в тяжелом испытании, выдержав его; Солик.* – *выдержать, вытерпеть; Даль* – *выстаивать, выдерживать.*

Когда над миром – мрачная погода,
Мы выдюжим, хотя и тяжело.

Долготерпенье нашего народа
Совсем не зря в пословицу вошло.

А. Смородинов. «Когда над миром...»

СДЮЖИТЬ. *Акч.* – не поддаваться, выдерживать; *СПГ* – выдерживать; *Даль* – выдерживать, выносить, терпеть.

Синь – голос озер, шум дубравы зеленой:

– Иван, ты за правое дело. Держись!

И сдюжил. Изранен, огнем опаленный,

Стоит он, на дедовский меч опершись.

М. Смородинов. «Продолжение сказки»

ДЁВКА. *Акч.* – дочь, *СПГ* – дочь.

На уме лишь песни да припевки.

А зачем они тебе нужны?

Пропоешь ты, видно, счастье, девка.

Певуны-то сроду горюны.

Петь – легко, а как-то жить придется. –

Мать вздыхала, глядячи на дочь.

Н. Чернец. «Дочь»

ЖАРЁХА. *Акч.* – кушанье из жареных грибов, картофеля; *СПГ* – кушанье, приготовленное жареньем.

– Вот, хозяйюшка, ладь жарёху! –

И хозяйке грибы отдаем,

А корзинка, хоть сделана плохо,

Пригодится в хозяйстве твоём.

Б. Ширшов. «Осень»

КАТАНКИ. *Акч.* – валенки, *СПГ* – валенки.

Послевоенная Россия,

Подмяв крутые сквозняки,

Латала катанки худые

И стоптанные башмаки.

М. Смородинов. «Мастерская»

КЙСЛЕНКА. *Акч.* – кислица, *СПГ* – щавель.

Пойдем со мной – какие разговоры!

У нас в такую пору каждый год

И кисленки, и луку лугового
На заливных лугах невпроворот!

А. Гребнев. «Прогулка с сыном»

КУРЖАК. *Акч.* – тонкий слой инея на различных предметах; *СПГ* – иней.

Ползком в снегу;
Бегом, бегом!
Мороз дыханье режет,
Ресницы слиплись куржаком,
И громок снега скрежет.

С. Караваев. «Было время»

ЛИТÓВКА. *Акч.* – коса; *СПГ* – коса с длинной ручкой.

Не ведая о смыслах и значеньях,
Как я живу
И для чего живу, –
Беру литовку я с лощеным чернеем
И за косцами захожу в траву.

А. Гребнев. «Дома»

ОСИЯН. *Солик.* – осиять, сверкнуть, блеснуть.

Мир солнцем осиян...
Во имя света, разума во имя
Нам жить и мирный космос обрести.

М. Смородинов. «Свет»

Изучение закономерностей употребления диалектных слов в языке художественной литературы, безусловно, актуально и связано с целым рядом проблем исследования поэтического языка. Прежде всего наличие локализмов в языке стихотворения означает преодоление правил, норм поэтического текста. Это обстоятельство, по Лотману, способствует созданию энергетического момента. Выступая в качестве иностилевых выражений, локальные единицы оказываются в оппозиции всему высказыванию. Так, М. Смородинов использует слово *осиян*, вызывающее ассоциации с архаическим словом, рядом с сугубо низким *шархнул*.

Формированию, утверждению и устойчивости локализмов содействует в ряде случаев отсутствие в кодифицированном языке однословных единиц, соотносенных с актуальными для поэта понятиями, которыми он оперирует в момент написания произведения. К примеру, обращение поэта Б. Михайлова к слову *вища* – «тонкая гибкая ветка без листьев». Для поэтической строки важно однословное обозначение явления, и в этом случае краткость можно расценивать как специфическое энергетическое качество. Ср. у А. Домнина: *печенка* – «запеченная морковка».

Локализмы в литературном произведении – тип стилизации художественного текста, рассчитанный на достижение эстетического, энергетического, эмоционального эффекта путем присвоения автором коллективного речевого опыта. Ср.:

Когда над миром мрачная погода,
Мы *выдюжим*, хоть нам и тяжело.
Долготерпенье нашего народа
Совсем не зря в пословицу вошло.

М. Смородинов. «Когда над миром...»

Поэт всегда ищет синонимы и часто находит их именно в локализмах. Использование локализмов усиливает звучание и создает сильный эмоциональный заряд.

Иван... держись! И – *сдюжил*. Изранен, огнем опаленный,
Стоит он...

М. Смородинов. «Продолжение сказки»

Стуже *напоперёк*
Алым горит огнем.

А. Крашенинников. «Был декабрь»

Массовое употребление некоторых локализмов (например, *грай*, *угор*, *векша*, *жарёха*, *катанки*, *кисленка*, *куржак*, *литовка*), характерных для региона, помогает поэтам пробудить в читателе чувство сопричастности, близости к природе, малой родине. Мы называем подобные слова этнографизмами. Об этом в 70-е годы писал И.А. Осовецкий: «Художественные функции такой лексики сочетаются с чисто познавательными, что придает повествованию характер этнографической достоверности. “Вещный” словарь, кото-

рый связан с деревенским бытом, знакомит читателя с неизвестной ему стороной жизни деревни. Вместе с тем этот словарь несет и художественные функции, создавая в произведении задуманный автором колорит» (1971, 350).

Какая силища в волне! *Дубасит*: в ней боксер проснулся.

М. Смородинов. «Ночной заплыв»

Один, *настырный*, как по графику ходил – не ухарь и не франт.

М. Смородинов. «Солдатская вдова Анюта»

8. Исследование локально окрашенной литературной речи в социолингвистическом аспекте дает возможность определить стратификацию речевой продукции в зависимости от таких социобиопсихологических страт, как место рождения, возраст, образование, специальность, род занятий, пол, темперамент. Для групп информантов, объединенных по какой-либо страте, были получены частоты результирующих лингвистических признаков: употребления фонетических локализмов при чтении текста; знания и употребления в речи диалектного слова (по данным интроспекции). Дисперсионный анализ силы влияния, примененный для статистической обработки результатов исследования, позволил выявить степень влияния разных страт на речевую продукцию и определить достоверность этого влияния.

Оказалось, что разные страты обуславливают частоту разных лингвистических признаков (см. табл. 1). В таблице представлены результаты моделирования воздействия некоторых социальных факторов на исследуемые лингвистические единицы по результатам ДА.

Фонетические особенности, исследованные Е.В. Ерофеевой (1997), только в редких случаях подвергаются неслучайному влиянию сразу нескольких факторов, чаще только один из них оказывает существенное влияние. Так, для оканья, недостаточной редукции гласных и утраты смычки у аффрикаты /с/ таким фактором является «специальность», для чрезмерной редукции – «гендер», для недостаточной мягкости /щ'/ – «психологическая направленность», для времени чтения текста – «курс». Недостаточная мягкость /г'/

подвержена прежде всего существенному влиянию «психологической направленности», а также влиянию «гендера». Особенность речи, на которую оказывает неслучайное воздействие самое большое количество факторов, – это количество синтагм. Оно зависит в первую очередь от специальности, во вторую – от гендера, в третью – от места рождения информантов. Еканье и количество фраз вообще не подвержены неслучайному варьированию.

На лексическом уровне наблюдается совершенно иная картина. Ведущими стратами, обуславливающими владение лексическим локализмом в речи, оказываются страты «место рождения», «возраст», «образование» и «специальность». При этом если знание диалектного слова определяется в первую очередь возрастом информанта, то его использование в речи – местом рождения и только после этого – возрастом.

Как видим, разные факторы в разной мере значимы для детерминации речи. Наиболее «влиятельным» оказался фактор «специальность», который существенно влияет на все исследованные параметры единиц лексического уровня, а также на проявление значительного числа фонетических особенностей. При этом ранг этого фактора, за исключением локализмов, наивысший.

Таким образом, статистические модели для единиц лексического и фонетического уровней показывают, что существуют как общие закономерности, так и специфические особенности влияния факторов на единицы разных уровней. К общим можно отнести заметное влияние социальных факторов, связанных с профессиональными знаниями и навыками (специальность), как на лексическом, так и на фонетическом уровне. Специфика уровней проявляется в том, что фактор территории (место рождения), традиционно признаваемый одним из наиболее важных для проявления диалектных особенностей в речи, оказывается значимым только на лексическом уровне; сегментные же единицы фонетического уровня остаются безразличны к этому фактору.

В пермском центре по изучению речи города речевая продукция горожанина рассматривается в стратификационном плане с учетом комплекса социобиопсихологических

факторов, а также их взаимодействия и иерархии. Моделирование социолекта позволяет анализировать закономерности речевого поведения.

Исследование регулярных корреляций между языком и экстралингвистической реальностью является сегодня актуальным в лингвистике, ибо социальная природа языка логически следует из тезиса о социальности самого человека. Однако социальная маркированность стратификации языка не проявляется в изоморфизме социальной структуры общества и функционального членения языка или в их «взаимной детерминации». Реальные соотношения значительно сложнее, хотя социальные факторы преобладают в этом взаимодействии.

«Общий для всех язык – это норма, даже скорее – идеал, т.е. всегда отвлеченность, схема, за которой скрывается и личная речь человека, и социальная значимость определенных особенностей языка» (Колесов, 1991, 4). Рассмотрение природы локализма в пределах взаимодействия устной речи города и деревни весьма перспективно и для других городов, находящихся в диалектном окружении. Учет фактов социального предпочтения тех или иных речевых форм позволит более полно исследовать языковой быт города и оценить вклад каждой социальной группы в развитие современного языка.

Тема 9

Профессиональная единица как компонент лексики городского социолекта

Вопрос о взаимодействии языка и такого социального фактора, как профессиональное членение общества, не нов в лингвистике. Рассмотрение речи профессиональных коллективов велось в 20–30-е годы (Ларин, 1928; Петерсон, 1927; Поливанов, 1931 и др.). Продолжается оно и сейчас как на фоне изучения общих вопросов социальной лингвистики (Бондалетов, 1987; Никольский, 1976; Шмелев, 1977), так и в

посвященных этому аспекту исследованиях (Лихачев, 1964; Скворцов, 1972; Полякова, 1988; Загоруйко, 1999 и др.).

Проблема профессиональной плоскости языка становится все более актуальной в настоящий период. Связано это прежде всего с расширением влияния технического прогресса на все сферы человеческого общества, а следовательно, с выработкой огромного количества научных и общекультурных понятий и закреплением их в рамках национального языка.

Профессиональная речь трактуется по-разному. В некоторых исследованиях под профессиональной речью понимается подъязык с сильно развитой терминологией (Л.И. Скворцов). В других работах результатом взаимодействия языка с таким социальным фактором, как профессиональное членение общества, считается профессиональная лексика, составляющая лексическую систему (В.Д. Бондалетов, И.М. Полякова). Наконец, достаточно широко распространено понимание природы профессиональной коммуникации как речи данной социальной группы, объединенной общей специальностью (ЛЭС).

Рассмотрение языка в качестве реального факта социальной жизни предполагает введение при изучении обиходно-разговорной речи конструкта *социолект*, понимаемого как совокупность речевых средств определенной группы, детерминированных рядом факторов-страт. Страта – это признак, по которому проводится стратификация (расслоение). Если воспринимать термин «страта» в таком качестве, то страты-факторы будут выступать составляющими, формирующими социолект, так как страта есть основополагающий признак определенной группы людей, который может иметь и социальную, и биологическую, и психологическую природу (пол, возраст, образование, место рождения, темперамент и т.д.). Таким образом, социолект – это речь среднего индивида, представляющего свою социальную группу, культуру, иными словами, социолект – инвариантный признак социально мар-

кированных подсистем языка. Следовательно, понятие «социолект» обозначает коллективный или групповой язык. В термине «социолект» социальное понимается в условно-расширительном значении. Строго говоря, феномен речевой общности того или иного коллектива следует обозначить как «биопсихосоциолект», но для удобства и краткости лучше использовать термин «социолект».

Данная тема пособия раскрывается на материале хрестоматии «Городские социолекты: пермская городская речь» (Ерофеева Е., Ерофеева Т., Грачева, 2002), в которой представлены тексты спонтанной монологической речи жителей Перми. Выборка информантов (24 человека) сформирована исходя из следующих социальных характеристик: пол, возраст, образование, место рождения. Информантам предлагалось рассказать о работе, что «провоцировало» их на употребление специальных терминов и профессионализмов.

Особенность спонтанного монолога состоит в том, что он занимает промежуточное положение между чтением и диалогом с точки зрения непринужденной речи и, следовательно, наличия в ней нелитературных черт (Ерофеева Е., 1997). В спонтанном бытовом монологе говорящий ориентируется на слушающего, но не получает от него скольконибудь развернутой вербальной реакции, что также находит отражение в специфике монологической речи: в диалоге говорящие склонны «подстраиваться» под речь собеседника, при монологе вербальной «подстройки» не происходит. Таким образом, монолог дает возможность выявить, с одной стороны, особенности, характерные для спонтанной речи, а с другой – черты, присущие именно данному информанту, а не те, которые появляются у него в речи под влиянием собеседника. С этой точки зрения, монолог – наиболее адекватная форма речи, на материале которой можно изучать городскую речь, в данном случае профессиональную.

Анализ материала позволяет определить, что доминирующим компонентом городского социолекта в терминологии

гической сфере является профессионализм – 0,64% от всего количества слов. Термины же составляют 0,29%.

Рассмотрение профессионализмов по страте «возраст» (испытуемые объединены в три группы: 25–34 года – ранняя зрелость; 35–44 – средняя зрелость; 45–54 – поздняя зрелость) показало, что информанты в 35–44 года употребляют в речи 0,32% профессионализмов от общего количества слов, т.е. больше, чем в других возрастных группах: 0,12% – в группе 25–34 года; 0,21% – в группе 45–54. Результат не случаен, поскольку информанты 35–44 лет составляют активный слой общества, вовлеченный в профессиональную деятельность; они не просто употребляют в речи профессионализмы, а сами создают их.

Термины также используются в речи информантов. В группе 25–34 лет они составляют 0,14%, в группе 35–44 – 0,1%, в группе 45–54 – 0,07%. Как видим, с возрастом употребление термина ограничивается, поскольку бытовая сфера занимает в речи человека старшего возраста главное место.

Рассмотрим влияние страты «пол» на употребление профессиональной лексики. Мужчины используют в речи 0,23% профессионализмов, а женщины почти в 2 раза больше – 0,43%. Предполагается, что это связано (правда, не напрямую детерминировано) с особенностями мышления, характеризующими мужчин и женщин: мужчины в большей степени тяготеют к нормированности, стандартности.

В употреблении терминов различие результатов большое (у мужчин – 0,18% терминологических единиц от общего количества слов, у женщин – 0,14%), тем не менее наши данные подтверждают выводы других исследователей о приоритетном использовании терминов (а в некоторых случаях – о лучшем знании терминологической лексики) мужчинами.

Страта «место рождения» имеет две градации: коренные жители Перми и информанты, выросшие в крае. Поскольку Пермь – крупный промышленный центр, то вполне

естественно, что информанты этой группы знают и профессионализмы (0,38%), и термины (0,23%) в большей мере, чем сельские жители (соответственно 0,29 и 0,07% терминов от общего количества слов).

Эти данные можно интерпретировать так: 1) фактор экономической жизни напрямую повлиял на лингвистический материал; 2) сферой бытования профессионализмов является некодифицированная живая речь, способствующая их образованию и функционированию.

Страта «образование» представлена в эксперименте двумя градациями: высшее и среднее. Информанты со средним образованием употребляют в речи больше профессионализмов, чем имеющие высшее образование (0,38 и 0,27%). Это связано с тем, что важным элементом в речи информантов с высшим образованием являются термины, которые составляют 0,24% от общего числа слов. Сопоставление результатов использования в речи терминов и профессионализмов позволяет заключить, что уровень образования оказывается важным фактором появления в речи профессионализмов: их на 0,11% больше в речи информантов со средним образованием.

Кто же является в социолекте основным пользователем профессионализма? Оказывается, это женщина 35–44 лет, коренная жительница Перми, имеющая среднее образование. Основной же знаток термина – мужчина 25–34 лет, коренной житель Перми, имеющий высшее образование.

Представляется перспективным рассмотрение как функционирования этих единиц, так и структуры их образования. Думается, что применение дисперсионного анализа силы влияния позволит уточнить некоторые социопсихолингвистические зависимости использования термина / профессионализма в речи информантов, определить силу влияния каждой из исследуемых страт и построить сводную модель социолекта.

Тема 10

Устаревшее слово в речевом узусе современного города

Тремя основными факторами определяется судьба языка: культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил.

Б.А. Ларин

К числу источников пополнения и обогащения лексики литературного языка относится, например, устаревшая лексика, представленная в языке двумя основными категориями: историзмами и архаизмами; лексика, обладающая способностью возвращаться в активный словарный запас носителей литературного языка. В работе термин **архаизм** используется в родовом его значении. С помощью сопоставительного анализа архаической лексики в первом (1946) и девятом (1972) изданиях «Словаря русского языка» С.И. Ожегова показан процесс актуализации архаизмов и пути их возвращения в активное употребление. В конечном счете актуализация архаических единиц оказывается обусловленной задачами общения, своеобразным социальным заказом.

В первом издании этого словаря с пометой *устаревшее* отмечено 800 лексических единиц. В девятом издании 26,6% этих слов показаны как функционирующие в современном литературном языке. К примеру: **благодарственный** *высок.* устар. Торжественно выражающий благодарность. *Благодарственное письмо*; **вятель** устар. *высок.* Скульптор; **возмутитель** *книжн.* Тот, кто нарушает что-нибудь (покой, тишину, порядок); **горнило** *высок.* То, что является средоточием испытаний, переживаний; **извинительный** *книжн.* Просящий извинение. *Извинительный тон.*

Исследование показало, что обновление архаической лексики идет различными путями. Из 26,6% архаизмов 11%

слов возвращаются в речевой обиход через письменную книжную речь. В девятом издании Словаря они имеют помету либо *книжное*, либо *высокое*. Например: **дерзновенный** *высок*. Вызывающе смелый, отважный; **знаменоват** *книжн.* Означать, свидетельствовать о чем-нибудь. *Событие, знаменующее успех*; **народовластие** *высок*. Власть народа, демократия; **назидание** *книжн.* Наставление, поучение. *В назидание потомкам*.

Архаические единицы, приводимые в девятом издании Словаря с пометой *разговорное* либо – реже – *просторечное*, можно рассматривать в качестве единиц, имеющих сегодня активное использование в устной речи. Ср.: **завиральный** *разг.* Ложный, вздорный. *Завиральные идеи*; **облыжный** *прост.* Заведомо ложный, обманный. *Облыжные речи*. Таких единиц – 5,8%.

Наконец, слова и лексико-семантические варианты, данные в девятом издании без помет – их 10%, условно относятся к активным в речи единицам, которые стали таковыми благодаря как письменной, так и устной речи. К примеру: **нарядить**. Распорядиться о выполнении чего-нибудь, поручить что-нибудь сделать; **наставник**. Учитель, руководитель, воспитатель.

На основании материалов словарей можно определить, что актуализация архаизма связана, во-первых, с процессом номинации и, во-вторых, с постоянной необходимостью обновления стилистических средств литературного языка. Так, в массиве архаизмов в прошлом, функционирующих сейчас как разговорные, 42% единиц сопровождаются в девятом издании Словаря Ожегова пометами коннотативного характера. Ср.: **сподобиться** *разг. шутл.* Оказаться в каком-нибудь положении, удостоившись чего-нибудь; **солдафон** *разг. пренебр.* Грубый некультурный человек из военных. Не имеют этих помет 58% единиц, и, следовательно, необходимо дать их номинацию. Ср.: **неровня** *разг.* Человек, который резко отличается от другого в умственном, нравственном или социальном отношении; **немилость** *б/н* (без помет). Нерасположение сильного лица к тому, кто от него зависит.

В массиве архаизмов в прошлом, функционирующих сейчас как общелитературные, 45% единиц в девятом изда-

нии указанного словаря сопровождается коннотативными пометами Например: **сородич** *ирон.* Родственник; **благодетель** *ирон.* Человек, который оказывает кому-нибудь покровительство из милости; **восседать** *ирон.* Важно, торжественно сидеть. Без коннотативных помет поданы 55% слов. Ср.: **погонный**. Измеряемый в длину. *Погонный метр*; **привратник**. Сторож у входа, у ворот. Их обновление связано с нуждами номинации.

В абсолютном большинстве случаев возвращение бывшего архаизма в активный словарный запас сопровождается изменением его семантики в пределах предметно-понятийного ядра. Ср.:

1-е издание	9-е издание
<i>Допотопный</i>	
Вымерший, ископаемый	Устаревший, старомодный, отсталый
<i>Охранитель</i>	
Тот, кто охраняет что-нибудь, сторонник старины, консерватор	Тот, кто охраняет что-нибудь. Охранитель нравственности

Отмеченные особенности обновления архаической лексики по словарным данным достаточно четко проявились в ходе анкетирования и записей речи.

Список из 37 слов с пометой, указывающей на историческую перспективу, предъявлялся 76 информантам-пермякам и 32 информантам – жителям Кунгура (районного центра Пермского края) и Кунгурского района. Эти слова были произвольно выбраны из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (1989 г.) для рассмотрения их значения и употребления в речевой деятельности опрашиваемых. В результате анализа исследуемая лексика предстала разномаркированной по отношению к ее использованию в речи информантов. Среди исследуемых архаизмов выделилась группа слов (примерно пятая часть), привычно употребляющихся при общении на основе знания их устаревшего значения. Например: *И стояли барышни у обочин; У этой барышни хороший вкус; Благими намерениями вымощена дорога в ад; Благой порыв, благая цель; Ведать не ведаю; Правая рука не ведает, что творит левая; Тайный вздыхатель; Тоже мне, нашелся вздыхатель!;*

Глас вопиющего в пустыне; Глас божий; Это глас судьбы; Смири гордыню; Поступись хоть раз своей гордыней; Вы настоящий обольститель; Это тонкий обольститель!

Как видим, говорящие охотно прибегают в речи к архаическим единицам, степень использования которых, правда, различна. Так, по данным изучения устаревшего слова в речи жителей Кунгура, архаизмы *родич*, *нахлебник* отмечены в 31% ответов; *ведать*, *благой*, *казна* – в 28; *дивный* – в 28; *молвить* – в 19; *гордыня*, *достопочтенный*, *пассия* – в 16; *милостивый*, *барышник*, *почивать* – в 12; *обольститель* – в 9; *вдыхатель* – в 6; *глас*, *барышня*, *пастырь*, *неприятель* – в 3.

Чаще и устойчивее употребление таких устаревших слов, которые фразеологически связаны. К примеру: *глас божий*, *читать нотацию*, *благие намерения*, *милостивый государь*, *диво-дивное* и т.д.

В речевой практике индивидов архаизмы могут «обновляться», подвергаясь модификации в плане семантики и коннотации. Записи речи и материалы анкетирования фиксируют различные случаи, когда слово устойчиво используется в речи в своем «разговорном» значении. К примеру, словарное значение слова *адмиралтейство* – «место постройки, вооружения и ремонта кораблей». В устной речи как пермяков, так и кунгуряков это прежде всего «здание в Санкт-Петербурге». Архаизм *казна* имеет словарное значение «государственные деньги, имущество», в устной же речи – 1) деньги, 2) карточное понятие. В некоторых случаях информанты указывают только диалектное значение, которое для них привычнее, чем устаревшее: *пестун* – медведь (словарное значение: человек, который пестует, воспитывает кого-нибудь); *пирожник* – скалка (словарное значение: пекарь, пекущий пироги); *радеть* – радоваться (словарное значение: оказывать содействие, заботиться о ком-нибудь).

Следовательно, архаизмы функционируют в речи а) только в значении, свойственном этим единицам как архаическое; б) только в новом значении, отмеченном в устной разговорной речи, т.е. как неологизмы; в) в значении как архаизма, так и неологизма. Многие устаревшие слова, например *барышня*, *милостивый*, *достопочтенный* и т.п., употреб-

ляются в речи с определенной стилистической заданностью, чаще с иронией. Например, на уроке: *Соизвольте ответить, достопочтенный*. Наряду с выражениями высокого стиля, такими как *молвить слово, усмирить гордыню, наперсники престола*, в речевом репертуаре информантов встречаются и стилистически сниженные сочетания типа *гордыня выпирает, переломил свою гордыню, она какая-то благая, это чей-то вздыхатель, вот твоя пассия идет, первостатейный дурак*.

Основной сферой бытования архаизмов является литература. Но если архаизмы используются как единицы разговорной речи, то наблюдаются такие тенденции в изменении значения слова, как расширение или сужение понятия, перенос значения и появление экспрессивной окрасченности. См., например:

Процесс	Слово	Значение	
		по Словарю Ожегова	в РР
Расширение понятия	<i>Амазонка</i>	1. Всадница 2. Женское платье для верховой езды	Красивая женщина
Перенос значения	<i>Почивать</i>	То же, что спать	Успокоиться, жить прежними заслугами
Экспрессивная окрасченность	<i>Нахлебник</i>	Человек, который получает за плату питание (иногда и помещение) в чужой семье	Лодырь, бездельник, дармоед

Как видим, в ходе обновления архаической лексики на уровне причин и движущих сил процесса отчетливо вырисовывается связь структурно-языковых факторов с социальными, поскольку устаревшее слово является неотъемлемым компонентом языковой картины мира горожан. Его использование в речи во многом зависит от социобиопсихологических характеристик говорящих. Поэтому на следующем этапе работы архаические единицы исследовались в рамках стратификационного моделирования, включающего построение частной социокультурной модели речевого поведения. В ее основе – проявление знания архаизма и употребления его в речи, детерминированное рядом социальных страт. Данная структура изучаемого объекта укладывается в схему извест-

ной статистической процедуры – дисперсионного анализа силы влияний, или так называемого факторного дисперсионного анализа (ДА) (см. Тему 3).

При рассмотрении архаизма учитывались возраст испытуемых, место рождения, специальность, пол и образование. Возраст информантов представлен четырьмя группами: 20–29, 30–39, 40–49, 50 и более лет. Страта «место рождения» имеет три градации: областной центр (Пермь), районные центры (города Березники, Кунгур, Кизел и др.), села и деревни. Специальность предполагает две градации: гуманитарную и негуманитарную. Страта «образование» выступает в двух градациях: среднее (включая первые три курса вуза) и высшее (включая студентов 5-го курса). Пол, естественно, имеет две градации.

В стратификационном исследовании лексическая единица рассматривается с точки зрения знания и употребления. Параметр «употребление» указывает на активное использование изучаемой единицы в речи. Параметр «знание» предусматривает и пассивное, и активное владение архаизмом.

ДА показал, что три из пяти страт существенно влияют на знание архаизмов. По рангам (ранжирование проводилось по показателю η^2_x ; при этом ранг 1 приписывался страте с наибольшим весом) страты расположились следующим образом: на первом месте по значимости оказывается страта «специальность», на втором – «образование», на третьем – «место рождения». Что касается возраста и пола информантов, то эти страты не влияют на знание архаического слова. При этом вес страты «пол» практически равен «0». Это означает, что мужчины и женщины в равной мере знакомы с архаическим словом.

Результаты ДА, примененного к параметру «употребление» архаического слова, позволяют определить три существенные страты, среди которых на первом месте снова оказывается страта «специальность». Второй по значимости является страта «место рождения», которая также входила в число значимых факторов для параметра «знание». На третьем месте – страта «пол», на четвертом – возраст информантов. Хотя эта страта не вошла в число существенных факто-

ров, ее также следует иметь в виду, так как $F_{факт}=2,45$, а $F_{крит}=2,6$, т.е. при снижении уровня значимости этот фактор мог быть признан существенным. На последнем, пятом, месте оказалась страта «образование», что также не совпадает с данными для параметра «знание», где эта страта была на втором месте.

Итак, социокультурная модель владения архаическим словом, построенная с помощью ДА, представлена иерархией страт в параметрах «знание» и «употребление» (табл. 8).

Таблица 8

Модель владения архаическим словом

Страта	Знание	Употребление
Специальность	1	1
Место рождения	3	2
Образование	2	(5)
Возраст	(4)	(4)
Пол	(5)	3

Примечание. В скобки заключены несущественные страты.

Данную модель можно считать составляющей социолингвистического механизма владения устаревшим словом.

Судя по результатам стратификационного описания архаизма, знание этой лексической единицы в среднем в 1,7 раза больше, чем употребление. На владение архаизмом оказывают влияние такие социальные страты-факторы, как пол, возраст, место рождения и специальность информантов. В большинстве случаев мужчины лучше, чем женщины, знают и употребляют устаревшие слова. Возрастные особенности информантов способны воздействовать на функционирование архаизмов в речи, определяя употребление их в конкретной сфере общения. Информанты, родившиеся в Перми, лучше знают и чаще употребляют архаическую лексику, чем жители районных центров или сел. Техническая или гуманитарная специальность оказывает определенное влияние на способ толкования архаизмов и накладывает печать на понимание слов и их использование в речи. Люди с высшим образованием знают архаизмы лучше, но употребляют их реже, чем лица со средним образованием. Возможно, это связано с

тем, что люди с высшим образованием лучше осознают специфику архаической единицы и ее стилистическую привязанность к письменной речи и поэтому реже употребляют их в устной речи.

Полученные результаты свидетельствуют о значительной роли устаревшей лексики в речевом обиходе и дают возможность оценить вклад этой лексики в социокультурный компонент языковой картины мира горожан.

Тема 11

Историческая зарисовка молодежного жаргона 1970–1980-х годов

В данной работе жаргон рассматривается как определенная речевая сфера, выделяемая на основе ряда экстралингвистических факторов, а именно социальных характеристик говорящих, и как особая разновидность речи.

Материалом для исследования послужили записи естественной речи молодежи Перми и Пермского края в 1978–1979 годах. Запись ее велась в обычной, неофициальной обстановке (на улице, в транспорте, в общежитии, дома, в перерывах между лекциями, на вечерах и т.д.). Параллельно составлялись картотека и словарь жаргонизмов. Картотека состояла из 1210 карточек, 78 из которых содержат тексты художественной литературы.

Для изучения использования жаргонизированной лексики в художественной литературе были просмотрены тексты рассказов, повестей и романов, опубликованных в журнале «Юность» за 1977 год. Анализу было подвергнуто 14 произведений. По ходу работы проводилось анкетирование и магнитофонная запись устной речи молодежи.

Жаргонизированная речь так же, как и разговорная речь в целом, предполагает непосредственный контакт, «погруженность» участников в ситуацию, стимулирующую речь и отражающуюся в речи: непринужденность общения, т.е.

отсутствие каких-либо социально-психологических преград между собеседниками и отсутствие возможности обдумывания высказывания, т.е. спонтанность речи. При этом жаргонизированная речь складывается и существует в силу установки на фамильярно-сниженный стиль речи при социально-речевой общности группы относительно одного возраста и повседневном бытовом общении говорящих, а, как считает М.Н. Кожина, «специфические задачи общения в каждой сфере деятельности порождают свои принципы отбора и сочетания языковых средств и свои закономерности их функционирования, что и создает своеобразную речевую организацию в той или иной области общения, той или иной разновидности языка» (1966, 13).

Главной функцией языка, бесспорно, признается коммуникативная, а второй по значимости обычно называют экспрессивную. В молодежном же жаргоне значимость этих функций одинакова, однако при этом они обладают известной самостоятельностью.

Жаргонизированная речь характерна для молодого поколения. Это дает возможность ставить вопрос о современном молодежном жаргоне как одном из социально-речевых стилей нашего времени, специфика которого заключается в его лексическом составе.

Некоторые особенности жаргонизированной лексики

Жаргонизированная лексика находится в тесной связи с общепотребительной, чаще с обиходно-разговорной. Словарь ее обширен и многообразен. В жаргонизированной речи, как и в литературной, могут употребляться все части речи, но особо выделяются жаргонно окрашенные существительное, прилагательное, глагол и наречие.

Наиболее широко здесь представлено имя существительное (30%). Большую часть этой группы составляют отвлеченные существительные – слова, которые нельзя прямо соотнести с каким-либо конкретным предметом. Это абстрактные понятия, слова, обозначающие то или иное явление, психическое или физическое состояние человека. Найти им синонимы в литературном языке бывает очень трудно, порой невозможно. Например: *хохма* – смешная история, случай; *кайф* – бла-

женство; *балдеж* – состояние радости, восторг, наслаждение; *лажа* – что-либо отрицательное, не стоящее внимания; *попс* – что-либо положительное, вызывающее одобрение.

Жаргонизированное существительное в понятной собеседнику форме не только называет то или иное явление, предмет, но и передает свое представление о нем. Поэтому это чаще всего образ. Например: *завитушки* – замысловатые, витиевато построенные фразы; *барометр* – нос; *амфибия* – человек, для которого не существует преград; *калоша* – речной трамвайчик.

Значительна и группа глаголов (26%). Одним из важнейших свойств жаргонизированного глагола является его способность рассказывать, давать яркий образ совершаемого процесса, действия, о котором идет речь: *пылить* – говорить впустую; *нудить* – делать пакости; *наёживаться* – быть обиженным, рассерженным; *рассиропиться* – быть вялым, уставшим. Характер действия ярче проявляется в безличном предложении: *Мне миражится* (видятся галлюцинации). Жаргонизированный глагол в силу своей выразительности, необычности имеет большую силу воздействия и потому широко употребляется в речи молодежи.

Особую группу в жаргонизированной лексике составляют прилагательные (17%). Прилагательных в жаргонизированной лексике по сравнению с существительными и глаголами меньше. Это обусловлено влиянием экстралингвистических факторов, свойственных разговорной речи в целом: ситуативной закрепленности и тенденции к экономии речевых усилий. «Большое число имен существительных в разговорной речи обуславливает меньшее количество в нем прилагательных-атрибутов, а с другой стороны, большее количество прилагательных-предикатов. И это закономерно, так как “разговорный” характер полные прилагательные приобретают лишь тогда, когда выступают в роли сказуемого» (Столярова, 1975, 56). Называя какой-то признак предмета, говорящий оформляет отношение признака в виде отдельного высказывания или самостоятельной части сложного высказывания:

– *Ничего, что я на «ты»?*

– *Ничего. Со мной по-другому не получается. Я карманная.*

– *Что?*

– *Ну, маленького роста я, так все со мной как с маленькой.*

Благодаря этому в прилагательном, называющем признак предмета, данный признак соотносится с предметом предикативно, а не атрибутивно. Краткие прилагательные в жаргонизированной лексике отсутствуют. Это, видимо, определяется тем, что краткая форма – признак книжности.

Специфика семантики прилагательных в жаргонизированной речи заключается в том, что они не просто называют признак предмета, а субъективно оценивают его. Прилагательные в большей степени информируют собеседника об отношении говорящего к предмету, чем несут информацию о признаках предмета: *Змееватый суп* – очень острый на вкус (отрицательная оценка); *Мимозистая она какая-то* – слишком изнеженная (отрицательная оценка); *Я уже давно раскрыла ему всю сущность своей порочной натуры. Но что поделаешь, если он такой лебедИИИИый* – верный, наивный, неземной (положительная оценка); *Нельзя же быть таким. Ты слишком стал растянутый* – откровенный (отрицательная оценка).

Поскольку предметам, явлениям может быть дана примерно одинаковая оценка, одно прилагательное может сочетаться с широким кругом существительных, демонстрируя при этом размытость семантики. Например, такие прилагательные, как *балдежный* – очень веселый, *ассортированный* – содержательный, интересный, увлекательный и т.д., могут выступать определениями к существительным *парень, борщ, фильм, вечер, танец, концерт, человек, книга, наряд*.

Велика доля в жаргонизированной лексике и наречий (4%). Почти вся группа слов-оценок представлена как раз этой частью речи: слова, выполняющие оценочную функцию, выражают два вида оценки: положительную и отрицательную.

Положительная оценка	Отрицательная оценка
кучеряво	нечитабельно
балдежно	прокисленько
хипово	маразматично
ажурно	лажово

Являясь экспрессивными эквивалентами литературных слов, жаргонизмы пополняют синонимические ряды соответствующих частей речи, раскрывая потенциальные возможности языка.

Об экспрессии жаргона

Некоторые ученые считают, что экспрессивная сторона жаргонов, несмотря на видимую ее развитость, качественно бедна, неглубока и чрезвычайно однообразна. Жаргонная лексика не знает оттенков.

Мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые считают, что развитость эмоционально-экспрессивной стороны жаргона очевидна. Наш вывод основывается на опытном изучении параметров экспрессии жаргонной лексики. При этом экспрессия понимается как субъективно переживаемая оценочная, коннотативная характеристика значения слова (Леонтьев А.А., 1971; Стернин, 1979; Залевская, 1982).

В качестве метода нашего исследования был избран направленный ассоциативный эксперимент в сочетании с адаптированной методикой субъективного шкалирования (Osgood et al., 1957; Осгуд и др., 1972), т.е. использовался облегченный вариант методики Осгуда.

Испытуемым предъявлялся лист с исходными словами и двумя шкалами. Первая шкала состояла из семи пар антонимичных наречий, выражающих различные чувства и эмоции говорящих и выделенных с учетом опыта изучения экспрессии, имеющегося в отечественной лингвистике (Клименко, 1975 и др.). Кроме того, на листе помещалась семибалльная цифровая шкала (-3 -2 -1 0 +1 +2 +3), по которой информанты должны были оценить экспрессию жаргонной лексики. Если, по мнению испытуемого, исходное слово не обладало экспрессивностью, было стилистически нейтральным, то он ранжировал данное слово-стимул через «0». Если слово обладало положительной экспрессией, то определялась степень ее интенсивности со знаком «+», если же отрицательной, то определялась степень со знаком «-». Шкалы имели следующий вид:

радостно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	грустно
ласково	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	грубо
непренебрежительно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	пренебрежительно
невозмутительно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	возмутительно
одобрительно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	неодобрительно
положительно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	отрицательно
удивительно	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3	неудивительно

Жаргонизмы, включенные в списки исходных слов, были отобраны из записей речевых отрезков, зафиксированных в различных вузах города и отмеченных в Словаре студенческого жаргона (1985).

Проведено три эксперимента.

Первый эксперимент. Исследовалось изолированное, вне контекста, жаргонное слово. В эксперименте принимали участие 40 студентов-филологов второго курса. Слова-стимулы были представлены следующими грамматическими классами – существительными: *мафон, общага, предки, препод, студик*; прилагательными: *дерibasный, зеленый, растыкной, стильный, шкодный*; глаголами: *вырубить, задвинуть, накальывать, прогнутьcя, сачковать*; наречиями: *глухо, классно, нехило, по-черному, резко*; устойчивыми словосочетаниями: *булдыган в спину, дать джазу, задавить харю, просечь фишку*. Поскольку в эксперименте главное внимание было направлено не на оценку каждого отдельного жаргонизма, а на восприятие информантами жаргонных слов в целом, мы определили наряду с количеством ненулевых реакций по параметрам общую сумму реакций для каждой из семи шкал.

Больше всего ненулевых реакций (405) получено на семантически противоположную пару «удивительно – неудивительно». Она была введена в эксперимент для выяснения степени знакомства испытуемых со словами-стимулами. Анализ реакций на эту пару показывает, что 20 слов из 24 «на слуху» у информантов-студентов (1985 г.). Исключение составили слово-стимул *мафон* и 3 устойчивых словосочетания. Число реакций «удивительно» на эти исходные слова такое: *мафон* – 14; *булдыган в спину* – 14; *дать джазу* – 17; *просечь фишку* – 22. Это объясняется тем, что данные слова-

стимулы имеют узкую сферу употребления – в основном в речи студентов политехнического института.

На втором месте по актуальности в эксперименте стоит пара «ласково – грубо» (154 реакции). Она интересна весьма неравномерным распределением ассоциатов по полюсам: ласково – 35 реакций, грубо – 119. Следовательно, значительная часть изучаемой жаргонной лексики воспринимается говорящим как грубая. К такому же выводу пришли исследователи речи американских подростков: по их мнению, «предпочтение отдается отрицательно-оценочной лексике» (Колодкина, Мошанова, 1983, 60).

Почти одинаковое число ассоциатов дали пары «одобрительно – неодобрительно» (136 реакций) и «положительно – отрицательно» (137). Это обусловлено тем, что в процессе ранжирования исходных слов испытуемые не дифференцируют названные пары. Кроме того, параметры «одобрительно» (71) и «положительно» (81) в обоих случаях количественно превосходят характеристики «неодобрительно» (65) и «отрицательно» (56).

Следующая по числу полученных ассоциатов – антонимичная пара «пренебрежительно – непренебрежительно» (91). Реакции по параметрам распределены так: пренебрежительно – 85, непренебрежительно – 6. Такое соотношение экспрессивных характеристик дает возможность предположить, что довольно значительному проценту жаргонной лексики вообще присущ оттенок пренебрежительности.

Пары «радованно – грустно» (59) и «возмутительно – невозмутительно» (35) оказались наименее актуальными. Соотношение реакций по параметрам следующее: радостно – 43, грустно – 16; возмутительно – 16, невозмутительно – 19. Анализ пары «возмутительно – невозмутительно» позволил выявить интересную закономерность: несмотря на то что испытуемые отмечают грубость жаргонной лексики, она не воспринимается ими как возмутительная.

Дальнейшее исследование показывает, что слова-стимулы с четко выраженной семантикой, наиболее часто употребляемые в речи, вызывают минимальное число разнотипных реакций. Такие исходные слова есть в каждом граммати-

ческом классе, представленном в эксперименте: *препод, студик; зеленый, шkodный; задвинуть, вырубить; классно, по черному*. Значительным количеством однотипных реакций в процессе восприятия характеризуются и четыре устойчивых словосочетания. Это объясняется тем, что почти половине испытуемых данные словосочетания не были знакомы, но в силу их ярко выраженной экспрессивности они воспринимались участниками эксперимента довольно однозначно – как грубые. Наряду с исходными словами, давшими максимальное число однотипных ассоциатов, в ходе первого эксперимента выявлены слова-стимулы, характеризующиеся широким вариационным размахом реакций по параметрам. К числу их относятся лексемы *мафон, предки, дерibasный, растыкной, стильный, накальывать, нехило*.

Сопоставим значимость параметров каждой шкалы.

Для этого используем критерий $x^2 = \frac{(a-b)^2}{a+b}$, где a и b – численные значения параметров. Определим этот критерий для каждой шкалы (табл. 9). Будем считать, что если x^2 эмпирическое превышает x^2 теоретическое ($x_{05}^2 - 3,84$), то на данной шкале параметр, имеющий больший численный показатель, характерен для экспрессивного поля жаргонной лексики.

Таблица 9

Оценка жаргонизмов по семантически противоположным парам

Семантически противоположные пары	Количество реакций по параметрам	x^2
Радостно – грустно	43–16	12,4
Ласково – грубо	35–119	174,6
Непренебрежительно – пренебрежительно	6–85	66,0
Одобрительно – неодобрительно	71–65	0,3
Удивительно – неудивительно	119–286	68,9
Невозмутительно – возмутительно	19–16	0,3
Положительно – отрицательно	81–56	4,6

Выяснилось, что из рассмотренных экспрессивных параметров, формирующих ассоциативное значение жаргонного слова, пять являются статистически значимыми. По степе-

ни значимости они располагаются следующим образом: *грубо, неудивительно, пренебрежительно, радостно, положительно*.

В этом же эксперименте была предпринята попытка исследовать интенсивность экспрессии жаргонных слов-стимулов. Для этого применена формула, которая имеет следующий вид:
$$\bar{x} = \frac{N_1 X_1 + N_2 X_2 + N_3 X_3 + \dots}{N},$$

где \bar{x} – средняя интенсивность экспрессии данного слова;
 x_1, x_2, x_3 и т.д. – показатели степени интенсивности экспрессии по цифровой шкале;

N_1, N_2, N_3 и т.д. – количество соответствующих показателей степени экспрессивности у данного слова;

N – общее количество реакций на слово-стимул.

Были получены следующие данные об интенсивности экспрессии жаргонных лексем:

классно	+1,7	стильный	-0,2
шкодный	+1,2	по-черному	-0,3
студик	+0,9	сачковать	-0,3
задвинуть	+0,7	накалывать	-0,4
растыкной	+0,4	просечь фишку	-0,8
общага	+0,3	вырубить	-1,0
нехило	+0,1	зеленый	-1,0
глухо	-0,1	прогнуться	-1,0
дать джазу	-0,1	предки	-1,1
дерибасный	-0,2	препод	-1,3
мафон	-0,2	булдыган в спину	-1,8
резко	-0,2	задавить харю	-2,3

Результаты исследования показали, что интенсивность экспрессии у 18 из исследованных слов-стимулов (75%) довольно низка: от -1 до +1. Однако из этого не следует, что жаргонизмы в речи обладают малой экспрессией. Дело в том, что испытуемым предъявлялись только жаргонные единицы, поэтому экспрессия слов оценивалась относительно друг друга в пределах этой группы лексики.

Положительную оценку получили 7 из 24 жаргонных единиц (30%). Это говорит о том, что далеко не все жаргониз-

мы, как считается в некоторых работах, касающихся жаргона (Колодкина, Мошанова, 1983 и др.), имеют для его носителей отрицательную эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Анализ экспериментальных данных позволяет сделать предварительные выводы.

Специфика жаргонной лексической единицы состоит в том, что ей присуща экспрессивность, имеющая ингерентный характер.

По степени значимости экспрессивные параметры, формирующие ассоциативное значение жаргонного слова, можно выстроить в ряд: *грубо, неудивительно, пренебрежительно, радостно, положительно*. Соотношение типичных и индивидуальных реакций, вызываемых жаргонными словами-стимулами, существенно различается. Максимальное число типичных ассоциатов дают исходные слова, характеризующиеся а) четко выраженным семантическим значением; б) отчетливо проявляющейся эмоционально-экспрессивной значимостью. Жаргонные слова-стимулы с размытой, неопределенной семантикой вызывают максимальное число индивидуальных ассоциатов.

1. Самым большим вариационным разбросом по семантически противоположным парам характеризуются глаголы (49 реакций – 20 типичных и 29 индивидуальных) и прилагательные (50 реакций – 20 типичных и 30 индивидуальных).

2. Размытостью семантики жаргонных слов-стимулов, данных вне контекста, обуславливается размытый, диффузный характер их экспрессивности.

Второй эксперимент отличался от первого тем, что испытуемым (30 студентам-филологам второго курса) эти же слова-стимулы предъявлялись не изолированно, а в контексте. Каждому исходному слову соответствовал один контекст. Фраза прочитывалась экспериментатором с нейтральной интонацией два раза с интервалом 1–2 минуты. После этого испытуемым предлагалось оценить каждое слово-стимул по заданным шкалам.

Анализ материалов второго эксперимента показал, что с включением слова в контекст сокращается число исходных

слов, вызывающих максимальное количество индивидуальных реакций, и, наоборот, возрастает число слов-стимулов, характеристики которых однотипны. Это лексемы *препод, мафон, зеленый, растыкной, стильный, дерibasный, задвинуть, сачковать, вырубить, глухо, классно, резко, по-черному*; устойчивые словосочетания *задавить харю, булдыган в спину*. Изменение ведущих характеристик слов-стимулов подтверждает предположение о том, что роль контекста заключается «в выявлении конкретного значения некоторого абстрактного содержания слова» (Колшанский, 1980, 52). Тем не менее контекст не оказывает сильного влияния на экспрессивность жаргонной единицы в 63% случаев (15 слов).

Выяснилось, что контекст конкретизирует семантику и позволяет точнее определить экспрессивные характеристики слова. В случае речевого употребления жаргонизмов «работает» меньше шкальных параметров, чем при изолированном предъявлении слова. Кроме того, большинство численных значений оказываются ниже, т.е. изменяется характер экспрессивности: она начинает утрачивать диффузность; значимыми являются только параметры *грубо, пренебрежительно*. Таким образом, при включении в контекст жаргонного слова-стимула происходит изменение его восприятия говорящими.

Третий эксперимент заключался в изучении воздействия жаргонной лексемы на контекст. С этой целью исследовались ответы 41 участника эксперимента – 25 студентов-филологов четвертого курса и 16 студентов пятого курса медицинского института.

Из 24 речевых отрезков, которые использовались во втором эксперименте, мы отобрали 8 таких, где жаргонные слова представляли бы все грамматические классы, а остальные слова почти не имели экспрессивной нагруженности.

Участникам эксперимента предъявлялся лист с текстами, которые нужно было внимательно прочитать и ответить на два вопроса: 1) являются ли данные тексты нормативными? 2) если вы считаете, что эти тексты ненормативны, то объясните, в чем проявляется их ненормативность. Испытуемым не сообщалось, что все речевые отрезки представляют

собой записи студенческого жаргона. Время эксперимента ограничивалось 40 минутами.

Студентами-филологами все предложенные тексты были определены как ненормативные. По их мнению, ненормативность текстов обуславливалась наличием грубой лексики, общего эмоционального, экспрессивного тона высказываний. Испытуемыми была установлена принадлежность данных текстов к студенческому жаргону. Такой результат эксперимента был отчасти предопределен: в силу профессиональной подготовки филологам легче заметить какие-либо отклонения от нормы.

Все речевые отрезки были оценены второй группой испытуемых тоже как ненормативные. Таким образом, экспрессивная жаргонная лексема обладает способностью распространять свою экспрессивность на высказывание в целом. Вследствие этого контекст воспринимается участниками эксперимента как стилистически окрашенный и ненормативный. Исключение составил текст № 6: *«Он шkodный такой, маленький, лысый и пол-алфавита не выговаривает»*. Мнения о нем разделились: 50% испытуемых определили этот текст как нормативный, 50% – как ненормативный. Отметим, что во фразе, кроме жаргонизма *шkodный*, присутствует достаточно экспрессивный фразеологизм *пол-алфавита не выговаривает*.

* * *

Жаргонизированная речь как особое речевое явление в отличие от других социальных диалектов не является единственной формой общения ее носителей и употребляется студентами как выразительное средство только в определенной обстановке, среди «своих». Приведем несколько текстов из устной речи студентов:

– *Я сегодня была в столовке и представляешь кого я там видела? Дюймовочку! Ну, я просто в осадок выпала. Такая на ней хиппейная шапочка. Просто смех!..* (Пермская медицинская академия, II курс);

– *Да. Мне надо скатать у кого-нибудь по зарубе. Кто сделал? Не знаешь? А то не очень-то хочется хвост иметь.*

Мне бы как-то пару выжить, а потом можно гарцевать поновой. Стипу-то все равно так и так получать не буду. Лишь бы сессию стихнуть (Пермский государственный университет, III курс);

– Я вчера еду в сарае. Один хмырь на колесо мне наступил. Смотрю, а это Фекл. Он в кабак с чувихой поехал. Потрепались немного. Тебе просил передать, что зайдет пятнадцатого за барахлом (Пермская сельскохозяйственная академия, III курс);

– Сегодня я в такую историю влип. Встретил Аллу. Считаю не виделась три года. Так похорошела, расцвела. Прямо персик! Ну, я и давай клинья подбивать. Наверное, час ромеоджультетничали. Сегодня на скотеку вместе ходим. Пока все на мази. Пойдем с нами. Она очаровашку такую же обещала взять (Пермская фармацевтическая академия, IV курс);

– У меня дельное предложение: скальваемся с пары и топаем в киношку. Завтра всего одно практическое по стихии. Кстати, а каких поэтов готовить надо? (Пермский государственный университет, V курс);

– Завтра раскупориваю сессию. Собираюсь на шпорах идти, иначе завалю. В этом диамате ничего не рублю. У тебя-то как дела? (Пермский технический университет, III курс);

– Кучеряво. Вчера последний хвостик отрубил, а то к сессии не допускали. Все стихну! Мне ведь много не надо: три шара хватит. Я счастлив, что и препу больше мучиться не придется (Пермский педагогический университет, III курс).

* * *

Жаргонизированная лексика – явление историческое, потому для нее характерны большая текучесть и изменчивость. Это выражается, в частности, в наличии многочисленных, постоянно обновляющихся синонимических рядов. Например, глагол передвижения в жаргоне имеет такие синонимы: **идти** – *шоркать ботинками, сменять, смыться, уплыть, заструить, махать шагалками, нарисоваться, умыкнуться, приплыть, прискакать, сдуться, дернуть, скальваться, дуть, отвалить, выписывать* и пр.; синонимы-дублиеты к слову **го-**

лова – котелок, чугушка, сундук, тыква, черепушка, кочан, чайник, груша, шарик, соображаловка и пр.

Слова-синонимы служат для обозначения одного и того же явления, предмета и отличаются друг от друга большей или меньшей степенью экспрессивной окраски. Семантическая наполненность каждого синонима определяется фразовым контекстом того или иного ситуативного фактора. Так, о человеке с красивой плавной походкой говорят: *плывет, выписывает, вырисовывает*. В противном случае скажут: *передвигает ходули, ковыляет, шагалками махает, хромает* и т.д. Но с другой стороны, яркие образцы, создаваемые в жаргоне, от постоянного употребления быстро тускнеют, превращаясь в безликий и назойливый штамп, т.е. становятся тем, против чего направлена вся жаргонизированная лексика в целом.

Жаргонизмы в большей мере, чем любые другие пласты разговорной лексики, подвержены «моде». Быстро распространяясь в молодежной среде, они утрачивают в результате частого употребления свою образную мотивированность. Вследствие этого в речи всегда существует потребность в новых выразительных словах, а поскольку есть потребность, такие слова возникают. Если в 1950-е годы выражение «жить хорошо, интересно» соответствовало жаргонному *жить путево, шедеврово, зашибонно* и т.д., то в 1970-е было распространено выражение *кучеряво же ты живешь*; «современный модный парень» как *хиповый парень, джинсовый парень*, а «гулять» – как *хилать, прошивываться, моционить*.

Лексические единицы, за счет которых происходит расширение синонимических рядов, в большинстве случаев вызваны в молодежном жаргоне не потребностями номинации, а желанием говорящих найти более выразительные средства, стремлением к постоянной новизне, необычности. Этот процесс обновления непрерывен. Появление новых экспрессивных слов – основной путь обогащения жаргонизированной лексики, которая активно подхватывается молодежью и вовлекается в речь.

Тема 12

Жаргонно-арготическая единица в речевом узусе школьников

Жаргон помолодел. В последнее время мы все чаще можем наблюдать, как в общении наше подрастающее поколение использует все больше слов и выражений, заимствованных из жаргонной лексики. Сфера неофициального общения детей определяет своеобразие их речи, формирует их экспрессивный индивидуальный словарь.

Исследовалась жаргонная единица в речи пятиклассников (65 человек) и семиклассников (65 человек). Это учащиеся обычной школы Кунгура¹. Выбор возраста не случаен. Он обусловлен особенностями развития школьника. Учащиеся пятого класса – дети общительные, доброжелательные, открытые, легко откликающиеся на любые просьбы. Информанты седьмого класса – представители подросткового возраста. Переходя из детского мира во взрослый, подросток не принадлежит полностью ни тому, ни другому, а для его психики типичны внутренние противоречия. Общение со сверстниками приобретает исключительную значимость; по отношению к родителям подросток, как правило, занимает негативную позицию. Группа создает чувство «МЫ» – отсюда стремление к «групповой» речи, «групповой» одежде и т.д. «Успехи в среде сверстников в отрочестве ценятся всего более» (Мухина, 1998, 409).

Наблюдение за речью 65 пятиклассников в неофициальной обстановке в течение трех месяцев показало, что они охотно обращаются к жаргонному слову. На основе собранного материала составлена анкета из 42 слов, известных информантам (см. табл. 10).

¹ Благодарим студентку Л.С. Валишевскую за предоставленные материалы.

**Употребление жаргонных единиц
в речи учащихся 5-го и 7-го классов**

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление		Отмеченность в БСЖ
			5-й класс	7-й класс	
1	Атас!	Осторожно!	11	38	+
2	Ашки	Ученики класса «а»	62	65	+
3	Базар	Разговор	37	58	+
4	Брателла	Брат	3	23	+ в огласовке <i>брателло</i>
5	Веселуха	Веселье	41	41	в виде: <i>гнать веселуху</i>
6	Выпасть	Рассмеяться	43	65	–
7	Гнать (гонишь)	Лгать, обманывать	39	60	+
8	Грабли	Руки	29	45	+
9	Загрузить	Выдать большой объем информации	52	65	–
10	Классная	Классный руководитель	61	65	–
11	Клево	Очень хорошо	56	63	–
12	Колеса	1. Ботинки, обувь 2. Таблетки, содержащие наркотик	32/0	20/38	+
13	Колхоз	Имеющий немодный вид	37	62	–
14	Круто	Очень хорошо	62	65	+
15	Кумпол	Голова	37	52	+
16	Курица	Неопрятная девочка	23	32	–
17	Ландыш(и) (чаще во мн. ч.)	Мальши, учащиеся младших классов	2	–	–
18	Ласта(ы) (чаще во мн. ч.)	Ноги	32	39	+
19	Локатор	Ухо	41	62	+
20	Лох	Простофиля, олух	29	53	+
21	Лохануться	Опростоволоситься, допустить ошибки	27	40	+
22	Лыжа	Нога	31	60	нет в свободном употреблении
23	Маман	Мама	43	35	+
24	Матеша	Математика	61	64	+
25	Музон	Музыка	63	64	+
26	Овца	Вредная девочка	38	49	нет этого значения

Окончание табл. 10

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление		Отмеченность в БСЖ
			5-й класс	7-й класс	
27	Папик	Папа	38	41	+
28	Пара	Оценка «два»	59	65	+
29	Перетоптаться	Обойтись без чего-либо	39	38	+
30	Предки	Родители	43	65	+
31	Прикольно	Смешно, весело	62	65	+
32	Репа	Голова	37	53	+
33	Русич	Учитель русского языка	52	55	в огласовке <i>русиш</i>
34	Сечь	Понимать	31	49	+
35	Слинять	Сбежать с урока	43	60	+
36	Тройбан	Оценка «три»	64	65	+
37	Трояк	Оценка «три»	64	65	+
38	Училка	Учительница	30	53	-
39	Хата	Дом, квартира	41	52	+
40	Чайник	Голова	49	59	+
41	Чердак	Голова	28	43	+
42	Шпора	Шпиргалка	64	65	+

Сопоставительный анализ словаря жаргонизмов пятиклассника с «Большим словарем русского жаргона» показал, что около 70% жаргонизмов уверенно можно отнести к общему жаргону, система которого несомненно обнаруживает «формальную и смысловую преемственность русского жаргона во времени и пространстве» (БСРЖ, 2000, 3). Тринадцать единиц, т.е. более 30%, зафиксированы в речи данного коллектива в качестве специфических, необходимых для целей и задач общения сверстников. Из них 7 являются маркированными дублетами литературных единиц: *выпасть* – ‘рассмеяться’; *загрузить* – ‘выдать большой объем информации’; *колхоз* – ‘имеющий немодный вид’; *курица* – ‘неопрятная девочка’; *ландыши* – ‘учащиеся начальных классов’; *лыжа* – ‘нога’; *овца* – ‘вредная девочка’. В 2 единицах используются иные фонетические средства от жаргонных образований (*брателла*, а не *брателло*; *русич*, а не *русиш*); в 2 – иные словообразовательные средства от литературных образовательных основ (*веселуха*; *училка*); кроме того, встречаются усечение (*классная*) и заимствование из арго (*клёво*).

Анкета, состоящая из 42 слов, была предложена семиклассникам (65 человек) с тем же заданием, что и пятиклассникам. Итоги анкетирования приведены в табл. 10. Как видим, 40 единиц знакомы семиклассникам и используются в их речевой практике. Ушла из употребления лишь единица *ландыши*, наблюдается использование слова *колеса* в значении 'таблетки, содержащие наркотик' (38 употреблений). Средняя частота употребления данных слов семиклассниками составляет 81,17%, в то время как у пятиклассников эта цифра определяется в 63,58%.

Рассмотрение жаргонного словоупотребления учащихся 5–7-х классов подтверждает верность вывода, сделанного Е.Д. Поливановым: «Жаргонные слова не вытесняют из мышления учащихся знания нормального общерусского словаря <...> это не замещающиеся, а становящиеся рядом <...> элементы словарного мышления» (1931, 163) элементы, обладающие ярко выраженной эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью.

Нужно отметить, что не все учащиеся одинаково активно используют жаргонные единицы. Употребление жаргонизмов не является необходимым и обязательным для всех членов данного коллектива. В любом классе есть любители жаргона («активисты») и своего рода скептики, понимающие жаргонные слова, но не пользующиеся ими.

И все-таки школьники используют в речи жаргонизмы, реализуя такие функции языка, как коммуникативная («Чтобы лучше понять друг друга»), экспрессивная («Так прикольно»), объединения («Потому что все так говорят») и разделения («Чтобы выделиться среди других»). Источником и средой существования жаргонизированной лексики является устная обиходная речь, где рождается своеобразный стиль речи молодых.

Выявлению наполняемости тематических групп жаргонными единицами посвящен следующий эксперимент. Семиклассникам (65 человек) предложена анкета, включающая только названия тематических групп, в которые участники эксперимента включают те жаргонные единицы (в дальнейшем – ЖЕ), которые используют в речи. Рассмотрим итоги анкетирования.

I. Тематическая группа **Жаргонизмы учебного процесса**. Этот основной вид деятельности учащихся определяется 29 жаргонизмами (табл. 11, где дана ЖЕ, указано ее значение и количество употреблений).

Таблица 11

**Употребление жаргонных единиц,
обозначающих учебный процесс**

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление
1	Англичанка	Учитель английского языка	51
2	Ашки, бэшки	Литер класса	65
3	Биологичка	Учитель биологии	48
4	Бяша	Биология	39
5	Геша	География	42
6	Двоjak	Оценка «два»	59
7	Домашка	Домашнее задание	61
8	Инглиш	Английский язык	63
9	Истеричка	Учитель истории	61
10	Классная	Классный руководитель	65
11	Класснуха	Классный руководитель	52
12	Литра	Литература	65
13	Мат	Математика	48
14	Матеша	Математика	59
15	Матра	Математика	43
16	Монастырь	Школа	14
17	Монахи	Учителя	14
18	Пара	Оценка «два»	65
19	Пятак	Оценка «пять»	65
20	Рисовка	Рисование	52
21	Руслан и Людмила	Русский и математика	32
22	Русич	Русский язык	58
23	Тройбан	Оценка «три»	65
24	Трояк	Оценка «три»	65
25	Учитка	Учительница	62
26	Физичка	Учительница физики	65
27	Физра	Физкультура	65
28	Четвертак	Оценка «четыре»	49
29	Шпора	Шпаргалка	65

В основном это названия предметов, учителей, их ведущих, а также оценок знаний. Средний процент частоты употребления их высок – 82,59%.

II. Тематическая группа **Человек. Семья** включает несколько подгрупп.

1. *Номинации членов семьи, окружающих.* Подгруппа включает 21 ЖЕ (табл. 12).

Таблица 12

**Употребление жаргонных единиц,
обозначающих членов семьи, окружающих**

№	Жаргонизм	Значение	Употребление
1	Батон	Папа	31
2	Братан	Брат	40
3	Братан	Друг	37
4	Братэлла	Брат	12
5	Друган	Друг	43
6	Дружбан	Друг	48
7	Кореш	Друг	42
8	Люди	Ребята, одноклассники	60
9	Ма	Мама	45
10	Мурки	Девочки	58
11	Народ	Одноклассники	60
12	Отроги	Родители	23
13	Па	Папа	47
14	Папуас	Папа	29
15	Пахан	Лидер группы	42
16	Предки	Родители	65
17	Родич	Родитель	62
18	Родок	Родитель	40
19	Человеки	Ребята, одноклассники	52
20	Чефан	Мальчик	32
21	Чувак	Мальчик, друг, товарищ	65

Средняя частота употребления ЖЕ составляет 68,35%.

Такие жаргонизмы часто используются в функции обращения. Например: *Ну что, братан, готов сегодня?; Друган, выручи ручкой; Люди, сегодня вместо алгебры будет ОБЖ; Мурки! Налетай на конфеты – я сегодня угощаю; Народ! Внимание! В пятницу мероприятие и дискотека; Человеки, всем привет.*

2. *Части тела.* Подгруппа включает 54 ЖЕ (см. табл. 13).

Подгруппа построена в основном на синонимии. Так, для обозначения слова *голова* используется 18 ЖЕ; для слова *руки* – 12; слова *ноги* – 9; 4 ЖЕ составляют синонимическую группу слова *нос*; 3 – служат для обозначения глаз; 2 – для

обозначения волос. Лицо, уши, живот, шея, язык имеют в речи семиклассников 1 синоним.

Средняя частота употребления достигает 82,9%, что указывает на плотность использования ЖЕ данной подгруппы.

Таблица 13

**Употребление жаргонных единиц,
обозначающих части тела человека**

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление
1	Башка	Голова	65
2	Башня	Голова	48
3	Бочка	Голова	32
4	Бубен	Голова	26
5	Вички	Руки	59
6	Волосня	Волосы	61
7	Грабли	Руки	65
8	Грызло	Лицо	44
9	Думалка	Голова	60
10	Дышло	Шея	49
11	Жбан	Голова	65
12	Кастрюля	Голова	31
13	Кегли	Руки	47
14	Клешни	Руки	52
15	Колеса	Ноги	61
16	Копыта	Ноги	65
17	Костыли	Ноги	60
18	Котел	Голова	65
19	Кочан	Голова	65
20	Крылья	Руки	63
21	Крыша	Голова	65
22	Крюки	Руки	57
23	Культапки	Руки	58
24	Купол	Голова	65
25	Лапы	Ноги	65
26	Лапы	Руки	65
27	Лапти	Ноги	50
28	Ласты	Ноги	53
29	Локаторы	Уши	65
30	Махала	Руки	49
31	Момон	Живот	53
32	Моргала	Глаза	64

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление
33	Носопырка	Нос	65
34	Носяра	Нос	60
35	Отростки	Руки	46
36	Пакли	Руки	65
37	Парик	Волосы	48
38	Пешки	Глаза	57
39	Помело	Язык	64
40	Протезы	Ноги	52
41	Пятак	Нос	65
42	Репа	Голова	65
43	Спички	Тонкие руки или ноги	41
44	Телевизор	Голова	39
45	Хавальник	Рот	41
46	Ходули	Ноги	35
47	Чайник	Голова	60
48	Чемодан	Голова	40
49	Чердак	Голова	51
50	Череп	Голова	38
51	Чугунок	Голова	35
52	Чурбан	Голова	28
53	Шарики	Глаза	65
54	Шнопок	Нос	58

3. *Действие или состояние человека.* Подгруппу составляет 47 ЖЕ (табл. 14). Представлены ЖЕ, характеризующие различные действия или состояния человека. В данной подгруппе средняя частота употребления ЖЕ составляет 79,24%.

Таблица 14

**Употребление жаргонных единиц,
обозначающих действие или состояние человека**

№ п/п	Жаргонная единица	Значение	Употребление
1	Базарить	Говорить	65
2	Бухой	Пьяный	41
3	Валить	Уходить, убежать	65
4	Варить	Думать, соображать	65
5	В натуре	Действительно, на самом деле	65

Окончание табл. 14

№ п/п	Жаргонная единица	Значение	Употребление
6	Врубиться	Понять	65
7	Выеживаться	Вести себя вызывающе	37
8	Выпасть	Засмеяться	65
9	Въехать	Понять	65
10	Груженный	Утомленный	65
11	Допать	Понять	32
12	Достать	Надоесть	65
13	Догумкать	Понять	37
14	Дошло (дойти)	Понятно	65
15	Жидить	Жадничать	51
16	Забить стрелу	Назначить встречу	29
17	Заныкать	Спрятать	39
18	Зарубаться	Сильно увлечься чем-либо	40
19	Засветиться	Обратить на себя внимание	47
20	Затихарить	Спрятать	59
21	Заценить	Оценить по достоинству	65
22	Кайфовать	Получать удовольствие	42
23	Кинуть	Обмануть	32
24	Кинуть кости	Идти	49
25	Колбасить	Веселить, шутить	43
26	Крыша едет	Устать, ничего не понимать	65
27	Ловить ха-ха	Смеяться	57
28	Лыбиться	Улыбаться	63
29	Мочить корки	Веселиться	32
30	Наезжать	Выяснять отношения	63
31	Накуренный	Ошалелый	37
32	Настукачить	Нажаловаться	32
33	Обалдеть	Сильно удивиться	65
34	Обломаться	Потерпеть неудачу	65
35	Опупеть	Обнаглеть	65
36	Офигеть	1. Удивиться. 2. Обнаглеть	61
37	Офонареть	Удивиться	63
38	Охренеть	Сильно удивиться	57
39	Полный улет	Возглас восторга или огорчения	57
40	Понтиться	Вести себя вызывающе	60
41	Потерять нюх	Перестать соображать	43
42	Прикалываться	Высмеивать кого-либо	65
43	Пускать базар на ветер	Говорить чушь, впустую	41
44	Стучать	Доносить на кого-либо	60
45	Усечь	Увидеть, понять	65
46	Хавать	Есть	53
47	Шарахаться	Ходить, гулять без цели	41

4. *Домашняя утварь, занятия, одежда, вещи.* Подгруппа состоит из 37 ЖЕ (табл. 15).

Таблица 15

Употребление жаргонных единиц, обозначающих домашнюю утварь, одежду, занятия, вещи

№ п/п	Жаргонная единица	Значение	Употребление
1	Ботсы	Ботинки	39
2	Велик	Велосипед	53
3	Весло	Ложка	32
4	Видак	Видеомагнитофон	54
5	Вилы	Вилка	36
6	Гроб	Холодильник	14
7	Дергалка	Дискотека	39
8	Дискач	Дискотека	65
9	Драйв	Музыка	51
10	Капуста	Деньги	36
11	Котел	Кастрюля	41
12	Кросочи	Кроссовки	59
13	Лежанка	Кровать	49
14	Лентяйка	Пульт	63
15	Лопата	Ложка	46
16	Маг	Магнитофон	57
17	Магник	Магнитофон	60
18	Манатки	Вещи	65
19	Мафон	Магнитофон	65
20	Моделька	Красивая автомашина	37
21	Мотик	Мотоцикл	35
22	Патефон	Музыкальный центр	61
23	Потники	Носки	38
24	Пульгяра	Пульт	51
25	Самовар	Чайник	39
26	Сарай на колесах	Автобус	63
27	Тазик	Тарелка	37
28	Тазон	Тарелка	29
29	Тачка	Легковой автомобиль	65
30	Телега	Легковой автомобиль	53
31	Телега	Телевизор	21
32	Телик	Телевизор	65
33	Тубзик	Туалет	61
34	Хавчик	Еда	51
35	Хата	Дом, квартира	64
36	Шарманка	Магнитофон	55
37	Ящик	Телевизор	63

Это достаточно разношерстная в тематическом плане подгруппа, средняя частота употребления ЖЕ – 75,34%.

III. Тематическая группа **Оценочная жаргонная лексика**.

Данная тематическая группа включает слова, выражающие определенное эмоциональное отношение (одобрение – неодобрение) к тому или иному объекту или явлению. Она достаточно представительна – состоит из 62 единиц (табл. 16).

Таблица 16

Употребление жаргонных единиц, обозначающих оценку

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление
1	Баклан	Глупый, простофиля	31
2	Беспонтово	Плохо	58
3	Ваще	Плохо (укор)	65
4	Вилы	Выражение восторга	56
5	Ворона	Рассеянный, невнимательный человек	65
6	Даун	Глупый, тупица	61
7	Дерьмово	Очень плохо	49
8	Дибилот	Глупый, тупой	37
9	Дупень	Тупица	39
10	Дятел	Глупый человек, дурак	60
11	Ерундень	Глупость	43
12	Зашибись	Выражение восхищения, удивления	65
13	Yes!	Очень хорошо	65
14	Кайфово	Отлично, замечательно	65
15	Класс	Очень хорошо, выражение положительных эмоций	65
16	Клево	Хорошо, прекрасно, отлично	65
17	Колхоз	Безвкусно одетый человек	65
18	Конь	Человек с тяжелой поступью	65
19	Круто	В высшей степени, очень сильно	65
20	Лаж	Ерунда, все плохое	63
21	Лось	Физически сильный, крепкий человек	60
22	Лох	Простофиля	65
23	Марамойка	Неопрятная, неприятная особа	65
24	Мартышка	Кривляка	47
25	Мастево	Очень плохо	52
26	Моль	Человек с неяркой, незапоминающейся внешностью	45
27	Мышь	Тихий, незаметный человек	53
28	Ништяк	Хорошо	63

№ п/п	Жаргонизм	Значение	Употребление
29	Нормалек	Все хорошо	61
30	Ок	Все хорошо	65
31	Отпадно	Очень красиво	65
32	Офигенно	Отлично, прекрасно	65
33	Параша	Что-то оцениваемое отрицательно	35
34	Покайфно	Хорошо	59
35	По-конски	Плохо	51
36	Понтово	Превосходно, отлично	63
37	Понча	Толстый, полный человек	52
38	Прикольное	Забавно	65
39	Симпотный	Симпатичный	42
40	Смачно	Очень хорошо	52
41	Стопудово	Очень хорошо	53
42	Стремно	Плохо, неудачно	60
43	Стремотень	Плохо, неприятно	60
44	Супер	Очень хорошо	60
45	Тупорылый	Глупый, тупой	65
46	Уау!	Очень хорошо	65
47	Угарно	Очень смешно	65
48	Улетевший	Зацикленный на чем-либо	62
49	Ушан	Тот, у кого большие уши	65
50	Фигня	Ерунда	65
51	Фигово	Очень плохо	59
52	Фуфло	Ерунда, ничего хорошего	50
53	Хиппово	Хорошо, замечательно	59
54	Хорек	Неприятный, шустрый	39
55	Хреново	Очень плохо	59
56	Чмо	Ничтожество	65
57	Чурбан	Бестолковый человек	62
58	Чухон	Неопрятный человек	65
59	Чушок	Неопрятный человек	42
60	Шаньга	Полный, толстый человек	58
61	Швабра	Высокая девочка	65
62	Шестерка	Человек на побегушках	65

Данная тематическая группа представлена самым большим количеством единиц, в которых отражается оценка и действительности, и окружающих людей. Объектом оценки являются наиболее значимые свойства и характеристики человека. При этом оценивается только то, что нужно человеку, и то, что актуально: внешность, характер, действия, интеллект.

Средняя частота употребления ЖЕ – 88,98%.

Итак, средняя частота употребления ЖЕ, определяемая в процентах от общего количества употреблений в каждой группе, составила следующую картину.

Группа I. Жаргонизмы учебного процесса – 82,59%.

Группа II. Жаргонизмы, относящиеся к человеку, семье:

1) номинации членов семьи, окружающих – 68,35%;

2) названия частей тела – 82,9%;

3) наименования действий или состояний человека – 79,24%;

4) обозначения домашней утвари, одежды, вещей – 75,34%.

Группа III. Оценка – 88,98%.

Средняя частота употребления колеблется от 70 до 90%. Такой высокий процент использования ЖЕ в речи свидетельствует о речевом единстве данного коллектива школьников пятого–седьмого классов одной школы. Набор тематических групп так же устойчив, как и наполняемость их конкретными единицами. Не случайно около 70% ЖЕ фиксируется в «Большом словаре русского жаргона». Их можно уверенно отнести к ядерной зоне общего жаргона.

Тема 13

Городское языковое пространство: индивидуальное и социальное

Язык города есть конгломерат многих жаргонов и аргю.

Б.А. Ларин

Язык (в том числе города) функционирует в разных общественных слоях, социальных и профессиональных группах, и это накладывает печать на речь говорящего, поэтому проявление в последние годы интереса к такому феномену, как человек, не является случайным. Во-первых, это связано с новым

этапом осознания проблемы всего обществоведения. Вторых, пристальное внимание к человеку соответствует объективным тенденциям, касающимся его положения, психического состояния, активности, здоровья и формирования в современных условиях. В-третьих, каждый конкретный человек есть единство всеобщего, особенного и единичного. Это предполагает наличие в человеческой личности неповторимого единства социальных, антропологических, психических, культурных, интеллектуальных и наследственных черт, неразрывно связанных с конкретной жизненной ситуацией индивида.

Все это оказывает большое влияние на процесс изучения личности говорящего во всех дисциплинах, так или иначе относящихся к языку, – не только в лингвистике, но и в философии, истории, эстетике, социологии, психологии, педагогике и др. «Языковая личность» (термин В.В. Виноградова) выступает тем понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня общих и частных проблем различных гуманитарных и естественных наук.

Среди теоретических проблем современной лингвистики одно из центральных мест занимает проблема социальной дифференциации языка. Социолингвистика в этом аспекте обычно рассматривает свой объект как соотношение языковых единиц и использование их в обществе, т.е. языковая система в целом распределяется по разным сферам употребления языках (Дешериев, 1977; Крысин, 1986; Никольский, 1976; Швейцер, 1983). Напомним, что еще Е.Д. Поливанов обратил внимание на то, как один и тот же индивидуум может быть членом нескольких языковых коллективов, каждый из которых обслуживается своим языком. Е.Д. Поливанов имел в виду локальные или социальные особенности речи (Поливанов, 1931). Об этом также писал Л.В. Щерба, когда устанавливал несоответствие между неоднородностью языковой структуры и неоднородностью структуры данного общества: «...всякая социальная дифференциация внутри группы, вызывая дифференциацию речевой деятельности, а следовательно, и языкового материала, приводит к распаду единого языка <...> Некоторые группы населения могут входить в несколько социальных группировок и иметь, таким обра-

зом, отношение к нескольким языковым системам» (Щерба, 1974, 29–31).

Представление о себе как о члене того или иного коллектива отражает **я-социальное**, являющееся одной из составляющих структуры личности. Образ **я-социальное** обнаруживается в текстах информантов².

Материалом для исследования послужили сочинения в форме сказок, написанные участниками эксперимента, студентами филологического факультета в возрасте от 19 до 20 лет. В ходе эксперимента его участникам было предложено описать, используя форму сказки, взаимоотношения в той малой социальной группе, к которой они себя причисляют, но поместив ее в рамки большой социальной группы, состоящей из двадцати человек. Из восемнадцати сочинений проанализировано шестнадцать, т.е. те, где были выполнены все условия эксперимента.

В ходе эксперимента методом социометрии (Морено, 2001) рассмотрено социальное поведение информантов в условиях групповой деятельности, а также определено поведение каждого члена группы в системе межличностных отношений. Социометрический анализ позволил выявить, что в большой группе (22 человека) есть «звезда» – 1 человек (6 и более выборов); «предпочитаемые» – 6 человек (3–5 выборов); «пренебрегаемые» – 2 человека (1–2 выбора); «изолированные» – 8 человек (ни одного выбора); «отвергаемые» – 3 человека (только отрицательные выборы).

Индекс групповой сплоченности в исследуемой большой социальной группе является довольно низким. Это говорит о том, что группа не представляет собой коллектив с сильными социальными связями, кроме того, она относится к группам с низким уровнем благополучия отношений, так как в ней преобладают лица с низким статусом («пренебрегаемые», «изолированные», «отвергаемые»). Использование метода включенного исследования дало возможность подтвердить данные социометрического эксперимента и показать, что социальные связи между членами формальной студенче-

² Благодарим Е.Н. Зубенку за активное участие в разработке темы.

ской группы очень слабые. В то же время наблюдается группировка членов большой группы в малые неформальные группы.

Эти факты социальной жизни информантов нашли отражение в их сочинениях.

Репрезентация знаний и представлений человека о своем окружении в сказочном произведении, как правило, начинается с обозначения пространства, в котором разворачиваются события. Всего отмечено 40 обозначений пространства: *замок, улица, дворец, Океан, Небо, пустота, городок, комната, белый свет, лесная полянка, дремучий лес, мир, воздух, подводное царство* и т.д.

Пространство сказок анализировалось по параметрам: закрытое / открытое, простое / сложное; наличие / отсутствие трансформации в течение повествования, его оценка. Например, в сказке 2 обнаруживаем 3 пространства: *Океан (этот мир), Небо (небеса, небесная синева, черный ночной бархат), Большая пустота*. Заявленные пространства являются закрытыми, что подтверждает употребление предлога *в*: *она родилась и жила в Океане; она вскользнула в нее (Большую пустоту), преодолев притяжение родного Океана, и исчезла в ней*.

В сочинениях наблюдаем трансформацию пространства, связанную с тем, что первоначально пространство неба воспринимается главным персонажем как открытое, что подтверждается употреблением предлога *на*: *До него долетал лишь ее взгляд, но даже мысли ее не было хода на небеса*. Однако в последующем тексте употребление предлога *на* со словами *небо, небеса* заменяется предлогом *в*: это пространство оказывается закрытым. Кроме того, само восприятие пространства резко меняется после того, как герой сам в нем оказывается: *А небо оказалось пустым... а в небе было холодно*. Небо оборачивается пустотой... однако за пределами этой пустоты существует дальнейшее пространство, которое получает название *Большой пустоты*. Здесь можно наблюдать постепенное расширение пространства: *Океан – небо – Большая пустота*. И чем шире выделяемое пространство, тем более негативную оценку оно получает в тексте информанта. Так, *Океан* определяется как *родной*, *в небе было холодно, а*

за небом... была еще большая пустота... и все это было безмерно далеко, холодно и невоспринимаемо. Употребление безличных конструкций при описании двух далеких пространств (под ними подразумеваются большие социальные группы, в которые информант себя не включает) является показательным, поскольку с их помощью передается психологическое расстояние между малой группой и большой социальной. Итак, в данном тексте обнаруживается три пространства, два из которых являются замкнутыми. Чем больше пространство, тем более негативную оценку оно получает. Герой не находит себя ни в одном из них, его поглощает *Большая пустота*.

В проанализированных работах все пространства определяются как сложные, что, на наш взгляд, связано с установкой эксперимента. Трансформация пространства является показателем того, что герою некомфортно в пределах той или иной социальной группы и он стремится каким-то образом изменить ситуацию. С другой стороны, можно предположить, что внешний мир вторгается во внутренний мир персонажа – внутреннее пространство, которое появляется в сказках некоторых информантов. Замкнутое пространство оценивается как свое, положительное, тогда как открытое пространство получает скорее негативную оценку. И если даже есть выход из замкнутого пространства, то герой его не использует. Маленький мирок намного ближе герою, чем *незнакомый мир за окном* (сочинение 9).

При анализе образа **я-социальное** следует описать и то окружение, в которое помещает автор своего героя. Представляется, что это также вскрывает социальную сущность человека. В качестве примера рассмотрим сказку информанта 13. Для отражения связей в коллективе автором используется родовидовое деление растений. Большая социальная группа предстает в виде большого цветочного магазина, в котором располагаются горшки с цветами, последние и образуют малые социальные группы: анютины глазки, розы, незабудки, кактус, фикус, алоэ, папоротник – *каждый сидел в своем горшке*.

Следует обратить внимание на употребление формы множественного числа, когда речь идет о таких группах, как

анютины глазки, розы, незабудки, и формы единственного, когда упоминаются, например, кактус, алоэ, папоротник, фикус. Используя морфологическую категорию числа, автор текста показывает, что в пределах большой социальной группы выделяются как малые социальные группы, так и отдельные личности, которые существуют вне группы, сами по себе. Представив эти группы как тот или иной вид растений, информант указывает на соответствие между своим восприятием этих сообществ и теми характеристиками, которыми наделяются в нашем сознании различные цветы. Например, *розы* занимают привилегированное положение, это – «верхушка коллектива»; именем *кактус* назван, скорее всего, отшельник, чьи взгляды идут вразрез со взглядами представителей большой социальной группы. Не случайно основная характеристика этого растения – колючий. Этим качеством наделен и герой сказки: *Так и хочется проткнуть их насквозь своим острым умом или уколоть побольнее своей иголкой.*

Движение происходит только между представителями одного вида, отношения же между членами разных групп остаются натянутыми. В силу обстоятельств они вынуждены соприкоснуться с представителями других малых групп, что не всегда их устраивает: *У них же на лице написано, что они СЕЛЬПО, – возмущались розы. – Неужели для нас – аристократов – не смогли найти отдельного подоконника?* Как видим, здесь в аллегорической форме показана структура коллектива и очерчены взаимоотношения представителей разных групп, а также отношения в пределах той или иной группы.

Важным моментом в рассмотрении образа **я-социальное** является анализ-характеристика главного персонажа сказки, равного, согласно установке, автору текста. Так, герой сказки 13 (Человек) занимает особое положение в сказочном пространстве: он оказывается над остальными действующими лицами (цветами) и в действие сказки не вмешивается. Однако это его «сад», его детище. Такое положение героя может быть обусловлено той социальной ролью, которую играл в коллективе **автор** этого текста: являясь старостой студенческой группы, он действительно занимает позицию *сверху, над* и все должны быть в сфере его внимания. Это отражено в

результатах социометрического эксперимента и включенного наблюдения. Автор текста имеет довольно высокий статус информанта – «предпочитаемый». В плане характера героя особенно информативна концовка сказки: *Им скоро придется расстаться. А вдруг они больше никогда не увидятся... И может быть, некому будет улыбнуться, некого спасти, не для кого цвести. Может быть, завтра они завянут и никто не вспомнит об их красоте, никто не заметит их отсутствия. Я хочу, чтобы они поняли, как здорово, что они, такие разные, стояли рядом. Ведь друг без друга они просто цветы, а вместе они оазис.*

Человек закрыл глаза. Лунный свет упал на его улыбку. Он только что загадал желание.

Таким образом, материал сказок достаточно полно отражает ощущение индивидом себя в социальном пространстве и служит способом выявления образа **я-социальное**. Анализ текстов, построенных по заданным схемам, может помочь психологам и филологам в их практической работе.

Тема 14

Локализмы в семейной речи

Вопросы взаимодействия литературного языка и диалектов разрабатываются в ряде направлений современного языкознания. К числу таких вопросов относится рассмотрение так называемых локальных, или региональных, элементов, складывающихся в результате воздействия территориальных диалектов на литературный язык, которое может быть прямым или опосредованным, то есть осуществляющимся через городское просторечие и социальные диалекты.

Проводится интенсивное исследование речи горожан – носителей городского просторечия и горожан – носителей литературного языка. Результаты этих исследований отражены во многих публикациях кафедры общего и славянского языкознания Пермского университета, в частности, в сборни-

ках «Живое слово в русской речи Прикамья» (1969–1993), «Литературный язык и народная речь» (1977–1991), «Проблемы социо- и психолингвистики» (2002–2008).

Взаимодействие литературного языка и диалекта особенно ярко проявляется в устной речи лиц, владеющих литературным языком. Эта форма существования общенародного языка имеет свои специфические особенности. Она пронизана локальными элементами, которые отмечаются на всех уровнях языка. Большинство локальных элементов восходит к диалектному языку. Некоторые связаны с потенциальной вариативностью литературного языка, но в территориальной приуроченности вариантов могут сказаться региональные предпочтения, объясняемые взаимодействием с диалектами. Есть локализмы, генетически связанные с общерусскими явлениями, которые исчезли из литературного языка, но сохранились в городской (нередко в диалектной и городской) речи определенных регионов. Формированию, утверждению и устойчивости локальных элементов в значительной степени содействует отсутствие в ряде случаев в кодифицированном языке однословных единиц, соотнесенных с актуальными для повседневной жизни и общения явлениями.

Рассмотрение речевой продукции говорящих потребовало обозначения единицы описания данного явления, названного нами локализмом.

Под термином «локализм» объединяются лексические и фразеологические единицы, фонетические единицы и явления, грамматические единицы и формы, синтаксические конструкции, обладающие следующими признаками:

- 1) фиксируются в литературной речи коренных жителей отдельных регионов;
- 2) не принадлежат к кодифицированным элементам литературного языка;
- 3) являются элементами языковой системы, функционирующей в процессе повседневного живого общения (Ерофеева Т., Скитова, 1992).

К разряду локализмов в отдельных случаях могут быть отнесены разговорные или просторечные единицы, наиболее часто используемые в отдельных регионах.

Наличие локализмов объясняется связью с социальными факторами, с неравномерностью развития языка во времени и пространстве, с функционированием его не в одной-единственной разновидности, а во взаимосвязанных и взаимодействующих разнообразных формах; со способностью языка как средства общения обслуживать не только крупные общества на уровне нации, но и любые другие объединения, например, членов малой социальной группы, отдельных индивидов, семьи.

Семья всегда была предметом пристального внимания исследователей. Существует множество определений понятия «семья». Например, Краткий словарь по философии определяет это понятие следующим образом: «Семья – социальная система, имеющая черты социального института и малой социальной группы. Как социальный институт, семья характеризуется совокупностью социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентированных взаимоотношений между супругами, родителями, детьми и другими родственниками. Семья расценивается и как основанная на братстве или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопониманием» (1988, 301).

Социология выделяет два типа изучения семьи. Изучение семьи как института в ряду других структур общества находится на макроуровне, тогда как исследование структуры и динамики отдельных семей относится к микроуровню социологии семьи.

Исследователей-лингвистов привлекают такие аспекты исследования семьи, как рассмотрение специфики внутригруппового языка в качестве разновидности общенационального, изучение внутригруппового взаимодействия, изучение проблемы личности в языковом коллективе (см. работы: Барнет, 1988; Грумадене, 1982; Дридзе, 1984; Занадворова, 2002; Крысин, 1989а; Лабов, 1975 и др.).

Признавая семью особым социофеноменом, рассмотрим знание / незнание локализма как элемента лексической системы города в конкретной семье.

Социопсихологический портрет исследованной семьи показан в табл. 17. Место рождения и место жительства у всех членов семьи одно – Пермь.

Таблица 17

Состав изучаемой семьи

Ф.И.О.	Возраст	Степень родства	Образование	Место работы
Сунцов Андрей Леонидович	49	Отец семейства	Среднее техн.	Литейщик в частной фирме
Сунцова Ирина Михайловна	46	Жена отца семейства	1) среднее техн.; 2) высшее гум.	Начальник отдела использования документов МУ «Архив г. Перми»
Сунцова Надежда Андреевна	23	Дочь	Высшее (студ. 6 к. филол. ф-та)	МУ «Архив г. Перми»
Сунцов Леонид Андреевич	19	Сын	Среднее (студ. ПГТУ)	–

Данную семью по семейному стажу супругов можно охарактеризовать как группу старшего супружеского возраста. По количеству детей – как малодетную: в семье имеется двое взрослых детей – дочь (23 года) и сын (19 лет). По составу семьи – как нуклеарную простую семью: жизнь в семье изначально организовывалась так, как хотелось супругам, именно поэтому здесь созданы хорошие условия для самовыражения, проявления способностей, личностных качеств каждого члена данной семьи.

По типу главенства эта семья скорее эгалитарная (равноправная). По данным социологических исследований, таких семей в России насчитывается 60–80% от общего числа семей. Более всего семей такого типа насчитывается в крупных городах. Распределение домашних обязанностей осуществляется здесь достаточно демократично, потому что данная семья представляет собой группу людей с устоявшимся бытом. Каждый из членов семьи четко знает свои домашние обязанности и время их выполнения, но строгого разделения на мужские и женские обязанности нет. Однако при всей демократичности данной группы роль лидера при принятии важного решения в рассматриваемой семье выполняет мать. Она лучше ориентируется в современной жизни, по роду

своей профессии чаще общается с новыми людьми. Но как правило, решения принимаются членами семьи совместно.

По однородности состава эта семья относится к социально гомогенному типу. Таких семей, по данным социологических исследований, примерно 70% от общего числа семей. Оба поколения семьи являются уроженцами Перми. Супруги и их родители принадлежат к одному слою общества, что обеспечивает лучшее взаимопонимание в семье.

Ирина Михайловна и Андрей Леонидович сначала вместе получили среднее техническое образование и работали на заводе: И.М. – технологом, А.Л. – рабочим в металлургическом цехе. Гораздо позже И.М. окончила Академию государственной службы, пятнадцать лет работает в МУ «Архив города Перми», сейчас возглавляет отдел «Использование документов справочной работы архива». Отец работает в частной фирме литейщиком.

По типу потребительского поведения это семья смешанного типа, в котором гармонично сочетаются материальные и духовные потребности.

По качеству отношений в семье это союз, основанный на эмоциональных, инстинктивных привязанностях. Все члены семьи находятся в постоянном взаимодействии. Родители живо интересуются делами детей, дают советы, наставления. Воспитательные беседы проводятся в мягкой форме. Обязательными являются ужины, когда семья собирается вместе.

Леонид (сын) с пяти лет занимается спортивной акробатикой, с четырнадцати лет является мастером спорта России, участвует во всероссийских соревнованиях. В семье очень гордятся сыном. Его победы и поражения – тема многих разговоров. Родители и сестра часто посещают его соревнования. Это стало уже определенной традицией.

Исследование речи данной семьи проводилось методом анкетирования. Каждому члену семьи предлагалось заполнить анкету, в которой содержался 181 локализм. Преобладающую часть локальной лексики составляли существительные (34%), второе место принадлежало глаголам (около 30%). Значительно меньше в анкете прилагательных и наречий (соответственно 6 и 5%). Дано всего несколько место-

имений, например: *чѐ, ничѐ, кого* (в значении «что»), частиц: *ну* – утвердительная, *айда́те, айда́-ко* – побудительные, *дак* – усилительная, *ровно* – как будто. Фразеологические локализмы составляют примерно 19% от общего числа лексических единиц. В анкете сначала следовали локальные элементы лексического уровня (расположены в алфавитном порядке), затем несвободные сочетания. Информанты обязательно должны были указать ситуацию (контекст) использования того или иного локализма. При статистической обработке данных это позволило выявить неверное толкование локализма или же незнание его локального значения. Каждый из членов семьи заполнял отдельную анкету.

Проанализируем полученные данные владения локализмом с точки зрения поколения и гендера.

1. Использование локализма в речи младшего и старшего поколений.

Рассмотрим владение локализмом лексического уровня в речи младшего поколения семьи (табл. 18).

Таблица 18

Владение локализмом младшим поколением

Информант	Знает, но не употребляет		Знает и употребляет		Не знает		Знает в другом значении	
	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>
Дочь	72	39,78	60	33,15	30	16,57	19	10,50
Сын	54	29,81	69	38,12	43	23,76	15	8,29

Обоим информантам младшего поколения известно более половины локальных единиц: дочери – около 73%, сыну – около 68%, но параметр активного знания выше у брата – 38%. Большой процент активного использования локализмов сыном достигается за счет лексических элементов грамматико-морфологического порядка, таких как *берѐсто, манжет, плац-карт, помидора, собачонок, толь* и др. Дочь же в речи использует литературные варианты данных слов, что во многом объясняется ее обучением на филологическом факультете, поэтому данные локализмы находятся у нее в пассивном знании.

Кроме того, брат использует слова, отличающиеся от соответствующих им литературных только морфологической

структурой, например: *попроведать, сподряд, взад, взади, ставать, начистовую*. Из этой группы локализмов оба информанта активно используют слова: *внаклонку, с ночевой, гольный*. Именно эти слова очень часто использовались в семейной речи ближайшими родственниками, в основном дедушками и бабушками. Обоим членам младшего поколения совсем незнакомы слова: *кашик, ремки, бусить, уноровить, ретечный*. Локализм *воглый* и дочь, и сын понимают неверно, как *вогнутый*. Оба знают слово *вехотка*, а однокоренное слово *вехоть* определяют как старые тряпки. Оба воспринимают диалектные названия грибов (*синявки, красноголовик и обабок*) как литературные и не знают других названий. Некоторые слова обоим неизвестны в локальном значении, например: *сады, вышка*. Кроме того, сын не знает локальных значений слов *болонь, ограда, бегать, живой, ровно. Перебуровать* обоим известно как ‘переделать много работы’. Именно в таком значении очень часто использует это слово отец семейства. Информанты не используют в речи следующие фонематические локализмы: *вскольз, вобизэ, внутренний, выкамурировать, дыметь*.

Информанты младшего поколения показали неплохое знание фразеологических локализмов. Из 34 локальных элементов данной группы обоим неизвестны лишь *варнак этакый, Ванька мокрый, обнести голову*; устойчивое сочетание *здать трепака* (убежать) понимают как ‘наказать, отругать’. Оба используют выражение *глаз да глаз*.

Рассмотрим владение локализмами лексического уровня в речи старшего поколения семьи (табл. 19).

Таблица 19

Владение локализмом старшим поколением семьи

Информант	Знает, но не употребляет		Знает и употребляет		Не знает		Знает в другом значении	
	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>
Отец	59	32,6	105	58,0	8	4,4	9	5,0
Мать	60	33,2	83	45,9	25	13,8	13	7,2

Как видим, отцу известен 91% локальных элементов, матери – 79%. Параметр активного знания также выше у отца –

58%, у матери он составляет только 46%. Полученные данные можно объяснить разными социальными условиями, в которых жили супруги до начала совместной жизни. Отец долгое время жил в деревянном доме. В детстве его воспитанием, помимо родителей, занимались преимущественно бабушки – носительницы диалекта и просторечия. Отцу известны локализмы, знание которых не обозначил больше ни один из членов семьи, например: *бродни, кашик, пестерь, пирожник, ретечный, взёмистый, мизгирь, выганивать, калега*. Мать никогда не жила «в своем» доме, ей незнакомо слово *голбец*, а отец правильно определил данный локализм (потому что именно так в его семье называли подвальное помещение дома для хранения продуктов).

Оба информанта старшего поколения знают как литературный, так и городской вариант названия грибов: *синявки* – сыроежки, *красноголовик* – подосиновик, *обабок* – подберезовик. Отец – заядлый грибник, очень любит собирать грибы, знает очень многие названия грибов. Но родители активно используют именно локальный вариант, поэтому дети не знают литературного.

Слова *изгаляться, перебууровить, воглый, вехоть* обоими информантами даются в другом, не локальном контексте, поэтому мы относим их к незнанию.

Интересно определение слова *чушка*. Информантами было указано два значения: 1) ‘подбородок, нижняя часть лица’; 2) ‘металлическая деталь в незаконченном виде’. Второе значение пришло в семейную речь из производственной лексики отца.

Из локальных фразеологических единиц все были отмечены как знакомые: 21 единицу из 34 информанты старшего поколения используют в речи. Сочетание *здать трепака* используется обоими информантами в индивидуальном значении, свойственном членам данной семьи – ‘наказать, отругать’. И мать, и отец говорят *глаз да глаз*.

Таким образом, самым активным пользователем локального элемента является отец: он реализует в своей речи больше половины представленных единиц (58%). Второе место занимает мать: она употребляет чуть меньше локализмов

(46%). Третье место принадлежит сыну, который пользуется 38% локальных элементов. Дочь употребляет лишь 33%, но по пассивному знанию она является лидером (40%); на втором месте по пассивному владению находятся мать и отец: они знают, но не используют в речи 33% от общего числа. Меньше всего локализмов в пассивном знании находится у сына – примерно 30%.

Больше всего незнакомых слов для себя увидел сын – 24% локальных элементов ему неизвестны совсем. Мы объясняем этот показатель возрастом и социальными условиями. Он самый младший член семьи, это означает, что у него самый маленький речевой опыт; кроме того, сын никогда не был в деревенской местности, а большинство локальных элементов имеют диалектно-просторечную основу. На втором месте по незнанию локальных элементов оказалась дочь – 17%. Скорее всего, этот показатель обусловлен ее образованием. Затем следует мать – 14%, она увидела для себя меньше незнакомых слов, нежели дочь и сын. Полученный результат можно объяснить ее возрастом: мать относится к старшему поколению семьи, поэтому ее речевой опыт оказывается шире, чем речевой опыт младшего поколения. Совсем неизвестными отцу оказалось 4% представленных локальных слов. Это очень низкий показатель незнания, который связан, скорее всего, с возрастом (отец самый старший член семьи) и социальными условиями жизни до образования своей семьи (проживание в частном доме, ведение своего хозяйства).

2. Использование локализмов в семейной речи в зависимости от гендера.

Влияние гендера на владение локальной лексикой представлено в табл. 20.

Таблица 20

Владение локализмом в зависимости от гендера

Информант	Знает, но не употребляет		Знает и употребляет		Не знает		Знает в другом значении	
	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>	<i>N</i>	<i>p%</i>
Муж.	57	31,2	87	58,0	26	14,1	13	6,7
Жен.	66	36,5	72	42,6	28	15,2	16	8,8

Полученные результаты свидетельствуют, что параметр активного употребления локализмов выше у мужчин, в то время как пассивное знание локальных элементов выше у женщин. Незнание же лексических элементов или знание их в другом значении практически не зависят от гендера.

У отца активное знание локального элемента (58,01%) на 12% превышает уровень активного знания у матери (45,86%). Сын, как и отец, реализует в своей речи больше локальных элементов (38,12%), процент его активного знания превышает тот же показатель сестры (33,15%) почти на 5%.

Итак, анализ владения локализмами в семье показывает, что в семье как в малой социальной группе зависимость владения локализмом от страт модифицируется на фоне общей модели. Так, в общей модели было показано, что люди старшего возраста, мужчины и негуманитарии знают большее число локализмов, однако люди старшего возраста реже употребляют их в речи (см.: Ерофеева Т., 2009, 157–166). В семье, при соблюдении общей тенденции, тем не менее наблюдаются некоторые отклонения от этой схемы, обусловленные общением между членами семьи и своеобразным сочетанием социальных параметров у разных членов семьи.

Тема 15

О формировании идиолексикона в диалектных условиях

...Литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок.

Л.В. Щерба

Интерес к личностному аспекту изучения языка является сегодня приоритетным не только в лингвистике, но и в социологии, философии, педагогике и других науках.

Однако еще в 20–30-е годы в ряде лингвистических работ уделяется внимание проблемам предназначения и функционирования языка. Так, М.Н. Петерсон в своей статье «Язык как социальное явление» определяет главнейшую из функций языка – «служить средством общения между людьми» (Петерсон, 1927, 11). Он призывает изучать язык как социальное явление. Г.О. Винокур считает, что «язык есть, прежде всего, средство социального общения и понимания. Язык для того, чтобы быть языком, должен быть понятен, по крайней мере, двум индивидуумам» (Винокур, 1929, 23). Он предлагает различать две лингвистики: статическую, изучающую язык в его системе, и историческую, изучающую язык как реальный факт социальной жизни. В научном аппарате второй лингвистики особое внимание уделяется акту индивидуальной речи, понимаемому как акт речи одного человека и как говорение «группы особей», например семьи.

Семья создает базовые условия функционирования социума. Это «основанная на браке <...> **малая группа**, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью (БЭС, 1997, 1082).

В нашем случае изучается семья, состоящая из трех поколений. Старшее поколение представляет свекровь – глава семьи, 1928 года рождения. Образование – 6 классов и курсы счетоводов. По характеру добрая, приветливая, покладистая, общительная. Пользуется уважением окружающих. С ней приятно беседовать. Ее речь насыщена местными диалектными словами, меткими выражениями, включает фразеологические обороты. Информант знает много пословиц и поговорок. Ср. отрывки из речи Марии Степановны: *Да хорошо ведь, Нина, платье-то. Вон сколь б́асенько. // Ой, а раньше-то... Надевать-то н́ечѣ было ладом. У нас чѣ, у мамы было четвѣро, а мы чѣ, не в угол рожей, не хуже никого... Мало-малко срѣдишила, все равно – бежишь. // А чѣ. Клуба не было. А м́лодежи было много в деревне. К нам в Паньки из чужих деревѣн ходили, вон из Посада, из Расох. Собирались в ограде у Катьки Грузель. Ой, как весело, песни по всей ночѣ пели. А нынче молодежь, они ведь невеселые. Ой, раньше шибко весело было, жили бедно, но было весело; Полю виде-*

ла, дак это сказывает, у ее сестрёницы девка взамуж вышла. А мужика-то взяла маломальнького. Нок чё, мал мужичок – да огородишко. Поговорка ведь старинная. Не век же ей одной жить.

Среднее поколение – глава семьи и его жена, оба 1947 года рождения. Имеют высшее образование.

Муж, инженер-механик, работает главным энергетиком птицефабрики. По характеру деловой, предприимчивый, твердый, жесткий, отличный организатор. В семейных беседах прост, открыт, обладает чувством юмора, любит подшучивать над членами семьи, придумывает меткие слова и выражения.

Отрывки из его речи: *Хватит вам ерепёниться. Ня-мать-то скоро будем? Да. И огласите все меню; Сережка, иди жу́жей проверь, летают, нет, меня сёдня одна куснула; Завари фамильного [чая] две кружки с горошком... Достань кружку из пенала, на ходу. А кто край кружки скусу-нул?; К ей Светка пришла.*

Жена главы семьи работает учителем русского языка и литературы и по роду деятельности имеет отношение к культуре речи. Находясь в домашней обстановке, использует локальные элементы. Иногда употребляет слова и выражения, которые слышала в детстве от своей бабушки. Фрагменты речи Нины Ивановны: *Сходи на улочку, подыши, песику заодноем вынеси [поесть]; Ну давай, садись, а мы с бабушкой стряпать будем... Катюша, сочни давай! Чё это ты тут наколбасила, колобков наделала бы и нечего марёну пороть... Мужики, кажись, идут. Ничё, щас посадим их стряпать, пусть помогают. То дак не дозовешься, а то дак тут как тут. Поперёшные; Катя, тебе не попадались нитки черные? Все перешерстила, ну как сквозь землю провалились.... Да ты не режь, толчком растолки – и все.*

Младшее поколение – дети Сергей 29 лет, инженер-механик; Екатерина 27 лет, филолог. Оба имеют высшее образование.

Сергей по характеру деловой, целеустремленный, предприимчивый. Любит и уважает родителей. Его хобби – охота. В домашней обстановке прост и раскован. Локальные элемен-

ты в его речи присутствуют: за пределами дома – в меньшей степени, в домашней среде – в большей. Отрывки из его речи: *Куда выпендрилась, шалюшку-то почё натянула? Как бабушка стоишь; Мама, не видела мою треуголку?...; Схожу с Валетиком прогуляюсь на вечернюю зорьку. Надо Валетику взять чё-нибудь для поощрения. Дома ничё не ест, в лесу такой жоркий делается...; Ты чё, Катька, пахорукая што ли, налить не можешь толком!; Чё поись есть?*

Екатерина по характеру сдержанная, уравновешенная, требовательная. Любит и уважает своих родителей, ценит домашний труд. На работе и в официальной обстановке старается не употреблять локализмы, однако в обиходной речи пользуется как локальными, так и «семейными» словечками. Будучи филологом, к культуре речи имеет прямое отношение. Отрывки из ее речи: *Опять Семка пришел. Чё орешь, чё тебе надо? Молока напился. Давай иди, иди на улку, айда; Папа, смотри под ноги, опять все сборобондил. Не можешь што ли ногами не шебуришить?; Чё пить будем, фамильный или кофе?*

Анализ речевых отрезков членов семьи показывает, что локальные и просторечные единицы используются ими достаточно активно. В большей степени фиксируются в речи бабушки – 30 единиц на 96 словоупотреблений, т.е. 31%. 27% локализмов (13 единиц на 48 словоупотреблений) отмечено в речи Сергея, 25% (18 единиц на 72 словоупотребления) – в речи матери и 20 – в речи Екатерины и главы семейства. Как видим, процент использования лексических локальных элементов колеблется в пределах от 30 до 20. Различия в обыденной речи между поколениями минимальны и математически несутственны. Это подтверждает теоретическое положение Б.А. Ларина о «неком низком **общем** (выделено нами. – Т.Е.) разговорном языке» (1928, 73) как об объективной данности, которое было выдвинуто им еще в 20-е годы XX столетия.

Изучение речевой коммуникации данной семьи велось и методом анкетирования. Анкета включала 181 локализм (слова и фразеологические сочетания). Она была предложена каждому члену семьи с просьбой определить принадлежность локализма либо к известным, но неупотребляемым в собствен-

ной речи, либо к известным и употребляемым, либо к неизвестным. Результаты анкетирования представлены в табл. 21.

Таблица 21

Частота владения локализмом, %

Член семьи	Знание	Употребление	Незнание
Бабушка	90,6	84,7	9,4
Отец	92,3	53,6	7,7
Мать	94,0	39,8	6,0
Сын	87,8	50,8	12,2
Дочь	90,1	48,1	9,9

Сопоставительный анализ данных позволил выявить целый ряд научно интересных фактов и положений. Одно из них касается синхронной динамики. Она проявляется в передаче из поколения в поколение речевых элементов. Напомним в связи с этим высказывание Р.В. Пазухина о том, что «язык антиципируется способом перехвата: обучающиеся усваивают соответствия между отрезками звукового потока и элементами ситуации, наблюдая акустическую деятельность посторонних на фоне определенных событий» (1968).

Полученные данные позволяют увидеть процесс порождения речи поколений – ухода старого и появления нового. Представитель старшего поколения (бабушка) употребляет наибольшее количество локальных элементов. Более того, ее речь производит в целом впечатление диалектной. Среднее и младшее поколения практически не различаются по употреблению локализмов в речи. Исключение составляет только мать семьи, которая, имея опыт работы филологом и будучи носителем литературного языка, использует в речи лишь 39,8% локализмов, судя по анкетным данным, полученным методом интроспекции. К числу наиболее известных и употребляемых в речи всех членов семьи принадлежат локализмы, относящиеся к группе собственно лексических локализмов и фразеологизмов: *голбец, красноголовик, ограда, стряпать, чушка (подбородок); ночь-полночь; не жить, не быть* и др.

Исследование позволяет говорить о реальности понятия «сельское просторечие» и выявлять реальных его носителей (напомним, что все члены семьи, кроме бабушки, имеют

высшее филологическое или нефилологическое образование, а частота использования локализмов в этом идиоме намного выше, чем в городском просторечии).

Как видим, рассмотрение локализмов в семейной речи жителей села является продуктивным не только при решении проблем «языкового существования», но и при изучении синхронной динамики этих единиц в речевой продукции разных поколений семьи.

Тема 16

Биосоциальные страты говорящих в речевых проявлениях

«Темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или иную печать на всю деятельность данного индивидуума», – считал И.П. Павлов (цит. по: Платонов, 1962, 286). Исследуя роль темперамента в психическом развитии человека, Я. Стреляу отмечает, что «сам по себе темперамент еще не составляет содержания поведения <...> Однако темперамент опосредованно влияет на формирование личности, являясь одним из факторов ее развития. Темперамент проявляется в действиях независимо от их содержания и направленности, и не только в эмоциональных реакциях, но и в интеллектуальных действиях» (1982, 68). Темперамент – это «природные особенности поведения, типичные для данного человека и проявляющиеся в динамике, тоне и уравниваемости реакций на жизненные воздействия» (Общая психология, 1981, 333).

Для изучения языковой личности методологически значимым является принцип интегральной индивидуальности (введен В.С. Мерлиным), заключающийся в том, что между элементами нейродинамического, психодинамического и социального уровней устанавливаются «взаимно-однознач-

ная, одно-многозначная и много-однозначная разновидности связей» (Мерлин, 1986, 187). При этом «тип нервной системы (темперамент), влияя на динамические особенности мотива, влияет на динамические особенности общей социально-типологической направленности <...> социальное содержание мотивов и свойств темперамента может влиять на динамические особенности мотивов, усиливая друг друга или ослабляя друг друга» (там же, 139).

Несмотря на большое количество исследований, посвященных темпераменту, в психологии до сих пор нет его строгого определения. В понимании сущности темперамента мы ориентировались на учение И.П. Павлова о типах высшей нервной деятельности. Под темпераментом будем понимать особенности психической деятельности человека, имеющие своей физиологической основой тип нервной системы, характеризующийся силой или слабостью, уравновешенностью или неуравновешенностью, подвижностью или инертностью нервных процессов. Это первичные и самые глубокие параметры психофизиологической организации индивида, структура же свойств нервной системы много сложнее, с большим числом комбинаций этих свойств.

Традиционно выделяются четыре типа темперамента: сангвинический, холерический, меланхолический, флегматический. Будучи данью традиции, такое деление в известной мере условно и не вполне отвечает современным материалам экспериментальной психологии. Однако оно имеет то несомненное преимущество, что определение его признаков повседневно подтверждается в практической психологии. Ср. по И.П. Павлову:

«1. Сильный, уравновешенный, подвижный тип – сангвиник. Его нервная система отличается большой силой нервных процессов, их равновесием и подвижностью. Поэтому сангвиник – человек быстрый, легко приспосабливающийся к изменчивым условиям жизни. Его характеризует высокая сопротивляемость трудностям жизни.

2. Сильный, уравновешенный, инертный тип – флегматик. Его нервная система также характеризуется значительной силой и равновесием нервных процессов наряду с малой

подвижностью. Будучи с точки зрения подвижности противоположностью сангвиника, флегматик реагирует спокойно и медленно, не склонен к перемене своего окружения; подобно сангвинику, хорошо сопротивляется сильным и продолжительным раздражителям.

3. Сильный, неуравновешенный тип с преобладанием возбуждения – холерик. Его нервная система характеризуется, помимо большой силы, преобладанием возбуждения над торможением. Отличается большой жизненной энергией, но ему не хватает самообладания; он вспыльчив и несдержан.

4. Слабый тип – меланхолик. Люди, относящиеся к этому типу, характеризуются слабостью как процесса возбуждения, так и торможения, плохо сопротивляются воздействию сильных положительных и тормозных стимулов. Поэтому меланхолики часто пассивны, заторможены. Для них воздействие сильных раздражителей может стать источником различных нарушений поведения» (Павлов, 1951, 268).

Названные черты являются основными при характеристике представителей различных типов темперамента.

Общеизвестно, что темперамент и речь человека взаимосвязаны. Однако вопрос о том, каким образом страта «темперамент» проявляется в интонационных характеристиках речи говорящего, требует детального рассмотрения. С этой целью был организован следующий эксперимент. Информантами выступили студенты-филологи, имеющие приблизительно одинаковый уровень речевой культуры, примерно один возраст, но разный пол. Группы формировались в зависимости от типа темперамента; в группу входило пять человек.

Тип темперамента определялся на основе тестов по методу А. Белова. Это метод анамнеза (самодиагностики). Он позволяет установить тип темперамента «по жизненным показателям», т.е. по основным особенностям поведения. С помощью указанного метода анализируются действия человека и его психические функции в естественной обстановке самим испытуемым (Белов, 1971).

Научное обоснование метода самодиагностики находим у В.М. Бехтерева. «Обращаясь к вопросу об оценке своей нервно-психической деятельности, следует иметь в виду, что

каждый вообще человек в состоянии оценивать свои нервно-психические процессы и, в частности, относительную быстроту и общий характер сочетательных процессов, а также и большую и меньшую точность своих репродуктивных процессов и, наконец, преобладающий характер своего нервно-психического тона. Само собою разумеется, что эти определения могут быть лишь приблизительно точными, но все же они дают объективный материал для характеристики нервно-психического состояния данного лица» (1991, 368).

Участникам эксперимента предлагалось прочесть отрывок в целом описательного характера из повести Л. Леонова. Чтение текстов записывалось на магнитную ленту; время проведения эксперимента с каждым из испытуемых – 3–4 минуты. Для исследования супрасегментных характеристик речи были выбраны паузы, выделительные (логические и эмоциональные) ударения, темп речи. Полученные данные представлены в табл. 22.

Таблица 22

Средний показатель частотности интонационных особенностей речи информантов в зависимости от типа темперамента

Информанты по типу темперамента	Паузация	Выделительное ударение		Темп речи слов/мин.
		Логич.	Эмоц.	
Холерики (5 чел.)	39	39	21	126
Флегматики (5 чел.)	53	30	10	99
Сангвиники (5 чел.)	45	36	18	114
Меланхолики (5 чел.)	50	35	10	107

Исходя из средних данных интонационных особенностей речи, полученных в результате чтения текстов 20 информантами, установлено, что наибольшее количество выделительных ударений отмечено при чтении текста холериками: 39 логических ударений и 21 эмоциональное. Флегматики при таком же объеме текста поставили лишь 30 логических и 10 эмоциональных ударений, сангвиники – 36 логических и 18 эмоциональных, меланхолики – 35 логических и 10 эмоциональных. Как видим, наиболее различаются в этом плане холерики и флегматики – представители полярных ти-

пов темперамента, хотя характеристики меланхоликов и сангвиников тоже не совпадают.

На уровне паузации также можно обнаружить разницу при чтении текста различными группами испытуемых: в среднем 39 пауз встречается у холериков, 53 – у флегматиков, 45 – у сангвиников и 50 – у меланхоликов. Паузы различаются не только частотой, но и длительностью: в речи флегматиков они продолжительнее, чем, например, в речи холериков.

Паузация и темп речи говорящих во многом взаимосвязаны. Самым быстрым оказывается темп речи холериков (126 слов/мин.), самым медленным – флегматиков (99 слов/мин.). Темп речи сангвиников – 114 слов/мин., меланхоликов – 107. Различие речи меланхоликов и сангвиников обнаруживается только при сопоставлении их количественных параметров, а различие речи холериков и флегматиков очевидно. В речи холериков звучат нотки уверенности, убежденности, твердости, она более ярка и выразительна по сравнению с речью флегматиков, спокойной и ровной. Текст читается флегматиками порой не совсем уверенно, даже робко.

Имеются факты, доказывающие, что тип темперамента зависит от ряда составляющих свойств нервной системы и особенностей протекания нервных процессов. Попробуем сопоставить данные об интонационных особенностях речи информантов с различными типами нервной системы (табл. 23).

Таблица 23

Просодические параметры речи и разные типы нервных процессов

Особенности нервных процессов	Тип нервной системы			
	сильный		слабый	
	безудержный	живой	инертный	слабый
Сила	сильный	сильный	сильный	слабый
Уравновешенность	неуравновешенный	уравновешенный	уравновешенный	неуравновешенный
Подвижность	подвижный	подвижный	инертный	подвижный/ инертный
Скорость реакций	быстрая	быстрая	медленная	медленная
Сила реакции	чрезмерная	умеренная	сильная	слабая
Темперамент	холерик	сангвиник	флегматик	меланхолик

Особенности нервных процессов	Тип нервной системы			
	сильный		слабый	
	бездержный	живой	инертный	слабый
<i>Просодические параметры речи</i>				
Темп речи	126	115	99	107
Количество пауз	39	45	53	50
Количество ударений	60	54	40	45

Как видим, лучше всего коррелируют показатели подвижности нервных процессов и темпа речи. Естественно, подвижным типам соответствует произнесение большего числа слов в единицу времени. Флегматики, для которых характерна инертность нервных процессов, говорят меньше всего слов в минуту. Меланхолики в этом смысле занимают место между подвижными и инертными типами.

Количество пауз как сопряженный с предыдущим признак также может быть соотнесен с характеристикой «подвижность». В то же время он соотносится и с характеристикой «скорость реакции». Это естественно, так как функция паузы при чтении – это осмысление текущей информации, планирование интонационного оформления и т.д.

Количество ударений связано со скоростью реакции, ибо оно – интонационный компонент, зависящий и от скорости осмысления текущего текста. Однако он коррелирует и с типом самой системы, что в данном случае может быть осмыслено, исходя из теории И.П. Павлова, как способность быстро и постоянно предвидеть текст, планировать выделенность информативных отрезков речи.

Кроме рассмотренного эксперимента, в течение года проводились наблюдения за речью двух информантов в неофициальной обстановке. Оба информанта – студенты филологического факультета приблизительно одного возраста (около 20 лет), приблизительно одинаковой «степени интеллектуальности», но с разным темпераментом – сангвиник и флегматик. Наблюдения позволили уточнить характер влияния темперамента на экспрессию через интонационные особенности. Оказалось, что с экспрессивной точки зрения речь информанта-сангвиника интонационно более выразительна,

чем речь информанта-флегматика. С помощью интонации сангвиник выражает самые разнообразные чувства, мысли, переживания. Приведем примеры:

Ого! Какая дверь маленькая! И как это я об нее не ша-рахнулась?! – Интонацией выражается крайнее удивление, изумление, в известной мере ироническое отношение к себе. Экспрессия создается не только лексикой (*ого, шарахнулась*), но и интонацией, проявляющейся в интенсивности речи, высоким тоне, убыстренном темпе.

Иду-иду, а он мне раз подножку! Я чуть не сковырнула-лась! – Произносится с мнимым возмущением и немножко насмешливо. Экспрессия обеспечивается не только за счет лексики, но и за счет быстрого темпа, энергичного ритма, интенсивности.

Верочка! Ну сделай лицо попроще! – Здесь экспрессия создается за счет интонации – иронической, жалостливой, даже немного плаксивой.

Не стони! Что стонать-то – все равно не остановится. – Интонацией выражается приказ, предупреждение, произносится резко, категорично.

Как?! Ты меня уже записала?! – Интонация выражает крайнее удивление, недоверие и некоторую степень возмущения.

Речь сангвиника богата интонационными красками. Высокая интонационная вариативность помогает передавать самые разнообразные чувства: радость, удивление (*Девки! Весна наступила!*), гнев (*На всех свадьбах, на всех свадебных фотографиях эти рожи лохматые, всякие*), презрение (*Ты! Молчи в тряпочку*), иронию (*Ну, если в папу пойдет мозгами...*), возмущение (*Чего вы прямо! Обижаете, начальники*). Это может быть и крайняя степень какого-либо чувства, и смешанное чувство (например, полупрезрение, полувозмущение), и мнимое чувство, например обиды (*Она, видите ли, на мне доклад собирается делать*).

Для речи сангвиника характерно большое количество восклицательных и побудительных предложений. Так, из 85 записанных в течение дня предложений 50 оказались побудительными и восклицательными. Нужно отметить, что наличие восклицательных, побудительных предложений, изме-

нения интонации от спокойной до крика – это обычный для сангвиника способ выражения мыслей и чувств в самых разных ситуациях, а не обязательно лишь в критических. Сангвиник, как правило, передает свои чувства громко, энергично, эмоционально. Он не может говорить тихо, шепотом, это ему дается с трудом. Например: *Хо-хо, какая ты красная!; Ой, там, там как очередь быстро идет!; Это же штучный товар! Мне, знаешь, как машина эта надоела!; Меня Ольга убьет, убьет, убьет!*

Речь сангвиника ритмична, интенсивна, темп ее обычно быстрый, паузы между речевыми отрезками невелики. Это объясняется тем, что сангвинику трудно сдерживать эмоции, чувства, ему просто необходимо высказаться, «излить душу». Он не подбирает мучительно слова, не заботится о строении фраз – ему не это важно, он стремится передать свое эмоциональное состояние.

Логическое ударение играет заметную роль в создании экспрессии, его назначение – выделить, заострить внимание на том слове (или речевом отрезке), которое несет наибольшую нагрузку. Для интонационной характеристики речи сангвиника логическое ударение очень важно; оно сильно выделяет значимые слова, интонационно «поднимает» их над фразой. Например: *Третий день с температурой хожу!; Все, адыю, прощайте! Кончилась на этом моя карьера филологическая; Ты! Молчи в тряпочку, а то щас как дам портфелем!; Она у нее вообще нисколько не может даже лежать на мокром, ни капельки!; Уж на что я меняю свои чувства...*

Речь флегматика, рассматриваемая с точки зрения интонации, заметно отличается от речи сангвиника. Она более плавная, медленная, амплитуда колебаний интонационных параметров в ней невелика. Флегматик говорит негромко, спокойно, выражает свои чувства «тихо», тон его задумчивый, лиричный. Это не может не отразиться на общем оформлении речи, часто прерываемой паузами. Например: *На улице сильный дождь... Хорошо хоть все эти снега сметет. Дождь... Дождь...; Это такой человек... своенравный... Я порой поражаюсь смелости ее высказываний.*

Если сангвиник не беспокоится о точности своей речи, так как для него главное – высказаться, то флегматик старается подыскать соответствующее слово, ему хочется точно передать свою мысль, свое состояние, поэтому в речи его много пауз; кроме того, в ней возможны лирические паузы и паузы растерянности: *Соскучилась по дому... изголодалась вся там...; Ну, ты что-то уж совсем... перегибаешь; Ручек нет, писать нечем... Все нарушил у меня.*

Интонация речи флегматика менее экспрессивна. В ней нет резких спадов и подъемов тона, темп ее медленнее, речь менее интенсивна. Логическое ударение, пожалуй, единственное интонационное средство, которое создает экспрессивность речи в этом случае, но оно качественно иное, у него другая степень выраженности. Если в речи сангвиника ударение буквально «бьет» по слову, то в речи флегматика оно значительно мягче, пластичнее. Приведем примеры:

Морозище что ли на улице – окна застыли. Ведется рассуждение с некоторой долей удивления. Мелодика речи плавная, темп неторопливый.

Книг нет, ничего нет, нашли одну на десять человек, так все на нее накинулись. Передается сообщение. Мелодика в начале фразы прерывистая, однотипная, темп неторопливый.

Да, соседи вчера не на жизнь, а на смерть бились. Сначала в комнате все летало, падало, стекла бились. Рассуждение-сообщение. Мелодика речи плавная, темп неторопливый.

Восклицательные и побудительные предложения в речи информанта-флегматика представлены в меньшем количестве: из 80 записанных нами в течение дня предложений всего 30 являются восклицательными. Однако нельзя говорить о монотонности, невыразительности речи флегматика вообще. Она выразительна по-своему и отнюдь не монотонна. Флегматик активно использует лексические и синтаксические экспрессивные средства; из интонационных средств большую роль в создании экспрессии играют логическое ударение и паузы.

В моменты же крайнего раздражения, гнева, в каких-то экстремальных, критических ситуациях речь флегматика интонационно становится похожей на речь сангвиника. Чувства выражаются более резко, категорично. Появляется и высота

тона, и быстрый темп, и интенсивность, интонация становится контрастной. В речи начинают преобладать восклицательные предложения (кстати, из 30 восклицательных предложений, записанных нами, половина отражает те моменты, когда флегматик находился в возбужденном состоянии). Например: *Я сама уже изнемогаю! Думаю, щас встану и взорвусь. Это что за хамство!; Сегодня он меня убил утром! Дверью от шкафа скрип-скрип... туда-сюда! Пусть портфель свой утром собирает!* В обоих случаях информант крайне раздражен, недоволен.

Таким образом, когда флегматик «выходит из себя», в моменты сильного эмоционального подъема его речь становится идентичной речи сангвиника, находящегося в «нормальном» состоянии. Ср.:

сангвиник в своем обычном состоянии:	флегматик в состоянии аффекта:
<i>И в следующий раз на эту парту не садиться – выкину!</i>	<i>Если соседка еще раз придет, я ее с балкона выкину!</i>

Как видно из примеров, эмоциональное состояние передается не только с помощью лексики, но и интонацией, что сказывается на строении фразы, ритме, мелодике, интенсивности произнесения.

Если же сравнить речь флегматика и сангвиника, когда они находятся в спокойном состоянии, то все различия, о которых мы прежде говорили, окажутся налицо. Например: в разговоре участвуют двое – речь идет об учебе; ситуация не является критической, однако они по-разному выражают чувства:

сангвиник	флегматик
<i>Вообще! Я не знаю, вообще! Как я с этой курсовой выпутываться буду!</i>	<i>У нас в эту неделю отчеты шли, так боже мой, все измучились...</i>

Как видим, речь сангвиника по интонации заметно отличается от речи флегматика, и в этом немалую роль играет тип темперамента, отражаясь на общем эмоционально-экспрессивном колорите речи говорящего.

Обращаясь к говорящему индивидууму как объекту исследования, мы выявили взаимосвязь речевой деятельности человека и его личности и выделили целый ряд стратегий

факторов, оказывающих воздействие на речь человека (Ерофеева Т., 1995)

Рассмотрим дифференциацию речевой продукции по страте экстраверсия / интроверсия. Экстраверты – люди, обращенные к объекту, к внешней действительности; они характеризуются готовностью воспринимать все, что происходит вовне; постоянно находятся в гуще событий, любят шумные компании, заводят много друзей и знакомых и т.д. Интроверты – люди, обращенные внутрь себя; они больше заботятся о своем внутреннем мире, более последовательны, аккуратны и педантичны, более добросовестны, спокойны и осмотрительны, чем экстраверты (Краткий психологический словарь, 1985).

Целью следующего эксперимента явилось изучение взаимодействия социально-психологических характеристик индивида и особенностей речи. Исследовались письменные тексты (сочинение о себе и сочинение о супруге) одной супружеской пары: А – жена, В – муж. Прежде всего информантам было предложено ответить на вопросы психологического теста по опроснику Р. Кэттела «16 личностных факторов». Таким образом было выявлено, что А – интроверт-женщина, а В – экстраверт-мужчина. Они одной возрастной категории (25–26 лет) и уровня образования (высшее, гуманитарное).

Исследование речевой продукции индивидов проведено на трех языковых уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом.

На лексическом уровне выявлялось лексическое разнообразие текста: подсчитан показатель лексического разнообразия у каждого из двух текстов, выведен их средний показатель (табл. 24).

Таблица 24

Лексическое разнообразие текстов

Информант	Сочинение о себе	Сочинение о супруге	Средний показатель
А	0,81	0,76	0,78
В	0,80	0,66	0,73

Данные таблицы показывают, что в сочинениях о себе обнаруживается большая лексическая наполненность, чем в сочинениях о супруге. Причем это наблюдается как у экстравертов, так и у интровертов. Средний показатель лексического разнообразия выше у женщины-интроверта – две очень «влиятельные» страты, формирующие речевые характеристики.

Рассмотрим использование некоторых частей речи в текстах наших информантов (табл. 25).

Судя по данным таблицы, для экстраверта частота употребления существительных предпочтительна, поскольку это люди, обращенные к объекту, к внешней действительности. Интроверт же обращен «внутри», внешнее для него стоит на втором месте (30%), а состояние описывается через глаголы – доля их достигает 35%. В текстах мужчины-экстраверта используется 20% прилагательных, чему способствуют два сопряженных гуманитарных образования. Например: *Я вижу ее дружелюбной, теплосердечной, участливой, не такой категоричной*. Или: *Супруга должна быть независимой, самостоятельной, инициативной и предприимчивой*.

Таблица 25

Распределение частей речи в текстах информантов, %

Часть речи	Информант А – интроверт	Информант В – экстраверт
Существительное	30	35
Глагол	35	27
Местоимение	19	22
Прилагательное	15	20

Обратимся к синтаксическому уровню (табл. 26).

Таблица 26

Частота употреблений единиц синтаксического уровня, %

Синтаксическая единица	Информант А – интроверт	Информант В – экстраверт
Простое предложение	50	64
Сложносочиненное предложение	10	18
Сложноподчиненное предложение	40	18

Как показано в табл. 26, экстраверт больше употребляет простых предложений, чем интроверт. Кроме того, мужчина (экстраверт) и женщина (интроверт) по-разному строят свои предложения. Экстраверт в меньшей степени показывает социальную обусловленность текста (Усманова, 2002), отсюда в нем 18% сложноподчиненных предложений, тогда как в тексте интроверта – 40%. Кроме того, тексты последнего представлены «женским синтаксисом», где «жемчужины названы одна плотнее другой» (Есперсен, 1986). Экстраверт предпочитает простую, сочинительную, связь предложений: 18% их против 10% у интроверта-женщины.

Эксперимент показал, что на построение текста оказывает влияние страта «экстраверсия / интроверсия», которая сопряжена со стратой «пол». Следующий эксперимент организован для выявления влияния экстраверсии / интроверсии на речь человека. В нем принимали участие 16 информантов: 8 экстравертов и 8 интровертов; мужчин / женщин, филологов / нефилологов в равном количестве. Информантам было предложено пересказать художественный фильм. Исследовался отрезок текста продолжительностью звучания в 3 минуты.

В качестве независимых переменных выступили социобиопсихологические страты (пол, экстраверсия / интроверсия, специальность), а в качестве зависимых – языковые факты на лексическом, морфологическом, синтаксическом и супрасегментном уровнях. Обработка речевой продукции осуществлялась методом дисперсионного анализа (ДА), позволившего оценить влияние значимости / незначимости изучаемой страты на лингвистические признаки разных уровней.

Частная модель социолекта по страте экстраверсия / интроверсия, построенная с помощью ДА, показала заметные различия речи информантов этих двух групп на синтаксическом и супрасегментном уровнях (см. табл. 27). Из семи исследуемых лингвистических признаков синтаксического уровня страта «экстраверсия / интроверсия» имела наибольший *F*-критерий в шести случаях: в сложносочиненном предложении, повторе слов, незавершенном предложении, простом предложении, уточняющей конструкции, при инверсии. И только в одном случае ранг оказался несущественным (инверсия).

Таблица 27

Модель социолекта по страте экстраверсия / интроверсия

Уровни	Лексич. уровень	Морфологический уровень					Синтаксический уровень						Супра-сегментный уровень				
Категории	Эмоц. лексика	Существительные	Прилагательные	Глаголы	Местоимения	Предлоги	Уточн. конструкции	Повторение слов	Инверсия	Незаверш. предл.	Простые предл.	ССП	СП	Паузы	Логич. ударения	Эмоц. паузы	Темп речи
Страты																	
Пол	1	1–2	3	1	1	2–3	3	3	3	3	3	3	2	2	3	2	2
Экстр./интр.	2	3	2	2	3	2–3	1	1	1	1	1	1	3	1	2	1	1
Специальность	3	1–2	1	3	2	1	2	2	2	2	2	2	1	3	1	3	3

На супрасегментном уровне значимыми с рангом 1 оказались такие лингвистические признаки, как паузы, эмоциональные ударения и темп речи. Все остальные ранги лексического, морфологического, синтаксического и супрасегментного уровня оказались несущественными в этой части модели.

Из трех изучаемых страт – пола, экстраверсии / интроверсии, специальности – наиболее существенной, выявляющей особенности речевой продукции индивида оказалась страта «экстраверсия / интроверсия». Дисперсионный факторный анализ силы влияний позволил исследовать как результирующие лингвистические признаки, численное значение которых зависит от конкретного значения социобиопсихологических факторов; вычислить силу влияния каждого исследуемого фактора по его весу в дисперсионном анализе на материале выборочных данных, а также определить значимость и ранг каждого фактора в генеральной совокупности. Модель подтверждает существование стратификации речевой деятельности, определяемой социобиопсихологическими стратами-факторами, посредством которых можно описать языковой опыт различных социальных групп.

Тема 17

Социолингвистическая информация в словарях городской речи

По словам одного из виднейших представителей французской социолингвистической школы Ж. Вандриеса, «только изучая социальную роль языка, можно составить себе представление о том, что такое язык» (Вандриес, 1937, 221). Социальный подход к фактам языка не является новым в истории языкознания, тем не менее он не может быть отнесен к разряду устаревших. Сегодня многие лингвистические вопросы нельзя ни ставить, ни решать, не привлекая к их изучению и интерпретации различные социальные факты.

В ходе изучения городской разговорной речи интересы многих лингвистов, в том числе пермских, связаны не только с описанием той или иной языковой подсистемы, но и с исследованием функционирования языка в речевой деятельности пользующихся этим языком людей. При этом речь рассматривается как достаточно самостоятельное образование, имеющее свой формальный аппарат и семантическую ориентацию. Сущность речевой коммуникации определяется через совокупность отношений в системе социального взаимодействия людей.

Изучение устной речи в различных городах России (Саратов, Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск и др.) позволяет создать теоретическую базу для составления словарей городской диалектологии, где лексикографический прием приобретает ведущее положение. Будучи своеобразным инструментом лингвистического исследования, лексикографирование обладает огромным потенциалом, ибо ориентация на употребление слова способствует созданию словарей, отражающих интересы различных групп его потребителей. Такого рода словари (словари жаргонных слов и выражений, профессиональной лексики, городской речи в целом и др.) ставят перед собой задачу продемонстрировать реальное функционирование лексической единицы в речи.

Как писал академик Л.В. Щерба, чтобы создать хороший словарь, надо понимать и чувствовать язык во всем его многообразии (1974).

В соответствии с традициями русской академической лексикографии в словарях городской диалектологии разрабатываются словарные статьи на лексическом материале живой речи. Используются разные типы и виды толкований, грамматических, стилистических и, главное, социолингвистических квалификаций, показываются системные связи и отношения между словами.

Разделим все словари городской речи на два рода.

I. **Словари одного социолекта.** Такие корпоративные словари популярны в среде лингвистов. Во-первых, это способ обработки и представления определенного слоя лексики, вполне обозримого и достаточно четко структурированного в зависимости от сферы деятельности говорящего; во-вторых, с помощью анкетирования можно достаточно быстро собрать материал.

В большом количестве существуют три типа таких словарей.

1) *«Профессиональные» словари.* В них отражена профессиональная лексика того или иного профессионального коллектива, необходимая для общения, а также для успешной профессиональной деятельности. Как правило, эти словари включают три рода лексических единиц: термины, являющиеся принадлежностью кодифицированного литературного языка, собственно профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, природа которых обусловлена особенностями живой непринужденной речи. Материалы к «Словарю автоспортивной среды Формулы-1», включающему 152 лексические единицы, опубликованы в сборнике «Проблемы социологии и психолингвистики» (2007). В них имеют место все три типа лексических единиц, составляющих профессиональную микросистему речи социальной группы, объединенной общей специальностью. Например:

БУФЕР. Приспособление для смягчения силы удара при столкновении автомобиля с препятствием. Термины в словаре даются без пометы.

ГРАВИЙНАЯ ЛОВУШКА *проф.* Участок, который находится за пределами трассы и служит для гашения скорости болида при вылете с трассы.

ТОРС *проф., жарг.* Корпус болида.

К такого рода словарям отнесем словарь кинологической лексики, составленный Е.К. Саматовой и имеющий своеобразное название «Борзыми ногами спеть по зверю...» (2000). «Словарь содержит более 1500 терминологических единиц (слов и словосочетаний), охватывающих всю сферу данной профессиональной деятельности» (2000, 2). Автор видит цель своего словаря в систематизации и толковании специальных наименований в качестве справоч. В некоторых случаях указана сфера употребления специального наименования: биологическая (*биол.*), коневодческая (*коневод.*), медицинская (*мед.*), разговорная (*разг.*), профессиональная (*проф.*), охотничья (*охотн.*). Например:

АЛЬБИНИЗМ *биол.* (от лат. *albus* – белый). Врожденное отсутствие пигментации кожи, шерстного покрова, радужной оболочки глаз.

БОЙ (*охотн.*). Жесткий грунт, о который борзые «бьют» ноги, травмируют их.

ВЕРХОЧУТ (*разг.*). Гончая собака, преследующая зверя на верхнем чутье, не наклоняя головы и припадая к следу зверя или птицы.

ЛОПАТА (*разг.*). Язык собаки.

ПОИМИСТОСТЬ (*охотн.*). Важное рабочее качество борзой: умение быстро поймать зверя с минимальным числом угонок.

РАХИТ (*мед.*). Болезнь, возникающая в результате недостатка витаминов, влияющих на развитие костного аппарата.

Как видим, система лексики кинологов в некоторых случаях имеет общие единицы с лексикой других сфер деятельности, помеченных как *мед.*, *биол.*, *коневод.* и др. Кроме того, все единицы, помеченные как *разг.*, можно определить как *проф. жарг.*, а помету *охотн.* считать *проф.* Очевидно, это способ введения все тех же трех типов лексических единиц в профессиональную речь и в этом случае кинологическая лексика будет составлять единую лексическую микросистему.

2) *Жаргонные словари*. Как правило, такие словари представляют лексикон школьников, студентов, различных молодежных группировок, военных и т.п., составляющий, по выражению Л.И. Скворцова (1964), характерную черту языка поколения. Приведем примеры.

Словарь молодежного жаргона. Слова и выражения, клички рок-звезд, прозвищ учителей / Под ред. И.А. Стерни-на. Воронеж, 1992.

В него вошли около 1600 слов и выражений, используемых в речи отдельных групп воронежской молодежной среды. Составителями словаря явились студенты Воронежского университета.

Рожанский Ф.И. Сленг хиппи: матер. к словарю. СПб.; Париж, 1992.

Материалы содержат более 600 слов, «вошедших в специфический сленг, который развивается в среде хиппи с конца 60-х годов» (с. 5). Словарь подготовлен на основе речи Москвы, Санкт-Петербурга и других больших городов. И хотя автор считает, что словарь не содержит социологической информации, он по своей специфике относится к словарям социологического типа, ибо фиксирует уникальный язык, обслуживающий молодежный жаргон.

Укажем еще некоторые издания, где описаны жаргонизмы русскоязычного социума.

Юрганов И., Юрганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1977.

Включает 2630 статей, где фиксируется лексика молодежных неформальных групп, а также профессиональных и полупрофессиональных коллективов.

Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. 2 изд., испр. и доп. СПб., 1998.

В словаре широко представлены школьный, студенческий и армейский жаргоны.

3) *Арготические словари*.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов, М., 1992.

В словарь вошли 11000 единиц активной лексики (с. 3), которая собирались практически на всей территории бывшего СССР. Информанты – заключенные, люди с так называемым уголовным прошлым, а также сотрудники правоохранительных органов. Это словарь воровской речи – социолект воров.

Быков В. Русская феня: словарь современного интер-жаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1993.

«Словарь русского арго ориентирован, – заявляет автор, – <...> на отражение общеупотребительной лексики и фразеологии, используемой в целях общения асоциальными элементами» (с. 13). В словарь не включены диалектные слова, слова иных жаргонов (студенческого, спортивного, военного), слова устного литературного языка. В него вошли 3500 слов и выражений, характерных для лексики с 60-х по 90-е годы XX века. Кратко дана история жаргонной лексикографии.

II. Многосоциолектные словари. В них представлена серия социолектов городских социумов. Остановимся только на трех типах таких словарей.

Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осипова, М., 2003.

По объему достаточно представительный словарь – около 12 тысяч словарных статей, написанных на основе картотеки, насчитывающей около 100 тыс. карточек. По охвату языкового материала это словарь народно-языковой речи современного города Омска, включающий «разговорную речь носителей литературной нормы, возрастные и социальные диалекты (жаргоны), бытующие в городе элементы территориальных диалектов (сельских говоров)» (с. 3).

Омск находится в зоне активного влияния диалекта – отсюда около 15% слов составляют диалектизмы (термин авторов словаря). Это толковый словарь с элементами исторических, этимологических, словообразовательных и грамматических сведений, как и полагается толковому словарю. Интересными представляются пометы, отражающие сферу употребления слова:

- *общеупотребительное* – используют все носители разговорной речи, включая владеющих литературной нормой;

- *просторечное* – употребляют люди низкого образовательного уровня;
- *диалектное* – зафиксированное в речи горожан;
- *молодежное* | *детское* – помета возрастных жаргонов;
- *профессиональное* – общая помета для профессиональных жаргонизмов.

Даны дифференцированные пометы для профессиональных жаргонов: *спортивное, военное, медицинское, техническое, школьное, студенческое, уголовное*. Такая социолингвистическая информация представляет несомненный интерес для лингвистов.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р.И. Розиной. М., 1999.

В этом словаре решается научная задача описания процесса демократизации (и даже криминализации). Представлено 450 наиболее частотных слов русского общего жаргона современного крупного российского города. «Под общим жаргоном <...> понимается тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется или, по крайней мере, понимается всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского литературного языка» (с. IV).

«В отличие от известных нам словарей, приводящих примеры “безадресно”, в словаре даны точные ссылки на источник примера; если пример взят из разговорной речи, указывается приблизительный возраст и род занятий говорящего. В тех случаях, когда жаргон употребляет известный журналист, писатель, политический деятель, актер, его имя указывается – в словаре можно найти примеры из речи Д.С. Лихачева, А.И. Солженицына, О. Сысуева, Е.А. Киселева, Л. Парфенова, А. Черкизова и др. Все это позволяет составить точное представление о сфере распространения общего жаргона <...> Словарь может быть полезен тем, кто интересуется состоянием общего жаргона современного русского языка» (с. VI–VII).

Глоссарий пермских локализмов, создаваемый в Пермском университете.

Идея создания словаря, в котором можно доказать локальную вариативность литературного языка, выдвинута Ф.Л. Скитовой, тонким ценителем народного слова. Ей же принадлежит первоначальная разработка принципов создания такого словаря.

В настоящее время в городской речи Пермского края выявлено более 1000 локальных лексических единиц – локализмов. Это лексемы и лексико-семантические варианты, не принадлежащие кодифицированным единицам русского литературного языка, однако употребляемые в локально окрашенной литературной речи пермяков либо в речи жителей пермского региона наряду с другими. Картотека локализмов составила 12600 карточек, подготовлено к публикации 250 словарных статей.

Метод сбора материала включает лексику трех сфер.

1) Диалектные элементы, характерные для местной городской речи. Ср. *чушка* – подбородок. (На занятиях по ПВО): *Это расстояние измеряется от самой глубокой впадины на переносице до чушки (смех). До подбородка.*

В эту группу должны войти слова, обозначающие актуальные в обиходе явления, не имеющие адекватного однословного выражения в общелитературном языке, например: *галить* – выполнять роль ведущего в детской игре; *шаньга* – вид ватрушки; *голик* – веник без листьев; слова, отражающие местный колорит природы и быта, трудовой деятельности, – этнографизмы, например: *катушка* – специально сооружаемая горка для катания с нее; *пэстики* – молодой полевой хвощ, используемый в пищу. К такого рода этнографизмам часто прибегают пермские писатели и поэты.

ВÉКША. *Акч.* – белка; *СПГ* – белка летом.

Осень вспрыгнула огненной векшей
И пропала во мраке лесов.
Над лугами закат отгоревший
Заглушил перезвон голосов.

А. Гребнев. «Осень вспрыгнула огненной векшей...»

Это послужило поводом для включения цитат из художественных и публицистических произведений в словарь пермских локализмов.

2) Городские по происхождению локальные элементы – урбанизмы, например: *проездной* (в Перми) и *карточка* (в Санкт-Петербурге) – билет на право проезда в городском транспорте. Число локализмов, сформировавшихся в городской речи, значительно меньше, чем число диалектных единиц в ней. В наших материалах обнаружено более 50 таких слов, бытующих в Пермском регионе, например: *гётры* – длинные женские вязаные штаны; *лапша, резинка* – женская шерстяная кофта, вязанная «в резинку»; *проездной* – билет, который дает право проезда на месячный срок; *маршрут* – любой вид транспорта определенного маршрута; *однёрка* – трамвай, троллейбус, автобус первого маршрута и др.

3) Единицы, которые квалифицируются словарями современного литературного языка как общерусские просторечные или устаревшие литературные, но, как показывает предварительное исследование, широко используются в речи жителей Пермского края в отличие от других регионов. См., например, словарную статью:

БО́ЛЕ, *нареч.* Более, больше. Как констатируется в Академической грамматике 1960 года, формы степени на -е были распространены в XIX веке и устарели. Этот процесс отражен в БАС: к слову *боле* словарь дает пометы *уст.* и *обл.* Однако рассматриваемые формы функционируют в речи пермских носителей литературного языка: *А сейчас это отделение совхоза «Вишерский». Председатель работает боле 18 лет* (агроном, высш., Красновишерск); *Ну а боле ничего не скажу, потому что не знаю* (пенс., Березники); *Наложу мне в корзинку боле грибов* (юрист., жен., 44 г., Пермь). Фиксируется в поэтической речи: *И чего мне надо боле, если помнит обо всем, если светит чисто поле неп прочитанным письмом...* (А. Гребнев. «Первый снег»).

Круг локализмов, сопровождающихся пометой «устаревшее», достаточно широк. Это позволило предположить, что к числу факторов, обуславливающих и поддерживающих

локализмы, относится неравномерность развития языка, проявляющаяся в территориальной и хронологической проекции.

Нередки случаи, когда локализмы не имеют синонимов в общелитературном языке. Ср.: *лену́ть* – налить в один прием; *ладо́м* – как следует, как положено. Это обстоятельство является одним из существенных факторов, поддерживающих локализмы и их функционирование в литературной речи. Также нередки случаи, когда локализмы используются носителями литературного языка Прикамья в ярко выраженной экспрессивно-стилистической функции. Ср. зафиксированное в речи использование фразеологизма *каждую шишку носил на вышку* – собирал и хранил в памяти много разнообразных сведений.

Энергетическая заряженность локального слова способствует использованию его в своеобразной «языковой игре»: (Шутит) *Тенета? Да по углам у хорошей хозяйки для красоты. У студентов также бывает, чтобы всякие мушки не попадались*. Или: *Фира, кинь мне исподки (варежки) с небрежностью амазонки!*

Локализмы, обладающие энергетической силой, привлекают поэтов и расцениваются ими в качестве своеобразных поэтических ресурсов. См. у А. Крашенинникова:

Видишь: один листок

Не позабылся сном,

Стуже *напоперек*

Алым горит огнем.

Однако в большинстве случаев местные слова и выражения используются в литературной речи горожан неосознанно, поскольку локализмы являются органической частью их идиолексикона с детства. Например, некоторые носители литературного языка нашего региона считают слово *красноголовик* литературным: *Его называют красный гриб в народе-то. А литературное – красноголовик*. Или: *Что? Вот уж никогда не думала, что нарастопашку нелитературное. Я и выговорить не могу: нарастопашку. Да и ассоциации какие-то другие связываются с этим словом*.

Это возродило идею создания словаря локальных элементов – своеобразного социолингвистического глоссария

локализмов. Глоссарий – свод толкований таких слов (глосс), которые малопонятны (устаревшие, диалектные и т.п.). Форма глоссария позволяет достаточно полно описать территориальную и социальную основу, способствующую образованию локальных вариантов устной литературной речи. Глоссарий будет включать около 1000 локализмов, как наиболее употребительных, так и редко (по случаю) используемых. Способ подачи слов преимущественно алфавитный, в некоторых случаях – словарно-гнездовой (как в словаре В.И. Даля). Например:

ВАРНА́К, сущ. Городская речь в двух, основных, значениях этого слова идентична диалектной речи (Акчимский словарь).

1. Плохой человек, способный на преступление.

Диалектная речь	Городская речь
<i>Тут вот ходит варнак, утопил который...</i>	<i>Мы не верили ему; знали, что Степка – варнак (юрист, жен., 44 г., Пермь);</i> <i>Варнак – бродяга, опасный элемент (преподаватель, высш., Пермь).</i>

2. *бран.* Обычно о детях, животных.

Диалектная речь	Городская речь
<i>Ах ты, варнак непослушный, никак не подчиняешься, не слушаешься!</i>	<i>Какой-то варнак вытоптал клумбу! (инженер, 25 л., Пермь);</i> <i>А ну, варнак, поди сюда! Что ты опять натворил? (воспитатель д/с, ср./спец., жен., 30 л., Кунгур).</i>

Усилительной к *бран.* **варнак** в городской речи отмечена форма **варначище** (в Акчим. говоре – **варначина**), преимущественно о детях, котях, собаках: Ах ты варначище-то! Добрался-таки до сметаны! (Березники); Ну и ребенок, настоящий варначище! (воспитатель, ср./спец., жен., 43 г., Добрянка).

Кроме того, есть случаи фиксации усиления экспрессии во фразеологических сочетаниях типа **варнак варнаком**: *Варнак варнаком растет. Без царя в башке. Да что с него взять? Безотцовщина* (Березники). Используется также восклицание, выражающее упрек, **варнак этакий**: *Ах, что это такое? Вот я тебе, вот я тебе. Варнак этакий! Разбил*

утог, да? Где я новый возьму? (коту, сбросившему утог) (секретарь-машинистка, ср./спец., жен., 30 л., Пермь). В пермских говорах фиксируется в форме **варнак (варначка) этакий (этакая)**. Используется в том же значении. Ср.: «Люська, чё ты наделала! Варначка ты этакая!» (Прокошева, 2002). Как и в диалектах, слово широко употребительно и территориально (фиксируется в Перми, Кунгуре, Чусовом, Чернушке, Березниках, Березовском р-не, ст. Кын, Добрянке, Частинском р-не), и социально (характерно для речи преподавателей разных специальностей и образования, инженеров, юристов, библиотекарей, журналистов и др.).

Фонетические, словообразовательные и грамматические варианты подаются в одной словарной статье на ведущий вариант. На каждый из других вариантов на соответствующем алфавитном месте приводится отсылочная статья. Устойчивые сочетания всех типов занимают место в соответствии с первым словом.

Особое внимание в глоссарии уделяется разработке словарной статьи, которая дала бы возможность представить в комплексе основные параметры слова как объекта лексикографического описания и как субъекта речевой деятельности, поскольку в языковой способности человека слово живет как сложный комплекс.

В связи с этим словарная статья на локальное слово или выражение должна иметь следующие компоненты: заголовочное слово в орфографической записи с обозначением ударения; определение значения слова в форме дефиниции или литературного синонима; грамматические и стилистические пометы; данные словарей, свидетельствующие о локальном характере слова; иллюстративный материал, включающий цитаты из живой обиходной литературной речи, устной публичной речи и произведений художественной литературы, преимущественно уральских писателей; социологические данные, указывающие на среду бытования локализма. Приведем еще несколько словарных статей.

В ДЕНЬ, В НОЧЬ. Фразеологическое наречное сочетание имеет в городской речи значение «в дневную (вечернюю)

смену». Широко известно в разных группах городских жителей: *На этой неделе я в день* (математик, Пермь); *Аня сегодня в день работает* (студент филфака, 19 л., Пермь); *Вы сегодня в день работаете?* – *Нет, в ночь* (врач, высш., Краснокамск). В диалектной среде не зафиксировано. Есть основание считать, что данное сочетание возникло в городской речи по литературной модели **в + существительное**; такое наречное сочетание указывает на способ, характер действия, состояние (МАС).

ВЗАД, нареч. В направлении к задней части чего-либо, назад. *Это мы сами конструировали. Отнесли этот бункер взад. И один – вперед. Компоновка не устраивала* (инженер, высш., муж., 45 л., Оханск); *Взад оглянулась: безвозвратно ушла молодость* (пенсионер, жен., 62 г., Красновишерск); *Здесь очень тесно. Пройдите взад* (проф. работник, ср./спец., жен., 38 л., Чайковский); *Отправляйся взад, что ты торчишь на первой парте* (учитель нач. кл., ср./спец., 39 л., Чернушка).

Нормативными словарями квалифицируется как «разговорное», толкуется: «в обратном направлении, назад», сопровождается указанием, что употребляется оно лишь в сочетаниях *взад и вперед, ни взад ни вперед*. Следовательно, реализующееся в свободных синтаксических сочетаниях пермское *взад* противоречит нормам литературной речи и выступает как словообразовательный локализм.

БЕРЁСТО, ср. р. Верхний слой коры березы. *Мама, ты куда берёсто положила?* (инф. ср. обр., Соликамск); *Не могу спокойно смотреть на берёзы, на их ослепительно белое берёсто. Прелесть!* (врач, Нытва); *Тусок из берёста* (инф. ср. обр., Пермь). Форма среднего рода широко бытует в пермских говорах, городском просторечии и нередко фиксируется в речи носителей литературного языка.

ПЛАЦКАРТ, суц., м. р. Плацкарта (из нем. *Die Platzkarte*). В пермской речи это существительное используется в значении 'билет на право занимать спальное место при поездке по железной дороге'. *Дорога-то неблизкая. Давай иди и купи уж плацкарт* (инженер, 48 л., высш., Чайковский); *Купила плацкарт и укатила в Москву* (филол., 60 л., ср./спец., Пермь).

Лексикографирование обладает огромным потенциалом, будучи своеобразным инструментом лингвистического исследования. Ориентация на употребление слова способствует созданию словаря, отражающего интересы различных групп его потребителей: пермских учителей и учеников, студентов и преподавателей, лиц, изучающих неродной язык на продвинутых этапах обучения, писателей, артистов, журналистов и всех тех, кому дорого живое слово. Это будет словарь социально-речевого престижа.

Тема 18

Актуальные смыслы концепта «любовь» в представлении горожан

Исследование концепта в русской лингвистике проводится на самом различном материале в пределах самых различных научных направлений. Причиной такого пристального интереса является, по-видимому, то обстоятельство, что информация, заключенная в концепте, чрезвычайно многогранна. Она дает сведения не только об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами, но и о носителях концепта – обществе и индивиде.

Мы проанализируем концепт «любовь» как один из ключевых концептов ментальности вообще и русской в частности. Исследование проводилось на основе данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с уроженцами Перми (32 чел.), представленными четырьмя группами: две группы мужчин и женщин до 35 лет; две группы мужчин и женщин после 35 лет. Эксперимент производился в письменной форме: анкетирваемым следовало написать, какие ассоциации вызывает у них слово «любовь», ограничившись 20–25 словами. В результате собран достаточно представительный материал – более 400 реакций. Обработка реакций велась следующим образом. Полученные ассоциаты с помо-

щью метода контент-анализа объединялись в более крупные смысловые единицы, определяющие актуальные смыслы ключевого слова.

Рассмотрим ассоциативные реакции, полученные в каждой из четырех групп.

1. Информанты-женщины. Возрастная группа до 35 лет.

Выявлены следующие актуальные смыслы концепта «любовь», которые приводятся в порядке убывания количества употреблений.

1. Секс, сексуальность – 12.
2. Красота – 9.
3. Самопожертвование, самоотдача – 9.
4. Преданность, верность – 8.
5. Радость, счастье – 8.
6. Страсть – 7.
7. Жизнь, необходимость – 6.
8. Гармония, личностный рост – 6.
9. Родные, близкие, ребенок – 5.
10. Болезнь – 4.
11. Возвышенность, полет – 4.
12. Смелость, свобода – 3.
13. Сентиментальность, переживания – 3.
14. Восхищение, восторг – 3.
15. Краткость, мимолетность – 2.
16. Цвет.
17. Святость – 2.
18. Другое: истина (1), желание (1), страх (1), гордость (1), судьба (1).

Отвечая на вопрос анкеты, женщины пытаются составить связный рассказ, цитируют, используют метафоры. Например, ответ информанта № 3 (26 л., высш. филол. образ.): *«Любовь – это близкий человек, которому можно простить все, для которого можно сделать все. Это мама, материнская любовь – счастье на всю жизнь. Любовь мужчины – относительна. Любовь к детям – хотелось бы испытать на*

себе. Любовь – прекрасное чувство, розовые очки, ощущение полета, страх потерять это счастье». Информантом отмечаются различные объекты любви – мама, мужчина, дети – с оценочной их характеристикой. Информант № 8 (28 л., высш. мед. образ.) при ответе на вопрос обращается к цитации, сравнению и метафоре: *«Вертинский сказал, что любить – это отдавать себя на милость изначального врага; отдавать себя по частям»;* *«как будто перед тем как налететь и разбиться о стекло»* (сравнение); *«птица с высоким полетом», «крылья белые», «два ангела с печальными глазами»* (метафоры).

Несомненно, что многие информанты используют синонимы, объясняя смысл концепта «любовь». См. ответ информанта № 7 (25 л., неоконч. высш. образ.): *«нежность, нега, блаженство»*, для информанта № 2 (28 л., высш. филол. образ.): *«болезнь, обреченность, безумие»*. Есть попытка описать любовь при помощи цветовых ощущений: *«крово-красный»* (инф. № 2); *«белый снег»* (инф. № 8). При возникновении таких ассоциаций имеет место личный опыт испытуемого.

Для информанта № 6 (30 л., неоконч. высш. юр. образ.) важное значение имеют тактильные ощущения: *«губы, руки, тепло, котенок, обнять, теплый песок»*. Здесь же описание своих ощущений, связанных с чувством любви: *«минуты счастья», «взаимопонимание, легкость»*.

Обобщая полученные данные, отмечаем, что для этой группы информантов наиболее важными представлениями, заложенными в концепте «любовь», являются *секс, красота, самоотдача, верность, радость*.

2. Информанты-женщины. Возрастная группа после 35 лет.

Актуальные смыслы концепта «любовь» в этой группе распределились следующим образом.

1. Преданность, взаимопонимание – 10.
2. Страсть, нежность – 8.
3. Самопожертвование, забота – 6.
4. Радость, счастье – 6.
5. Возвышенность, полет, иллюзия (мечта) – 5.

6. Гармония, личностный рост – 5.
7. Секс, сексуальность – 4.
8. Красота – 3.
9. Жизнь, солнце – 3.
10. Родные, близкие, ребенок – 3.
11. Желание – 3.
12. Созидание – 3.
13. Сентиментальность – 2.
14. Восхищение, восторг – 2.
15. Болезнь, безумие – 2.
16. Доброта – 2.
17. Другое: свобода (1), гордость (1), судьба (1), ожидание (1), уют и комфорт (1), святость (1).

При обработке результатов ассоциативного эксперимента в данной группе во многом выделяются те же ключевые ассоциаты. Однако расстановка их приоритетов иная, как показывает частотность употребления.

На первом месте теперь ассоциат *преданность* и *взаимопонимание*, а ассоциат *секс* и *сексуальность* занимает седьмое место среди ключевых ассоциатов этой группы. Стабильно третье место занимает в обеих группах ключевой ассоциат *самопожертвование, забота*. На втором месте – ассоциат *страсть, нежность*, а не *красота*, как мы определили в первой группе.

Общим отмечается и ассоциат *радость, счастье* (5 и 4 место соответственно в 1 и 2 группах женщин).

Более значимыми для этой группы женщин оказывается ключевой ассоциат *страсть, нежность* (2 место), а также *гармония, личностный рост* (6 место). Вводятся новые ключевые смыслы: *иллюзия (мечта)* (инф. № 14 – 45 л., высш. техн. образ.; инф. № 15 – 40 л., высш. техн. образ.); *созидание* (инф. № 10 – 36 л., высш. гум. образ.) и как противоположное – *хаос* (инф. № 15); *уют, комфорт* (инф. № 10), *доброта* (инф. № 11 и № 14), *ожидание* (инф. № 10). Появилась в ответах на анкету попытка описать идеал мужчины, который вызвал бы чувство любви: *«умный, приятный, нежный, чистый, бескорыстный, внимательный, верный, достойный, аккуратный,*

знающий меру, понимающий, имеющий свою точку зрения и свое мнение, коммуникабельный, ласковый» (инф. № 11 – 42 г., ср. гум. образ.); *«внимательный, заботливый, обходительный, любимый»* (инф. № 13 – 42 г., неоконч. высш. образ.); *«милый, прекрасный, заботливый, умный, любимый, единственный, необычный, ласковый»* (инф. № 14).

В поведенческих характеристиках есть попытка описать любовь как некое действие: *«обнять, поцеловать, покорить, удивить, побаловать, делать сюрпризы, дарить подарки, обольщать»* (инф. № 13); *«гореть, желать, ждать, бежать, делать, любить, стараться, быть, отвечать, обещать»* (инф. № 15); *«безусловная поддержка в любой жизненной ситуации»* (инф. № 16).

Итак, пять первых ключевых ассоциатов в этой группе женщин – *преданность, страсть, самопожертвование, радость, иллюзия*. Анализ результатов анкетирования демонстрирует и общие, и индивидуальные особенности актуальных смыслов концепта «любовь», обусловленные возрастом в одной биосоциальной группе.

3. Информанты-мужчины. Возрастная группа до 35 лет.

Актуальные ключевые ассоциаты группы мужчин в данной возрастной группе следующие.

1. Уют, комфорт, деньги, блага – 11.
2. Страсть, эмоции, переживания – 10.
3. Секс – 10.
4. Законность отношений, ответственность, забота – 10.
5. Партнерство – 6.
6. Радость, счастье – 4.
7. Компоненты любви (поступки, цветы, подарки) – 4.
8. Родные, друзья – 4.
9. Любовь к Родине, Отчизне – 2.
10. Верность, преданность – 2.
11. Другие: соперничество (1).

Как видим, приоритетными ассоциатами концепта «любовь» в группе мужчин до 35 лет являются *комфорт, страсть, секс, законность отношений, партнерство*. Появ-

ляются и такие смыслы концепта, как *любовь к Родине, Отчизне* (инф. № 4 – 31 г., высш. юр. образ.); *соперничество* (инф. № 8 – 28 л., ср./спец. образ.; инф. № 7 – 21 г., высш. техн. образ.); *деньги* (инф. № 3 – 31 г., высш. экон. образ.); *разочарование, скука* (инф. № 6 – 22 г., высш. техн. образ.; инф. № 8).

Если сравнивать ответы мужчин и женщин по одной возрастной страте, то общим актуальным ассоциатом для исследуемого концепта является ассоциат *секс*, в ответах женщин обозначенный как *сексуальность, близость, соблазн, жар* и др. В отличие от женщин, для которых актуален смысл *красота* в этом концепте, в ответах мужчин нет ни одной такой ассоциации. Зато мужчины этой возрастной группы придают большое значение *законности отношений*, поэтому в ответах информантов встречаем ассоциаты *свадьба, жена, семья*; часто упоминаются сопровождающие компоненты любви: *«цветы, подарки, солнце, вода, звезды, прогулки», «музыка, цветы, природа, сок, отдых, лето»*. Если для женщин такой же возрастной группы характерна попытка составить связный рассказ, то ответы мужчин отличаются потоком ассоциаций, связанных с ощущениями, чувствами: *«нежность, чувства»* (инф. № 1 – 21 г., неполн. высш. экон. образ.); *«тело, уверенность»* (инф. № 3); *«доверие, переживания, радость»* (инф. № 4). Или попытка разъяснить чувство: *«ответственность за близкого человека», «самопожертвование во имя любимого человека»* (инф. № 4); *«чувство дома»* (инф. № 5 – 22 г., неоконч. высш. образ., товаровед).

Итак, для мужчин данной возрастной группы *любовь* – это прежде всего долг, ответственность, «чувство дома», узаконенность отношений, стабильность, самореализация.

4. Информанты-мужчины. Возрастная группа после 35 лет.

Ответы 8 информантов этой возрастной группы представлены следующими ключевыми ассоциатами.

1. Страсть, нежность – 9.
2. Верность, постоянство, законность отношений – 6.
3. Женщина, женственность – 6.

4. Эмоции, переживания – 5.
5. Секс, сексуальность – 5.
6. Компоненты любви – 4.
7. Жизнь, необходимость – 4.
8. Самопожертвование – 3.
9. Уют, комфорт – 3.
10. Самореализация, деньги – 3.
11. Радость, счастье, восторг – 3.
12. Партнерство, дружба – 2.
13. Красота – 2.
14. Другое: любовь к Родине, долг (1).

Стандартными реакциями являются *жизнь, секс, взаимопонимание, компоненты любви*. С возрастом меняется отношение к любви, появляются в ответах такие ассоциаты, как *доброта, жизнь, необходимость, вечность*. Некоторые информанты-мужчины, как и женщины, дают реакции через цветное восприятие: «*белое, розовое*» (инф. № 10 – 43 г., высш. гум. образ.). Появляется описание концепта с помощью синонимического ряда: «*радость, счастье*», «*печаль, тоска*», «*муки терзания, страдания*», «*вечное или постоянное*», «*доминирующее над “ЭГО”*», «*самоотдача, самопожертвование*». Концепт наполняется таким смыслом, как *раскованность*: «*без запретов*», «*безрассудство*».

Для мужчин младшей возрастной группы актуальны такие способы проявления любви, как *поступки, долг*; для представителей старшей возрастной группы любовь соотносится с эмотивной окраской, пережитыми чувствами.

Сопоставление реакций мужчин и женщин выявляет смысловые нюансы изучаемого концепта. Для женщин, например, *страсть* – это *ласки, нежность, поцелуи*; для мужчин – главное *раскованность, свобода*. Если у женщин *сексуальность* представлена такими реакциями, как «*двое, близость, теплые руки, жар, ночь, соблазн*», то у мужчин – это «*женщины, любовницы*». Для женщин *преданность* – «*верность, дружба, доверие*»; для мужчин – «*взаимопонимание, надежность*». Важное значение для мужчин имеет *самореализация*, которая связана у них с материальными благами –

«деньги, машина». У женщин ассоциат *реализация* не включает материальные блага; для них это – *«прелесть, блеск, утонченность»*.

Итак, исследование корпуса ассоциаций биосоциальной группы городских жителей двух возрастных страт выявило как общие, универсальные слои концепта «любовь», так и специфику его преломления у разных индивидов. Являясь ключевым в языковой картине мира говорящих, данный концепт отражает дифференцированные представления индивидов об окружающей социальной сфере, выявленные с помощью методики свободного ассоциативного эксперимента.

Тема 19

Концепт «Пермь» по данным свободного ассоциативного эксперимента

Исследователями, работающими в русле психолингвистики, было обосновано понятие ассоциативного значения слова. Под ним понимают специфическую внутреннюю структуру, глубинную модель связей и отношений, «которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе “когнитивной организации” его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» (Залевская, 2000, 105).

Ассоциативное значение выявляется с помощью ассоциативного эксперимента, особенность которого заключается в том, что он позволяет обратиться непосредственно к интуиции носителей языка. «Явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений» (Караулов, 1994, 7).

Ассоциации, полученные в ходе эксперимента, могут быть организованы в значимые для концепта тематические группы. На основе тематических групп ассоциатов создается ассоциативное поле концепта.

В 2007–2008 годах был проведен свободный ассоциативный эксперимент с целью сбора информации о реальных составляющих концепта «Пермь» в наивном сознании горожан. Эксперимент проводился в письменной форме. Испытуемым предлагалась анкета, состоящая из социологической части (указывается год рождения, место рождения, образование, профессия, пол) и собственно лингвистической, в которой сформулировано задание: «Назовите пять слов и выражений, которые первыми приходят в голову, когда Вы слышите слово “Пермь”».

Было получено 200 заполненных анкет, где зафиксировано 1626 реакций. За одну реакцию принималось как одно слово (например, *театр*), так и словосочетание (*холодная погода*) либо выражение (*город без хозяина*). Словесные реакции разделены на тематические группы, которые составили ассоциативное поле восприятия концепта «Пермь». Смысловым центром этого поля является словосочетание-реакция *моя Родина* (59 реакций) и его варианты: *мой город* (56 реакций), *город на Каме* (41 реакция), *дом* (25 реакций), *очаг* (18 реакций), *жители города* (6 реакций), *коренные жители Перми* (5 реакций) – всего 210 реакций, которые практически обязательно присутствуют во всех 200 анкетах. Остальные реакции распределились по четырем тематическим группам: культура, оценка облика города и горожан, география и природные условия, история и современность. Словесные реакции, не представленные в тематических группах, единичны. Это *бывшее место работы, память, экологическая катастрофа, соледобыча, вышитый сарафан* (5 реакций). И другие – всего 0,4%.

I. Тематическая группа **культура** объединяет разные стороны духовной и материальной культуры. Она представлена пятью микрополями. Выделяются следующие микрополя: перифрастические номинации; архитектурный облик города; театры, музеи; скульптура; религия (см. табл. 28).

Тематическая группа «культура»

Микрополе	Реакция	Количество реакций
Перифрастические номинации	Столица балета	24
	Культурная столица Прикамья	11
	Культурная столица Поволжья	5
	Культура	3
	Культурный центр	1
Всего		44
Архитектурный облик города	Парк Горького, «огород»	32
	Набережная	15
	Сквер у оперного театра	14
	Фонтан около драмтеатра	13
	Вокзал «Пермь 2»	9
	Рынок	7
	Камский мост	7
	Эспланада	5
Достопримечательности	Достопримечательности	2
	Зоопарк	1
	Всего	105
Театры, музеи, музыка	Музеи	24
	Хохловка	13
	Галерея	7
	Пермский театр оперы и балета	47
	Оперный театр	41
	Балет (пермский балет)	47
	Хорошие театры	35
	Театры	23
	Дягилев	25
	ТЮЗ	25
	Органный зал	19
Европейский музыкальный театр	9	
Всего		315
Скульптура	Памятник героям фронта и тыла (у драмтеатра)	15
	Памятники	14
	Памятник Пушкину	9
	Уральская Царь-пушка	2
	Доисторические памятники	1
Всего		41
Религия	Стефан Великопермский	3
Всего		3

Таким образом, культура является важной составляющей восприятия концепта «Пермь». Реакции на явления культуры отличаются самым большим числом и разнообразием. В этой группе выделяются конкретные реалии города, в первую очередь *пермский балет, оперный театр, парк Горького, ТЮЗ, набережная, органный зал, памятник героям фронта и тыла* и др.

II. Тематическая группа **оценка облика города и горожан** отражает отношение респондентов к своему городу и горожанам. Она включает 350 реакций и распадается на два больших микрополя. Первое – **оценка облика города** – охватывает 3 более мелких микрополя: эмоциональная оценка облика города (152 реакции), эстетическая оценка города (23), общая оценка города (72) – табл. 29.

Таблица 29

Тематическая группа «оценка облика города»

Микрополе	Реакция	Количество реакций
Эмоциональная оценка облика города	Грязный	38
	Отсталый	34
	Удивительный	32
	Скучный	31
	Старый	15
	Недосягаемый	1
	Пчелиный улей	1
Всего		152
Эстетическая оценка города	Красивый	13
	Красивый город	10
Всего		23
Общая оценка города	Замечательный	16
	Провинциальный	15
	Необходимо проявлять бдительность	15
	Миллионный	15
	С большими возможностями	7
	Европейский город	2
	Отстает в ИТ-технологиях	1
	Большие расстояния	1
Всего		72

Второе микрополе – **горожане** – характеризует пермяков с точки зрения их качеств, внешнего облика, а также социальных характеристик. Определяется 103 реакциями (табл. 30).

Таблица 30

Тематическая группа «оценка облика горожан»

Микрополе	Реакция	Количество реакций
Горожане	Красивые девушки, красотки	17
	Доброжелательные люди	14
	Хорошие люди	11
	Пермяк – соленые уши	9
	Земляки	8
	Спившееся население	7
	Сильные	7
	Целеустремленные	7
	Деловые	6
	Крепкие	5
	Привычные к морозам (с румянцем)	3
	Хитрые	3
	Бездуховная молодежь	2
	Глупость	2
	Любящий выпить	1
	«Колхозники»	1
Всего		103

III. Следующая тематическая группа – **география и природные условия**. Всего получено 283 реакции, которые указывают на местоположение города (45 реакций), а также на климатические условия (238), обусловленные его географическим положением (см. табл. 31).

IV. В группу **история и современность** входят реакции на слово *Пермь*, так или иначе отражающие прошлое и настоящее, – 270. В группе можно выделить следующие микрополя: названия улиц (189 реакций), сегодняшний день (81), управление города (20), промышленные объекты (13), наука и образование (53) – см. табл. 32.

Таблица 31

Тематическая группа «география и природные условия»

Микрополе	Реакция	Количество реакций
География и природные условия	Кама	45
	Плохой климат	44
	Плохая погода	41
	Холодно	35
	Вечный «дубак»	31
	Собачий холод	25
	Дождь (дожди)	42
	Дождливая погода	19
	Радуга (но только летом)	1
Всего		283

Таблица 32

Тематическая группа «история и современность»

Микрополе	Реакция	Количество реакций
Названия улиц	Ленина	39
	Комсомольский проспект	35
	Компрос	31
	Коммунистическая	28
	Сибирская	21
	Карла Маркса	19
	Советская	16
Всего		189
Сегодня	Юбилей ³	45
	Отсутствие дорог, бездорожье	32
	Современная Пермь	19
	Современность	16
	Строящийся город	13
	Пробки	8
	Магазины	5
	Вечная стройка	2
	Пермь погибает и не является столицей Урала	1
Индустриальный	1	
Всего		81
Управление города	Столица Урала	9
	Администрация города	9
	Неквалифицированная администрация	1
	Полное отсутствие «хозяина города»	1
Всего		20

³ Высокая частотность связана со временем проведения эксперимента – в преддверии празднования 285-летия города.

Микрополе	Реакция	Количество реакций
Промышленные объекты	Велозавод	5
	Пароходы	1
	Химический завод	1
	ПНОС	1
	ЛУКОЙЛ	1
	Промышленный центр	1
	Мегаполис	1
	Пермские моторы	1
Пермская кондитерская фабрика	1	
Всего		13
Наука и образование	Студенческий город	31
	Университет	9
	Хорошее образование	9
	Развивающаяся медицина	3
	Большие возможности для моего образования	1
Всего		53

Итак, составляющие восприятия горожанами концепта «Пермь» определяются следующим образом (рис. 11).

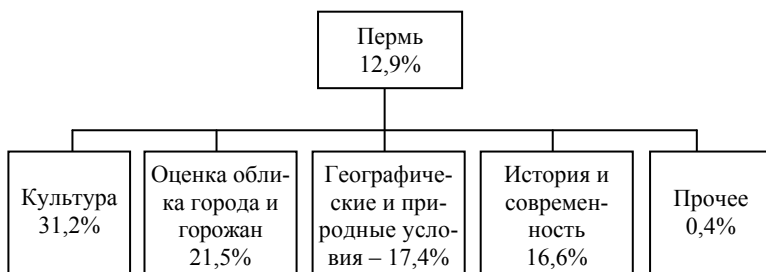

Рис. 11. Концепт «Пермь» в восприятии горожан

Это обыденный тип концепта. В центре поля концепта находятся составляющие концепта «Пермь» – *мой город* (и варианты). Самый большой процент (31,2%) имеет составляющая *культура*, в основе которой лежат два микрополя: театры, музеи (315 реакций), архитектурный облик города (105). По ним, как правило, можно судить о культурных стереотипах, в соответствии с которыми строятся тематические

группы: *культура* – театры, музеи и некоторые архитектурные сооружения; *парк Горького, набережная, сквер у оперного театра, фонтан у драмтеатра* – любимые места отдыха горожан. Скупое представлены микрополя «скульптура» и «религия» (что представляется удивительным).

Словесные реакции на стимул «Пермь» позволяют составить в целом положительное впечатление о городе и горожанах, однако наличие отрицательной оценки (общее количество реакций – 149, среди которых *грязный, спившееся население, бездорожье, слабая администрация*) свидетельствует о неоднозначном восприятии стимула. Негативному восприятию города способствует и отрицательная оценка климатических условий территории (238 реакций).

Микрополя тематической группы **История и современность** разнообразны, хотя историческими сведениями информанты не владеют либо они не находятся «в светлом поле сознания» горожан.

Итак, пилотажный ассоциативный эксперимент выявил обыденное представление концепта «Пермь», раскрыв в его содержании важнейшие черты знания, накопленного в культуре народа.

Литература

- Акчимский словарь – Словарь говора д. Акчим Красновшерского района Пермской области / Гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1984–1999.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 339 с.
- Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования. Пермь, 1998.
- Ахманова О.С. и др. О точных методах исследования языка / О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, Е.В. Падучева, Р.М. Фрумкина. М., 1977.
- Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 3–22.
- Барнет В. Дифференциация языка и социальная коммуникация // Новое в зарубежной лингвистике: теория литературного языка в работах чешских ученых. М., 1988. С. 189–197.
- БАС – Большой академический словарь: в 17 т. М., 1948–1965.
- Белов А. Формула темперамента // Знание – сила. 1971. № 9. С. 54.
- Бельчиков Ю.А., Солганик Г.А. О лексикографических названиях адресной направленности // Облик слова: сб. ст. пам. Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991. 480 с.
- Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.
- БСРЖ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000. 720 с.
- Быков В. Русская феня: словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1993.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь: [А – Я] / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997. 1408 с.
- Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю. М., 1937.

- Вербицкая Л.А. Вариантность нормы и типов произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы: межвуз. сб. СПб., 1997. Вып. 3.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М., 1938.
- Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
- Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1977.
- Грумадене Л.А. Проблемы социальной обусловленности речевого варьирования: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1982. 16 с.
- Даль В. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории. М., 1977.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. 268 с.
- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р.И. Розиной. М., 1999.
- Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2005.
- Ерофеева Е.В. Лежит ли язык вне меры и числа? К вопросу о вероятностной природе социолингвистических сущностей // Язык и речевая деятельность. СПб., 2001. Т. 4. Ч. 1. С. 143–160.
- Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. Пермь, 1997.
- Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Грачева И.И. Городские социолекты: пермская городская речь: звучащая хрестоматия. Пермь; Бохум, 2000.
- Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 2002.

- Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
- Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность разговорной речи у лиц, владеющих литературным языком (анализ записей речи пермской интеллигенции): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан: территориальный, социальный и психологический аспекты. Свердловск, 1991.
- Ерофеева Т.И. Современная городская речь. Пермь, 2004.
- Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
- Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное описание / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.
- Ерофеева Т.И., Загоруйко Ж.С. Дифференциация речевой продукции по полу говорящего // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. Челябинск, 1999.
- Ерофеева Т.И., Овчинникова И.Г. Языковая ситуация в Прикамье как социолингвистическая проблема // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. Пермь, 2003. Вып. 2. С. 13–15.
- Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 1992.
- Есперсен О. Язык: его суть, происхождение и развитие. М., 1986. 321 с.
- Живое слово в русской речи Прикамья / Отв. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1969–1993. Вып. 1–12.
- Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1982. 80 с.

- Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2002.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М., 1993. С. 90–157.
- Игнаткина Л.В., Литвачук Н.Ф. Вариативность фонетических характеристик речи в зависимости от социальных факторов // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 138–144.
- Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь (РАС). Кн. 1. М., 1994–1996. С. 191–218.
- Каринский Н.М. Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры // Ученые записки Института языка и литературы. 1929. Т. 3. С. 43–54.
- Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / Ин-т социологии РАН. М., 1999. 189 с.
- Клименко А.П. Психолингвистические методики значений // Методы изучения лексики. Минск, 1975. С. 52–56.
- Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.
- Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1966. 223 с.
- Колесов В.В. Язык города. М., 1991.
- Колодкина Е.Н., Мошанова Т.Л. Некоторые средства выражения эмоциональности (на материале лексики английских и американских подростков) // Психолингвистические исследования. Калинин, 1983. С. 54–60.
- Колчанов А.П. Старина оханская. Пермь, 1962. 248 с.
- Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980. 149 с.
- Краткий психологический словарь. М., 1985.
- Краткий словарь по философии. М., 1988.

- Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных обществах (постановка вопроса) // Язык и личность. 1989а. С. 78–86.
- Крысин Л.П. Региональное варьирование современного русского языка // Русский язык в национальной школе. 1986. № 11. С 9–14.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989б.
- Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / Ин-т языкознания РАН; отв. ред. Ю.А. Сорокин, А.М. Шахнарович. М., 1975. С. 186–199.
- Кузьмина С.А. Интерконтекстуальность поэтических текстов. Омск, 1999.
- Лабов У. Исследование языка в социальном контексте // Новое в лингвистике: социолингвистика. М., 1975. Вып. 7. С. 96–182.
- Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. Л., 1931. Вып. 7. С. 1–20.
- Ларин Б.А. История русского языка и общего языкознания. М., 1977.
- Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города: несколько предпосылок // Известия государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 175–185.
- Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып 3. Л., 1928.
- Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М., 1971. С. 7–19.
- Литературный язык и народная речь: межвуз. сб. науч. тр. / Науч. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1977–1991. Вып. 1–6.
- Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

- Ломов В.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Мартынюк А.П. «Женская» речь и проблемы общения // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1987. № 312. С. 30–34.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985–1988.
- Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
- Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции: сб. Единоименный УРСС, 2000. 400 с.
- Морено Дж. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.
- Мошева А.А. Прилагательные цвета в народном говоре (внутриадъективное словообразование) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1974.
- Мухина В.С. Психология детства и отрочества. М., 1998. 488 с.
- Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста. Пермь, 1998.
- Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. 2 изд., испр. и доп. СПб., 1998.
- Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы. М., 1976.
- Общая психология / Под ред. В.В. Богословского. М., 1981. 333 с.
- Ожегов С.И. О формах существования русского национально-го языка // Вопросы культуры речи. 1966. Вып. 7. С. 5–8.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1946, 1972, 1989.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 278–297.
- Осовецкий И.А. Диалектная лексика в произведениях художественной литературы 50–60-х гг. // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

- Павлов И.П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека // Полное собрание сочинений. М.; Л., 1951. Т. 3, кн. 1. 392 с.; кн. 2. 439 с.
- Пазухин Р.В. О месте языка в семантической классификации // Вопросы языкознания. 1968. № 3.
- Петерсон М.Н. Язык как социальное явление // Ученые записки Института языка и литературы. М., 1927.
- Платонов К.К. Занимательная психология. М., 1962. 327 с.
- Плохинский Н.А. Биометрия. М., 1970.
- Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Полякова И.М. Профессионализмы металлургов, основанные на общеупотребительной лексике (на материале речи работников Магнитогорского металлургического комбината) // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.
- Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины / Под ред. О.С. Ахмановой. М., 1971.
- Принципы и методы социолингвистических исследований. М., 1989. 198 с.
- Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. Пермь, 2002–2009. Вып. 1–12.
- Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 432 с.
- Психологический словарь. М., 1996.
- Псковский словарь – Псковский областной словарь. Л., 1967.
- Рожанский Ф.И. Сленг хиппи: матер. к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- Русская спонтанная речь коми-пермяков: звучащая хрестоматия / Коллектив авторов; науч. ред. Т.И. Ерофеева; Департамент внутренней политики администрации губернатора Пермского края; Перм. ун-т. Пермь, 2007.
- Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М., 1968. Кн. 1–4.
- Русский язык по данным массового исследования: опыт социально-лингвистического исследования / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.

- Саматова Е.К. Борзыми ногами спеть по зверю...: словарь кинологической лексики. Екатеринбург, 2000.
- Сергиевский М.В. Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI – XVII вв. // Ученые записки Института языка и литературы. М., 1927. Т. 1. С. 22–35.
- Скворцов Л.И. Об оценках языка молодежи // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.
- Скворцов Л.И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. 1972. № 1.
- Скитова Ф.Л. К вопросу о территориальном варьировании современного русского литературного языка // Материалы VIII зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Шадринск, 1968. С. 14.
- Словарь Бронникова – Словарь жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи уголовно-преступным элементом / Сост. А.Г. Бронников. Пермь, 1977.
- Словарь Вакутина – Словарь жаргонных слов и выражений: татуировки / Сост. Ю.А. Вакутин. Омск, 1979.
- Словарь молодежного жаргона: слова и выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 1992.
- Словарь пермских говоров. Пермь, 2000.
- Словарь Потапова – Потапов В.М. Словарь жаргона преступников: блатная музыка. М., 1927.
- Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осина. М., 2003.
- Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
- Словарь студенческого жаргона: рукопись. Пермь, 1985.
- Словарь тюремно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.
- Соликамский словарь – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.

- Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50–57.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Л.; М., 1965–1992. Вып. 1–27.
- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.
- Столярова А.Э. О функционировании прилагательных в разговорном стиле речи // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 1975. С. 3–25.
- Стреляу Я. Роль темперамента в психологическом развитии. М., 1982. 231 с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; ред. С.Д. Кацнельсон. М., 1960. 372 с.
- Усманова М.В. Личность в экспериментальном изучении // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. Пермь, 2002. Вып. 1. С. 70–72.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М., 1968. С. 5–22.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1999.
- Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М., 1977.
- Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка // Онтология языка как общественного явления. М., 1983. С. 172–207.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык: лексика. М., 1977.
- Штерн А.С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990.
- Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
- Штерн А.С. Три аспекта городского билингвизма: фонетический уровень // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 28–37.
- Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эрвин-Трипп С. Социоллингвистика в США // Социально-лингвистические исследования. М., 1975. С. 181–199.
- Юрганов И., Юрганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1977.
- Якубинский Л.П. Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата // Литературная газета. 1931. № 7. С. 22–33.
- Cooper R. Introduction to language attitudes // International Journal of the Sociology of Language. 1975. Vol. 6.
- Fishman P. Conversational Insecurity // Language: Social Psychological Perspectives / Eds. H. Giles, W.P. Robinson, P.M. Smith. New York, 1980. P. 127–132.
- Labov W. The study of language in its social context // Studium Generale. 1970. № 23.
- Maltz D.H., Borker R.A. A Cultural Approach to Male – Female Miscommunication // Language and Social Identity / Ed. J. Gamperz. Cambridge, 1982.
- Osgood C.E., Susi G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

Учебное издание

Ерофеева Тамара Ивановна

ШТРИХИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПРИКАМЬЯ

Учебное пособие по спецкурсу

Подписано в печать 08.10.2012.

Электронное издание для распространения через Интернет.